Іеромонахъ Михаилъ.

НОВЫЕ и СТАРЫЕ ПУТИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. „Новый путь“, его задачи и стремленія
2. Жива-ли Церковь?
3. Новое христіанство Мережковскаго.
4 Нѣчто о смерти и памяти смертной
5 Болѣзнь или здоровье

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. общ. печ. и писчеб. дѣла „Слово“ Ул. Жуковскаго, 21.
1903.

Печатать разрѣшается. Спб. 12 апрѣля 1903 года.

Протоіерей **Философъ Орнатскій.**

557
37

„Новый путь“, его задачи и стремленія.

Съ января текущаго года въ Петербургѣ явилось новое оригинальное изданіе—журналъ „Новый Путь“. Журналъ представляетъ совершенно своеобразное и необычное явленіе въ нашей періодической прессѣ. Задача журнала въ редакціонномъ объявленіи и въ редакціонной статьѣ г. Перцова намѣчается такъ: „онъ долженъ служить тѣмъ теченіямъ, которыя возникли въ обществѣ съ пробужденіемъ религіозной мысли“. Или въ другомъ мѣстѣ: „журналъ долженъ быть провозвѣстникомъ возврата ищущей интеллигенціи отъ утилитарнаго міровоззрѣнія къ новому религіозному міровоззрѣнію“. Самое появленіе этого журнала, независимо отъ его содержанія, представляетъ крупное явленіе въ *церковной* жизни. Въ немъ мы видимъ новое доказательство пробудившагося религіознаго голода, новое доказательство того, что „душа сегодняшняго дня“ *вѣры ищетъ и о вѣрѣ тоскуетъ*. И именно съ этой стороны, какъ свидѣтельство перелома въ настроеніи нашего интеллигентнаго общества, журналъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нѣсколько лѣтъ, какое-нибудь десятилѣтіе тому назадъ, появленіе журнала съ такими задачами и цѣлями было бы положительно немыслимо. Поэтому, конечно, можно только привѣтствовать и желать добраго пути народившемуся „Новому Пути“.

Отношеніе „Новаго Пути“ къ старымъ путямъ намѣчается журналомъ очень опредѣленно, хотя, можетъ быть, эта опредѣленность слегка, призрачная и обманчивая. „Наша родословная,—говоритъ Перцовъ,—это Гоголь, Достоевскій и Соловьевъ“. Но извѣстно, что и тотъ, и другой, и третій были люди церковнаго сознанія. „Мы—говоритъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ изданія—возвращающіеся“. „Мы идемъ въ Церковь и притомъ стоимъ по отношенію къ ней не спиной, какъ сектантство, а лицомъ къ лицу“. Третій изъ сотрудниковъ еще раньше заявилъ, что, по его мнѣнію, совершенно неизбѣженъ и необходимъ возвратъ къ Церкви (Мережковскій).

Опредѣляя такъ свое отношеніе къ Церкви—„путники“ надѣются, что Церковь не отвергнетъ возвращающихся, не только не оттолкнетъ ихъ, но окажетъ имъ дѣятельную положительную помощь и пріязнь. „Они надѣются, что въ лонѣ, православной Церкви религіозная *реформація* (?) осуществится не такъ, какъ въ Европѣ,—придетъ не снизу, а сверху—не путемъ борьбы, а путемъ любви—не черезъ одолѣніе, а черезъ благословеніе“ („Новый путь“ 1, 27).

Такимъ образомъ мы, повидимому, имѣемъ здѣсь дѣло даже не просто съ философскимъ изданіемъ съ религіозной задачей, хотя и это было бы крупнымъ знаменіемъ времени: журналъ характеризуетъ себя какъ органъ, проповѣдующій Церковь и возвращеніе туда блуднаго сына, „блуждавшаго на странѣ“. Да, повидимому,—но я лично болѣе склоненъ думать, что здѣсь, если угодно „знаменіе“ возврата, пророчество о будущемъ возвратѣ въ Церковь, но еще далеко не возвратъ. Было бы очень преждевременнымъ смотрѣть на дѣло слишкомъ оптимистически.

Я не имѣю права говорить за Церковь, однако думаю,

что, конечно, Церковь не оттолкнетъ „возвращающихся“. „Вселенская Церковь въ сознаніи своей правоты и прямоты“ конечно не станетъ загораживать „окольные, проселочные пути, которыми отсталые и заблудшіе пробираются къ посильному спасенію“. „Презрѣть голосъ лепечущій о Богѣ, Церковь не можетъ“,—тѣмъ болѣе не откажетъ она въ любви своей „идущимъ къ ней“. [1])

Только такого возврата она не приметъ, не можетъ принять. Дѣйствительный возвратъ въ Церковь интеллигенціи возможенъ, о немъ молится Церковь—онъ простъ и близокъ, но для интеллигенціи, ищущей свою потерянную душу, а здѣсь!..

Извѣстный проповѣдникъ о. Петровъ смотритъ на „Новый Путь“ съ большою надеждою и вѣрою. Ему кажется, что журналъ выражаетъ только жажду войти въ Церковь безъ всякихъ попытокъ и претензій на какія бы то ни было радикальныя реформы въ церковномъ строѣ и организаціи, какія раньше выходили хотя бы изъ извѣстнаго религіозно-философскаго собранія. „Что же надо сдѣлать?—спрашиваетъ онъ отъ имени Розанова. Чего слѣдуетъ желать, чтобы интеллигенція съ легкимъ и радостнымъ сердцемъ пошла въ широкія и свѣтлыя двери Церкви? Надо ли реформировать Церковь, вдохнуть въ нее новыя силы расширить ея разумѣніе жизни?“

— „Нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ!—отвѣчаетъ самъ В. В. Розановъ. Надо только одного,—чтобы больше было свя-

[1]) „Мнѣ кажется, что не должно совершенно чуждаться не принимающихъ вѣры — но употребить нѣкоторое о нихъ попеченіе по законамъ любви“, говоритъ Василій Великій (Св. Васил. В. 6. 257). И онъ считаетъ возможнымъ даже не требовать отъ еретиковъ—духоборцевъ что бы они называли Духа Св. „Богомъ“.

тости на мѣстѣ святомъ; чтобы сами члены Церкви, представители ея глубже прониклись истинно-церковнымъ духомъ, отрѣшились отъ самодовольной замкнутости и сухое книжничество замѣнили живымъ служеніемъ Живому Богу. Тогда русское общество дѣйствительно вступитъ на „новый путь“; величіе Церкви выростетъ въ необъятную ширь и охватитъ собою всѣ сферы жизни—и литературу, и знаніе, и искусство, и благо народа, и радость семьи. *Тогда* повѣетъ отъ Церкви широкою *струею* на интиллигенцію и тепломъ и жизнью; тогда растаетъ ледяная стѣна между интеллигенціею и Церковью и не станетъ розни, а будетъ едино стадо и единъ Пастырь“. Чуткій, надѣющійся, страстно желающій дѣйствительнаго пробужденія церковного сознанія въ интеллигентномъ обществѣ, о. Петровъ вкладываетъ въ уста Розанова только свои упованія и, кажется, надѣется на большее, чѣмъ должно. А о какой реформаціи—говоритъ г. Минскій? Да и вся первая книжка. „Новаго Пути“ доказываетъ, наоборотъ, что еще долго „новый“ путь не встрѣтится со старымъ нашимъ церковнымъ путемъ. Мы помнимъ, какъ въ одномъ религіозномъ собраніи одинъ изъ руководителей „Новаго Пути“ заявилъ представителямъ церковной правды: „сознайтесь, что и мы и вы не имѣемъ истины, а только еще ее ищемъ; сознайтесь—и будемъ искать ее вмѣстѣ“. Д. С. Мережковскій не говорилъ только, что онъ эту истину уже нашелъ, такъ что, послѣ того какъ представители Церкви сознаются въ отсутствіи пути, онъ укажетъ *имъ путь правды*. Но не въ этомъ дѣло. Мысль, высказанная Мережковскимъ, красною нитью проходитъ и черезъ всю лиловую книжку, которая лежитъ предъ нашими глазами.

И В. В Розановъ вовсе не желаетъ только оживленія церковной жизни въ ея представителяхъ. Никто не

скажетъ, что въ Церкви все благополучно, что ея представители и руководители всегда на стражѣ своей и не спятъ и, еслибы „Новый Путь“ желалъ только нашего покаянія, возрожденія духа церковнаго въ руководителяхъ Церкви, то, конечно, единеніе было бы недалеко.

В. В. Розановъ требуетъ отъ насъ большаго. Онъ намъ указываетъ на примѣръ Византіи, которая будто постоянно каялась и мѣняла то, что создавала, говоритъ что мы будто бы должны послѣдовать по стопамъ той Церкви (старо-Византійской). которая признавала разбойничьимъ соборомъ ранѣе *признанный* вселенскимъ соборомъ (?), разрушала *цѣлыя стѣны* въ своемъ строеніи. Минскій въ статьѣ о свободѣ совѣсти заявляетъ, что они—„возвращающаяся интеллигенція—вносятъ въ Церковь свое пониманіе догматовъ, свое прозрѣніе религіозной истины и не могутъ отъ этого пониманія отказаться“. Очевидно, здѣсь та же мысль [1]), которая рѣзко выражена была Д. С. Мережковскимъ и на одномъ изъ недавнихъ. рел-фил. собраній: „церковные догматы, наши догматы—это кандалы, которыя убиваютъ религіозную мысль и религіозную дѣятельность“—старую догматику нужно замѣнить новой. Вотъ эта мысль о неустойчивости церковнаго сознанія, необходимости догматической ломки и радикальнаго обновленія Церкви и представляетъ камень преткновенія на „новомъ пути“, и вмѣстѣ съ тѣмъ и главную причину, по которой, *какъ мнѣ думается*, трудно слиться двумъ путямъ въ одинъ путь, ведущій *къ царству Божію*.

Церковь считаетъ неизмѣннымъ свое догматическое религіозное содержаніе—и въ этомъ ея значеніе и

---

[1]) Минскій, кажется, еще наиболѣе сдержанный въ отношеніи къ Церкви изъ „троицы“ „Новаго Пути“.

сила. Именно такая Церковь, неподвижная въ своихъ основахъ, непоколебимая, и нужна расшатанному человѣку, какъ опора, на которую всегда можно опереться... „Въ минуту полной расшатанности человѣка,—пишетъ Случевскій, когда онъ сокрушенъ въ себѣ, а слѣдовательно для него сокрушенъ и весь міръ, Церковь, какъ внѣшняя изобразительница молитвы, вѣры въ Бога, Церковь, въ ея неподвижности отъ вѣка, въ текстахъ и реченіяхъ, замшившихся отъ безконечной давности, Церковь, чуждая измѣняемости—въ смыслѣ моды и развитія—остающаяся незыблемою, неподвижною въ верченіи времени,—становится вполнѣ необходимою. Только такую, несомнѣнно неподвижную во времени Церковь, мнѣ нужно, потому за такую неизмѣняемую въ измѣняемости всего могу ухватиться я утопающій“...

Собственно понятіе неизмѣнности логически слѣдуетъ изъ понятія Церкви. Церковь опредѣляетъ себя какъ богочеловѣческій организмъ, въ которомъ живетъ Христосъ и Духъ Божій. Собственно Церковь есть выраженіе, проявленіе этого Духа Божія въ человѣческой совѣсти, и особенно въ жизни соединенныхъ въ церковное единство вѣрующихъ. Жизнь Церкви есть откровеніе Бога. Но, конечно, если *Сынъ Человѣческій* не зналъ дня и часа, когда Онъ придетъ, то *Христосъ и Духъ*, живущій *въ Церкви*, обладаетъ полнымъ вѣдѣніемъ того, что Божіе. „Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій“. Въ Церкви, какъ постоянномъ откровеніи Духа, дано все содержаніе *возможной* догмы. Это не значитъ, конечно, что Церковь остановилась и застыла въ своемъ развитіи. „Христіанство, — говоритъ Минскій, — это храмъ не ветшающій, слѣдовательно, никогда не перестаетъ расти, потому что все, переставшее расти, начинаетъ ветшать“. И мы думаемъ, что

христіанство не есть „окончательно перемытый рудничный песокъ, изъ котораго извлечено — нашимъ сознаніемъ, культурнымъ разумомъ нашего христіанскаго вѣка—до послѣдней крупицы *все золото и вся истина*“. Никогда такъ не понималась въ христіанской догматикѣ неподвижность догматовъ, истина догматической *„неразвиваемости* Церкви“. Мы думаемъ, что, когда отцы Никейскаго собора, по нуждѣ времени, установили истину Божественной троичности, то, по изволенію Духа Божія, въ это время „небо раскрылось“: общему сознанію собравшейся въ Никеѣ Церкви догматъ троичности былъ ясенъ, не только какъ діалектическая формула, а какъ живая истина, какъ описаніе внутреннѣйшей жизни Божества. Соборъ, записывая истину, переживалъ въ эту минуту и внутреннюю идею формулы, видѣлъ то, что должно открыться въ концѣ временъ, понималъ догму, какъ „правду“ божественной и *ихъ* человѣческой *„жизни“*. Но эта открывшаяся сознанію Церкви истина не могла быть и не стала достояніемъ религіознаго содержанія каждаго... Приподнятая, „по изволенію Духа“, для собора завѣса снова опустилась, хотя лучъ свѣта уже успѣлъ проникнуть на землю, задержался здѣсь. Съ этихъ поръ усвоеніе и этой и всякой другой истины догматики должно было быть достигнуто только длиннымъ путемъ, тѣмъ самымъ путемъ, какимъ осуществляется заповѣдь: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ“. Догма осталась какъ формула, оболочка, въ которую нужно проникнуть „живымъ и дѣйствительнымъ обращеніемъ со Христомъ“ (Сперанскій) въ Церкви. Въ тотъ моментъ, когда догма открыта, не окончился, а только начался путь религіознаго развитія. Я воспользуюсь однимъ сравненіемъ, которое уже приводилъ въ другомъ мѣстѣ. Толпа слѣпыхъ пришла къ храму Аммона, чтобы услышать бога,

говорившаго въ храмѣ... Пришли, сѣли на ступеняхъ храма и стали слушать.

Увы... голоса не было, и они рѣшили, что богъ ушелъ изъ храма. А дѣло было проще. Они сидѣли у запертыхъ дверей и не слышали голоса внутри...

Мы около догмы, только у дверей храма и какъ часто мы говоримъ: неслышно тамъ голоса Божія: буква „изжита"—изсякла. А нужно войти въ дверь. Символьная догма только вѣха, указывающая направленіе. И каждый отдѣльный человѣкъ, каждая отдѣльная эпоха стоитъ не на одинаковой ступени въ этомъ восхожденіи къ познанію.

Отсюда ясно, что, хотя въ Церкви не возможна новая догма, но вполнѣ возможно религіозное догматическое развитіе сознанія въ человѣкѣ и даже въ цѣлой эпохѣ — ищущей Боговѣдѣнія. Поэтому-то не то смущаетъ, что, какъ говоритъ г. Минскій, возвращающіеся „несутъ свое прозрѣніе догмы",—смущаетъ мысль, что это прозрѣніе какъ будто рождается не оттуда, откуда ему суждено родиться.

Мы вѣримъ, что постиженіе догматовъ возможно только въ Церкви, по самому существу догмата. „Я повѣрилъ,—пишетъ Л. Н. Толстой,—что истина познается общею любовью, но потомъ я понялъ, что это нелѣпо, потому что изъ любви многихъ рождается только великая любовь, а не истина. Едва ли онъ понялъ *„потомъ"* больше, чѣмъ *„прежде"*. Дѣло въ томъ, что Богъ, по опредѣленію христіанской Церкви, есть любовь. Каждое Его свойство, выраженное въ догмѣ, есть обнаруженіе той же любви; вездѣ и всегда Богъ проявляется какъ любовь. Поэтому вполнѣ понятно, что, *какъ любовь*, Онъ познается любовію, а отсюда слѣдуетъ и то, что познаваться Онъ можетъ только Церковью, которая тоже есть любовь и *по этому свойству въ своемъ вселенскомъ со-*

знаніи есть отраженіе Бога, если позволительно такъ сказать, Его повтореніе. Слѣдовательно, познаніе Бога возможно по мѣрѣ того, какъ человѣкъ этически къ этому приготовленъ, по мѣрѣ проникновенія церковною жизнію. Теперь приходятъ „возвращающіеся“ и заявляютъ, что у нихъ новое прозрѣніе догматовъ и они отъ него не могутъ отказаться. То, что они свое прозрѣніе не желаютъ даже сопоставлять съ тѣмъ, которое пріобрѣла Церковь тысячелѣтіями религіознаго опыта, показываетъ, что едва ли источникомъ этого прозрѣнія была любовь, которая *одна открываетъ Бога*. Христіанская Церковь знала ученіе о такъ называемомъ λογος σπερματικος, о возможности проникновенія въ истину Божества, даже отчасти въ глубочайшія догмы христіанскія естественнымъ актомъ углубленности въ религіозныя истины. Поэтому Церковь никогда и не пренебрегала религіознымъ знаніемъ даже язычества, склонна была искать въ немъ элемента подлиннаго религіознаго знанія. Поэтому же она и теперь склонна думать, что возвращающіеся къ ней сильные люди, отдавшіе себя богопознанію и богоискательству, могутъ въ самомъ дѣлѣ быть нужными для ней трудниками на церковномъ пути. Но она думаетъ, что все же для нихъ единственный путь къ учительству—*чрезъ ученичество*, какъ справедливо заявилъ о, Петровъ въ статьѣ о „Новомъ Пути“. А кажется, что эти возвращающіеся именно не хотятъ быть учениками. Конечно, не нашими учениками должны быть они. Ни одинъ изъ такъ называемой учащей Церкви русской—такой у насъ и нѣтъ—не считаетъ себя учителемъ. Учиться можно только у Церкви, у организма общей любви и христіанскаго согласія.

Путники, вступившіе на „новый путь“, начинаютъ съ осужденія стараго. Старая догма для нихъ кандалы, и они предлагаютъ новую догму. — Но позволительно

спросить, насколько знакомъ для нихъ старый, осужденный ими путь? Годъ тому назадъ одинъ свѣтскій писатель съ горечью осудилъ старый академическій способъ богословствованія.

„Мы,—говорилъ онъ,—съ ревностью, достойной лучшей участи, хранимъ догматическую скорлупу, настолько закаливъ, или точнѣе, заморозивъ ее холодомъ научной разсудочности, что ищущимъ питательнаго зерна Христова доступъ къ нему оказывается положительно преграженнымъ. Вмѣсто запрятаннаго нами зерна мы предлагаемъ скорлупу, необходимую, правда для зерна, характерную для него, но саму по себѣ не утоляющую голода“. (Новоселовъ).

Это говорилось о старомъ отношеніи къ догмѣ, какъ буквѣ, данной не для усвоенія, а только для храненія. И мы не протестуемъ противъ этого горькаго слова. Тотъ, кто его сказалъ, зналъ, что въ нашемъ благословствованіи уже прокладываются тоже „новые пути“, которые вѣрнѣе будутъ путями староцерковной греческо-отеческой традиціи. Онъ называетъ имена еп. Антонія, Соловьева, Хомякова, Несмѣлова. А знаютъ ли ихъ „новые путники?“

Еще извѣстный Ѳеодоръ Бухаревъ ночами плакалъ и годами молясь трудился и трудясь молился о томъ, чтобы проникнуть хотя немного въ глубочайшій жизненный смыслъ догматическаго откровенія, и мы думаемъ, *что было ему по молитвѣ его*. Новая богословская русская литература больше всего занимается тѣмъ, чтобы психологически оправдать Церковь, уяснить себѣ въ возможной для насъ здѣсь мѣрѣ догму съ жизненной, нужной для нашего нравственнаго духовнаго сознанія стороны, въ этической его правдѣ. Пусть тутъ не сдѣлано ничего. Но неужели искателямъ новаго пути не слѣдовало справиться о томъ, что сдѣлали эти

„старые“ искатели? Еп. Антоній, еп. Сергій, Несмѣловъ, Бухаревъ, славянофилы?.. Толстой говоритъ о себѣ будто онъ изучилъ все православное богословіе; въ дѣйствительности изучилъ онъ собственно книгу преосв. Макарія. У насъ есть основанія думать, что новые искатели не сдѣлали и этого. „На русскихъ богословахъ нѣтъ благодати, чтобы ихъ читали,—сказалъ одинъ изъ „дѣятелей новаго пути“. Правда ли? — я знаю, что у насъ не читаютъ и тѣхъ, кого едва ли можно назвать безблагодатнымъ. Я лично собиралъ статистическія справки о томъ, кто читаетъ евангеліе? Оказалось, что даже изъ тѣхъ, *которые хорошо знали „исповѣдь“ и „евангеліе“* Толстого, нѣкоторые не читали *совсѣмъ* Христова евангелія. Не вѣрите? Ручаюсь своимъ священническимъ словомъ. Неужели же „*Онъ* оказался безблагодатнымъ“.

Но пусть — трудно приглашать, чтобы насъ читали тѣ, которые не хотятъ читать. Я хотѣлъ бы задать другого рода вопросъ, который имѣю право предложить именно потому, что руководители „Новаго Пути“ говорятъ во имя Церкви и заявляютъ о своемъ возвращеніи къ Церкви. Есть еще старый и забытый путь проникновенія въ истину догматовъ. Объ одномъ — тоже религіозно-философскомъ—собраніи (частномъ кружкѣ) не помню кто, мѣсяцъ тому назадъ разсказывалъ мнѣ такой случай. Въ кружкѣ обсуждали реформу Церкви, говорили о будущемъ Церкви возрожденной, Новомъ Іерусалимѣ, въ которомъ будетъ свобода мысли, импровизаціи, свободная вдохновленная молитва, пророчества. Всѣ были возбуждены и, кажется, *были близки къ пророческому вдохновенію*. Но вотъ въ концѣ концовъ одинъ изъ присутствующихъ предложилъ: хорошо, — *давайте-жъ теперь молиться о томъ, чтобы была такая Церковь*. Ему собраніе отвѣтило полнымъ *молчаніемъ*. Для

этого собранія это и было приговоромъ и осужденіемъ. Говоря объ импровизаціи, о духѣ пророческомъ, оно совсѣмъ не знало единственнаго пути, „забытаго пути“ богопознанія—проникновенія во внутреннюю жизнь Божества сліяніемъ съ Нимъ въ молитвѣ.

Если и этотъ „забытый путь“ не извѣстенъ руководителямъ новаго движенія такъ же, какъ и нашъ старый путь, то тогда ихъ путь—ложь, они обольщаютъ и себя, и другихъ, и движеніе ихъ носитъ только характеръ красиваго спектакля.

И еще одно слово... Л. Авилова въ интересной сказкѣ „Слуги счастья“ разсказываетъ слѣдующее. Приходитъ на землю Христосъ. Онъ ищетъ учениковъ Своихъ и не находитъ. Слуги Его „іерархія“ ушли (Авилова повторяетъ Розанова) на другіе пути, подмѣнили Его Церковь и истину. Но вотъ приходитъ къ Нему одинъ человѣкъ, и заявляетъ, что онъ хочетъ замѣстить Его старыхъ слугъ, быть слугой Его — Христа — и вмѣсто ихъ понести въ міръ истину. „Мнѣ, — говоритъ этотъ маленькій черненькій человѣчекъ, надоѣло, жизнь пошла, глупа и несправедлива. Сильные — подлы и жестоки, слабые—угнетены и несчастны. Я хочу быть сильнѣйшимъ изъ сильныхъ. Ненависть, злоба и презрѣніе душатъ меня. Я возьму ихъ своимъ орудіемъ и переверну весь міръ. Я не хочу дѣлать зла. Пусть признаютъ мою волю: она будетъ благоразумна и всѣмъ будетъ легче дышать, чѣмъ теперь. Но чтобы достичь власти, я не остановлюсь ни предъ зломъ, ни предъ преступленіемъ“.

— Я не знаю тебя,—сказалъ Одинокій.

— Такъ слушай же. Я тоже не зналъ Тебя. Но я чувствовалъ, что Ты не можешь быть „тамъ съ *„ними“*, съ Церковью. И я ненавидѣлъ ихъ за ихъ обманъ, за ихъ ложь, ихъ ловкость и успѣхъ, за все, что подняло

ихъ надъ толпой и дало въ ихъ руки богатство и силу. О, какъ я ненавидѣлъ ихъ! Только такая ненависть, изступленная и злая, помогала мнѣ самому хитрить и лгать, чтобы втереться въ ихъ среду, слѣдить, шпіонить за ними. Я надѣялся, что мнѣ удастся открыть что-нибудь важное, чтобы потомъ уличить, произвести грандіозный скандалъ. И мнѣ удалось... Я обличилъ ихъ и я сталъ надѣяться, что Ты есть, что Ты придешь и поможешь мнѣ. Ты сказалъ, что Тебѣ не нужны безсильные робкіе слуги. Я силенъ и я смѣлъ. Прикажи мнѣ быть Твоимъ слугой.

— Ты не *можешь!*—печально сказалъ Одинокій.—У тебя много силы, *но твое оружіе—ненависть, а не любовь.*

Христосъ не принялъ этого самозваннаго замѣстителя старыхъ слугъ, потому что имъ двигала только ненависть. Если кто-нибудь изъ корчмихъ „Новаго Пути“ узналъ въ этомъ человѣкѣ себя, свое настроеніе, то тогда впередъ осуждено ихъ дѣло. Созданное враждою и ненавистью, оно, конечно, уже не приведетъ ни къ единенію, ни къ Богу. Къ любви не ведетъ вражда. Говорятъ, что реформаторы, носители новаго прозрѣнія догматовъ, хотятъ нашу Церковь замѣнить Церковью Іоанна. Для этого имъ нужно прочесть хотя одинъ разъ невѣдомыя имъ писанія великаго апостола:

...Не любяй брата пребываетъ въ смерти [1]).

---

[1]) На тему настоящей бесѣды я намѣренъ поговорить еще въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ, въ „открытомъ письмѣ“ къ одному изъ сторонниковъ В. В. Розанова и его „адогматизма“.

Жива-ли Церковь?

Недавно такой вопросъ поставилъ себѣ и далъ на него свой отвѣтъ одинъ публицистъ въ маленькомъ полубеллетристическомъ разсказѣ. Разсказъ этотъ носитъ заглавіе: „Тревожная ночь“.

Авторъ его хочетъ символически изобразить Церковь. И вотъ двѣ картины. Пустая церковь. Въ ней совершаетъ службу, всенощную, старикъ священникъ. И церковь освѣщена. Изъ ящика вынули всѣ свѣчи для того, чтобы освѣтить церковь. И чувствуется, что это сдѣлано намѣренно. Хотятъ освѣтить церковь, потому что иначе въ ней слишкомъ страшно и жутко. А жутко потому, что пусто. Помните какъ Хома Брутъ у Гоголя освѣщаетъ церковь, чтобы не бояться. И ходитъ священникъ по храму и поетъ: „Хвалите, раби, имя Господне; хвалите, раби, Господа“. А рабовъ—то и нѣтъ. Всѣ они покинули храмъ, опустѣлъ онъ. И эта пустота какая-то особенная, вѣковѣчная, преднамѣренная и окончательная. Пустъ храмъ не случайно какъ-нибудь, а навсегда. Всегда будетъ пустъ... Другая картина... Плыветъ изъ Соловокъ въ Архангельскъ монашеское судно, ветхое, полуразвалившееся. На немъ капитанъ монахъ и монахи прислужники. А время бурное. Разбиваетъ корабль. И страшно монахамъ. Хотя, когда они вышли изъ своей пристани, они и пѣли:

„изволися святому Духу и намъ“, но корабль все-таки погибалъ. Потому погибалъ, что на путь его не было изволенія Духа Божія, а только ихъ изволеніе. И даже сами они чувствуютъ въ глубинѣ души, что плывутъ не по Божію, а своему изволенію. Да и цѣли, ради которыхъ отплылъ корабль, не были святыми цѣлями. Судно вышло для того, чтобы захватить одного богатаго купца, отъ котораго монастырь надѣялся на богатое даяніе... Корабль разбило. „И плакали о немъ купцы. И цари плакали, говоря: какое богатство погибло“ (Апокалипсисъ). Ничего не осталось. Мерзость запустѣнія стала на мѣстѣ святомъ, Прекратились жертвоприношенія. Осталась только стѣна плача. Доколѣ, Господи? До времени... до времени...

И мнѣ—заключаетъ авторъ—хотѣлось помочь судну, но что я?—Я только пассажиръ.. *Астарт умилая.*

Читателю нѣтъ нужды разъяснять, о какомъ кораблѣ говоритъ Розановъ. Онъ хочетъ сказать, что погибла Церковь, потому что она живетъ не Духомъ Божіемъ, не произволеніемъ Божіемъ. Что значитъ это? Какъ принять эту новую хулу на Духа Святаго? Жива - ли церковь? Я полагаю, что сложность вопроса дѣлаетъ нужнымъ нѣчто въ родѣ предисловія. Гдѣ—спросимъ мы—критерій, мѣрка—для рѣшенія вопроса?

Идея разсказа „Тревожная ночь“—часто высказывалась въ т. н. религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Авторитетъ этихъ собраній позволяетъ намъ именно тамъ искать критерія... Въ одномъ изъ собраній эта мѣрка была установлена очень опредѣленно. Одинъ изъ соучастниковъ собраній отстаивалъ мысль, что жизнь Церкви только тамъ, гдѣ община, христіанское организованное единство. Эта мысль была принята въ ея ядрѣ, сущности, но здѣсь же отмѣтили, что терминъ „единство организованное“ привноситъ

въ понятіе нѣчто ложное, юридическое. Жизнь Церкви не тамъ, гдѣ община,—а гдѣ „спасеніе“, общность во Христѣ, ощущеніе присутствія Христова; не въ отдѣльной душѣ, а въ союзѣ душъ (Тернавцевъ).

Церковь—гдѣ единеніе, гдѣ не погасъ „огонь Христовъ“, христіанское одушевленіе, не забыты двѣ заповѣди: любовь къ Богу и ближнему.

Противъ такого пониманія—тоже не возражали по существу.

Исторія церкви, однако, вноситъ и въ такое пониманіе не поправки, а дополненія.

Припоминается церковь Саванаролы. Блестящій, горящій огнемъ Христовымъ проповѣдникъ,—паства послушная своему учителю. Церковь способная сжечь огнемъ пламеннаго экстаза всякій грѣхъ. Здѣсь присутствіе Христа, какъ будто, очевидно. И вотъ черезъ нѣсколько—дней—на кострѣ—самъ Саванарола, и вся его паства тутъ же ликующая, радостная, кричитъ: „распни Его“. Очевидно, что здѣсь церковь—не была въ дѣйствительности живой; церковь была подмѣнена сценой и волшебная феерія была принята за живую церковь.

А это крушеніе церкви Саванаролы не заставляетъ ли думать: что такая приподнятая—аффектированная церковь—и *всегда „подмѣненная“* церковь — сцена, осложненная элементами искуственнаго возбужденія?

Далѣе... Церковь Гильдебранда (папы Григорія VII)—владѣющая міромъ, подчинившая себѣ все, выдвинувшая цѣлую армію воиновъ Христа въ лицѣ монашескихъ орденовъ,—но вотъ эта церковь:

Крестъ зеленый, символъ вселюбви и всепрощенья.
Uvivalafe—глядите тутъ же жертвы всесожженья—
восемнадцать осужденныхъ (Фругъ).

Живая церковь здѣсь даже совсѣмъ какъ будто не „домъ Христовъ“.

Теперь—положимъ—церковь св. Іоанна на Патмосѣ. Онъ въ послѣдніе дни говорилъ только три слова: чадца, любите другъ друга. Около него родилась церковь. Возникшая изъ еле слышной проповѣди Іоанна—могла ли она принять кричащія яркія формы? Конечно, нѣтъ. Это незамѣтная церковь — группа людей, соединенныхъ глубокой и потому не яркой, настоящей и потому не бросающейся въ глаза любовью. Конечно, нечего и спрашивать, какая изъ трехъ церквей живетъ „въ духѣ“?

Понятно, что я хочу сказать этими параллелями. Церковь—есть общность, но не общность аффектированной толпы, а углубленная... идущая внутрь. Отсюда и отвѣтъ на нашъ вопросъ „жива-ли церковь“ нужно искать прежде всего въ глубинѣ народно-церковнаго духа, не въ „организаціяхъ“, а церковномъ сознаніи.

Это намѣчаетъ первую половину нашей задачи—въ параллель первой половинѣ „Тревожной ночи“.

Но далѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь церковнаго духа обязательно должна выражаться и въ ея внѣшнемъ творчествѣ. Церковь — народъ можетъ быть и сохраняетъ Христа, но онъ уже отпалъ отъ церкви, или отъ него отпала церковь—организація, священство. Вѣдь когда говорятъ о безжизненности Церкви, то пожалуй чаще и разумѣютъ церковь учащую, священство.

Обвиненія Розанова во второй половинѣ сказки касаются именно „кормчихъ и лоцмановъ Христова корабля“. И эти обвиненія, конечно, идутъ не отъ одного Розанова.

Часто слышатся они на философскихъ собраніяхъ. Церковь—говорятъ—забываетъ вторую половину запо-

вѣди, на которой „висятъ законъ и пророки“... Она, т. е. священство — безучастно къ людямъ, ихъ горю, къ землѣ. Оно окаменѣло въ самодовольномъ сознаніи своей святости. Церковь не пожалѣетъ „косую вдову съ ея ребенкомъ“, которую пожалѣлъ Толстой (слова Розанова). Интеллигентъ думаетъ и о здоровьѣ народа, и о правосудіи, и о гибели общественной нравственности черезъ пьянство. Церковь—ни о чемъ. „Отъ Ватикана до Антіохіи—не осталось въ церкви—отъ христіанства ничего, кромѣ умѣнья навести справку по книгамъ“. Такое обвиненіе выдвигаетъ новую задачу для апологета: необходимо отвѣтить—есть ли жизнь въ церкви, какъ „организаціи спасенія“, въ священствѣ, какъ строителѣ этой организаціи.

Вотъ два направленія въ какихъ мы должны вести наше изслѣдованіе. Теперь—полагаю можно перейти и къ его сущности: жива-ли Церковь?

Начну свой отвѣтъ — призывающимъ Церковь къ своему самозванному суду словами одного изъ корчемниковъ церковнаго корабля, которому я передалъ о новомъ походѣ на Духа Божія.

„Да, и мнѣ пришлось недавно прочитать кое что въ этомъ родѣ“, говорилъ мой собесѣдникъ.

Какая то невѣдомая Авилова обвиняетъ насъ еще въ большемъ. Мы „слуги Господина“, по ея словамъ, совсѣмъ забросили данный намъ на храненіе „домъ Его“ и онъ обвѣтшалъ и обвалился и, хуже всего, мы подмѣнили церковь: вмѣсто ея, св. Церкви, Его подлиннаго дома—построили блестящіе дворцы во имя Его, *гдѣ нѣтъ его жизни*. И изъ этихъ дворцовъ—мы будто бы по волѣ своей раздаемъ не *Его* а *наше* счастье; во имя Его владычествуемъ надъ раболѣпствующей толпой увѣряя ее, что мы Его ученики — и наше ученіе Его ученіе. Г-жа Авилова пророчествуетъ, что если бы

Христосъ сошелъ на землю, то Онъ не пошелъ бы въ въ эти свѣтлыя палаты, созданныя во имя Его, не призналъ бы своихъ учениковъ въ „слугахъ Господина“,— да и они не признали бы Его, чтобы не лишиться власти и дворцовъ, „построенныхъ хитростью, корыстью и лицемѣріемъ“.

Я перескажу вамъ конецъ этой сказки, которая, пожалуй, сильнѣе Розановской.

Пришелъ „Господинъ“. Народъ и слуги (мы іерархія) пошли къ нему. Остановились слуги и слуги слугъ и долго, молча, смотрѣли на него.

„Ты Господинъ нашъ“? спросилъ самый важный изъ нихъ. Нѣтъ вы не Мои слуги. „Ты счастье“? спросилъ другой. Не знаю вашего счастья, сказалъ Тотъ.

„Вы видите это не Тотъ, Кого мы искали“—обратились слуги къ народу. И всѣ старые слуги, которые жили тогда вмѣстѣ съ Господиномъ, заявили: „не Тотъ—мы не знаемъ Его“.

— „Пойдемте же въ домъ Господина вашего“. И пошли. Впереди слуги, за ними народъ. *Казалось, змѣя заползала въ свою нору—та змѣя, которая пожираетъ свой хвостъ, когда голодна“*. Читали вы это?—Какъ жестко и жестоко.

Доколѣ Господи? Мы слуги твои, передъ Тобою; недостойны мы Тебя, но любимъ Тебя. Ждемъ Тебя и царства Твоего. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы ищемъ власти и пожираемъ жизнь народа нашего. Ради этой хулы—Ты простишь намъ многое, въ чемъ виноваты мы передъ Тобой. Тебѣ вѣдомо, что вѣка, цѣлые вѣка страданій пережили мы во имя Твое. Если прошлый нашъ путь—былъ via dolorosa, то и теперешній не „дорога розъ“. И можетъ быть—приниженные, нищенствующіе, мы забываемъ Тебя, но никогда мы не подмѣнивали Твоей истины, Твоего слова. Мы исповѣдуемъ Тебя,

хотя отреченіе отъ Тебя пріобрѣло бы намъ одобреніе и хвалу теперешнихъ хулителей. Приди, — можетъ быть,—Ты не узнаешь насъ, но мы придемъ къ Тебѣ и будемъ цѣловать ноги Твои, прося прощенія—за то, что, не желая, какъ католичество, строить дворцы подмѣной Твоего благовѣстія, мы, однако, сумѣли расширить и умножить „домъ Твой“ своимъ трудомъ и кровью.

Простите мнѣ—продолжалъ владыка—за это отступленіе. Да. Тяжело, но отвѣчать нужно. Не въ первый разъ требуютъ отъ насъ возвращенія пяти талантовъ—тѣ, которые не вручили намъ ихъ на храненіе. Но пусть. Мы обязаны давать отчетъ о нашемъ дѣланіи всѣмъ вопрошающимъ, Потеряла ли въ самомъ дѣлѣ Церковь истину, которая была дана ей на храненіе?

Среди смутъ и вѣковой борьбы противъ истины одна Церковь, которую теперь называютъ погибшей и умершей, сумѣла сохранить истину Христову, *идею Церкви, какъ Тѣла Христова*, „организаціи любви въ свободѣ“, идею соборной и всенародной Церкви. Одна эта Церковь всегда учила и учитъ, что Церковь эта весь церковный народъ, что жизнь церковная созидается жизнію всего народа, возглавленнаго Іисусомъ Христомъ. За что упрекаютъ Церковь? За то, что она не захотѣла послѣдовать за искусителемъ, не захотѣла взять въ свои руки власть и объявить рабами тѣхъ вѣрныхъ, которыхъ Христосъ отдалъ ей въ руководство, и не захотѣла манить за собой народъ обѣщаніемъ насытить пятью хлѣбами 5 тысячъ человѣкъ, обѣщаніями рѣшить и соціальный и всѣ другіе вопросы, не гипнотизируетъ массу тайной и авторитетомъ, отнимая у нея Писаніе и оставляя только для іерархіи чашу крови Господней (какъ католичество).

Она не могла и не хотѣла также дозволить каждому идти по своему пути, проповѣдуя возможность

„отъединеннаго спасенія“, безъ союза церковнаго, какъ протестанство. И вотъ ее многіе покинули, одни отправившись за поисками хлѣба. другіе потому, что хотятъ свободы, желаютъ быть внѣ послушанія, и не намъ корчемникамъ, а закону единенія и любви Христовой

И не есть ли видимое оскудѣніе Церкви доказательство ея жизни? если она смогла до сихъ поръ не слиться съ требованіями міра, и не приспособляется къ желаніямъ міра и не передѣлываетъ своего закона по желанію людей, какъ западное христіанство, то не значитъ ли, что въ ней лежитъ внутренняя сила, дающая ей устойчивость? Только такая—церковь—несомнѣнно—неподвижная во времени, замшившаяся въ безконечной древности, чуждая измѣняемости—нужна человѣку, растерянному и разшатанному, чтобы могъ онъ за нее, утопающій, уцѣпиться“. Это говорилъ святитель.

Я думаю, что нашъ болѣе полный отвѣтъ можетъ быть только повтореніемъ этого—короткаго.

Г. Розановъ утверждаетъ, что Церковь умерла и опустѣла: мерзость запустѣнія стала на мѣстѣ святомъ. Конечно, говоря объ опустѣвшемъ храмѣ, онъ разумѣетъ не видимые храмы, а мистическую Церковь, но я все же позволю себѣ искать отвѣта на вопросъ, жива ли Церковь и въ нашихъ будто бы духовно запустѣвшихъ храмахъ. Это тѣмъ болѣе не лишнее, что въ своемъ докладѣ въ религ.-философскихъ собраніяхъ онъ утверждалъ, что дѣйствительно пусты и наши храмы. „Храмъ Божій сталъ послѣднимъ остаточнымъ мѣстомъ, куда заходятъ только кому дѣлать нечего, храмъ сталъ чужимъ дѣломъ и чужимъ мѣстомъ“.

Недавно мнѣ пришло въ голову обойти инославные и православные храмы, чтобы посравнить впечатлѣніе, которые производятъ эти храмы.

Я зашелъ въ католическій храмъ. Огромный и

блестящій соборъ. Молятся, какъ будто, внимательно и усердно. Но странно, въ этомъ храмѣ было очень холодно. Чувствовалось, что священникъ здѣсь самъ по себѣ, а народъ самъ по себѣ — стоитъ и молится, не чувствуя никакой органической таинственной связи своей съ совершителемъ церковной службы. Здѣсь нѣтъ народа церковнаго, съ пастыремъ совершающаго *литургію*, а литургія, по гречески, значитъ общее дѣло, общая служба. Священникъ говоритъ откуда-то издали, сверху къ толпѣ, стоящей внизу. Незнакомый, не мнѣ незнакомый, а самимъ присутствующимъ въ храмѣ католикамъ, чужой, мертвый языкъ. Голосъ хора—здѣсь не „выраженіе мысли всѣхъ". Нѣтъ, здѣсь человѣкъ остается одинокимъ передъ молитвою, ибо отъ него не требуется, чтобы онъ ее понималъ и мысленно на нее отозвался (Хомяковъ). Холодно. На лицахъ нѣкоторыхъ молящихся видно религіозное, искреннее какъ будто воодушевленіе, но въ этомъ воодушевленіи чувствуется отпечатокъ—у однихъ какого-то будто затаеннаго страха, у другихъ—мистической экзальтаціи, экстаза, вмѣсто той спокойно углубленной вѣры, построенной на любви, которая, повидимому, должна бы быть въ храмѣ христіанскаго Бога. Наступилъ моментъ причастія. И вотъ, когда я увидѣлъ народъ, *лишенный участія Крови Господней*, я почувствовалъ, какъ мало жизни въ этой Церкви, не допускающей народъ свой придти ко Христу, чтобы „увидѣть Его всего", соединиться съ Нимъ *въ тѣлѣ и крови Его*.

Въ тотъ же день я наблюдалъ за выходомъ изъ исповѣдальной исповѣдующихся тамъ женщинъ. Первая вышедшая остановила мое вниманіе страннымъ съ нашей православной русской точки зрѣнія выраженіемъ лица. На этомъ лицѣ еще не исчезъ *отпечатокъ застывшаго ужаса*, того же, какой я видѣлъ и тамъ въ

храмѣ. Видѣлось и чувствовалось, что она только что вышла не отъ священника Христова, не изъ лечебницы, врачующей уставшія души, а изъ судилища, которое дѣйствовало на ея душу ужасомъ, впечатлѣніемъ чего-то страшнаго, представленіемъ карающей руки Господней.

Затѣмъ вышла другая. У этой, наоборотъ, на лицѣ удовлетворенность и, пожалуй, счастье. И мнѣ удалось узнать, конечно, не сейчасъ отъ этой (извѣстной мнѣ) женщины причину такого настроенія:

Священникъ, властію Бога, разрѣшающаго грѣхи, дозволилъ этой женщинѣ продолжать сожитіе съ любимымъ ею человѣкомъ, подъ условіемъ только того, чтобы она не говорила объ этомъ мужу и не разстраивала счастья своей семьи.

Здѣсь снова впечатлѣніе чего-то вполнѣ человѣческаго, не божественнаго. И я рѣшилъ, что въ этой Церкви „компромиссовъ“ и Бога, дышущаго огнемъ устрашающимъ,—нѣтъ жизни.

...Протестантскія похороны. Опускается въ землю одинъ изъ христіанъ. И въ этотъ большой моментъ перехода въ другую жизнь не слышится ничьихъ молитвъ. Никто не сопровождаетъ своего собрата молитвеннымъ напутствіемъ въ ту, другую, новую жизнь. Молчаніе и рѣчи, простыя гражданскія, не „надгробныя“, а „юбилейныя“ рѣчи. И мнѣ думалось: если въ эту минуту эти христіане не чувствуютъ въ себѣ внутренняго порыва, или не чувствуютъ въ себѣ права молиться объ этомъ отходящемъ въ другую жизнь, не способны хотя бы безсознательно воскликнуть Богу, къ Которому идетъ усопшій, о томъ, чтобы Господь смиловался надъ душою его, то не есть ли самое это исповѣданіе, убившее и запретившее молитву за умершихъ,—отрицаніе жизни самой души, къ Богу отходящей и, значитъ, отрицаніе и жизни Церкви.

Въ протестантскомъ храмѣ... Тоже большой и тоже красивый соборъ. Широкими волнами разносились звуки органа и стройное, какъ будто, общее пѣніе. И опять можно замѣтить, пожалуй, какую-то молитвенную напряженность и религіозное чувство. И въ то же время не только чувствуется, но уже несомнѣнно приходится признать *полное отсутствіе единенія между этими людьми, собравшимися здѣсь.* Въ самомъ дѣлѣ, для чего они тутъ? И могутъ ли они молиться рядомъ другъ съ другомъ?

Они вѣрятъ, что никто, ни одинъ изъ умершихъ, отошедшихъ къ Богу, ни одинъ изъ тѣхъ, кто по нашему вѣрованію стоитъ около Божественнаго престола, не можетъ оказать молитвенной помощи никому изъ живущихъ на землѣ. Никто, стоящій у Божественнаго престола, не можетъ молить Господа о томъ, чтобы онъ помиловалъ брата его, живущаго на землѣ. А если такъ, то зачѣмъ собрались сюда эти молящіеся; если не могутъ молиться *тѣ*, то какъ могутъ тогда и живущіе на землѣ молиться за другого живого? Если ходатайство предъ святыми о молитвѣ есть оскорбленіе Христа и Бога, то не есть ли, съ протестантской точки зрѣнія, оскорбленіе Христа и просьба о молитвѣ, обращенная къ другому вѣрующему собрату, находящемуся тутъ же въ церкви? Конечно, такъ. И *протестантъ не вѣруетъ, не можетъ вѣровать, что стоящіе рядомъ съ нимъ могутъ ходатайствовать за него* передъ Христомъ, слить свою молитву съ его молитвой. Здѣсь каждый входитъ въ сношеніе съ Христомъ только лично, и другой, стоящій въ церкви, не нуженъ, *совсѣмъ не нуженъ* для своего сосѣда. Отрицая Церковь, какъ союзъ вѣрующихъ, какъ общій организмъ, тѣсно связанный единствомъ жизни во Христѣ, протестанство вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ и возможность и силу церковной молитвы. Храмъ можетъ быть наполненъ, но онъ пустъ, потому

что здѣсь единицы, сложенныя вмѣстѣ, сумма изъ единицъ, а не одно общее церковное тѣло, объединенное духомъ и сердцемъ единымъ. И вотъ поэтому-то въ многолюдномъ храмѣ пусто, та преднамѣренная и окончательная пустота, которую увидѣлъ Василій Васильевичъ въ выдуманномъ имъ пустомъ храмѣ.

И какая скудная молитва...

Эта религія „Unser Vater"—цитирую В. В. Розонова—боится какой-нибудь еще молитвы; когда нужно помолиться о дождѣ во время засухи, не находя въ Евангеліи слова „дождь", она произноситъ только Unser Vater; когда мать молится надъ умирающимъ ребенкомъ, отъ себя о немъ она помолиться не умѣетъ, не смѣетъ, она можетъ только повторить Unser Vater, и мы опасаемся, нѣтъ ли неточности въ Евангеліи и не Unser ли Vater произносили каявшійся мытарь, бившій себя въ грудь, разбойникъ висѣвшій на крестѣ, каявшаяся грѣшница [1]).

И вспомнилось послѣ этихъ двухъ чужихъ картинъ впечатлѣніе русскаго храма въ дни поста или свѣтлаго праздника. Все слилось въ одномъ духовномъ настроеніи дѣтски-тревожномъ и дѣтски-радостномъ. Главное, въ воздухѣ носится идея связности, слитности, объединенности всѣхъ Христомъ и молитвою, дышащей въ этомъ храмѣ. Всѣ объединяются въ одной религіозной мысли, потому что здѣсь одно Христово общество. „Православная Церковь,—пишетъ одинъ наблюдатель, красна—народомъ. Какъ войдешь въ нее, такъ почувствуешь, что въ ней все едино, все народомъ осмысленно и народомъ держится. Русское церковное пѣніе, какъ народная пѣснь, льется широкою, вольною струею изъ народной

[1]) „Рус. Вѣстн." 1894 г. 7, стр. 226. Розановъ. „Защитники свободы".

груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе говоритъ сердцу. Напѣвы у насъ одинаковые съ греками, но русскій народъ иначе поетъ ихъ, потому что положилъ въ нихъ свою русскую душу. Кто хочетъ послушать, какъ эта душа сказывается, пусть зайдетъ послушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ, или въ одной изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ сложилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе, тамъ услышитъ онъ, какимъ широкимъ вольнымъ потокомъ выливается праздничный ирмосъ изъ русской груди, какою торжественною поэмой выпѣвается догматикъ, слагается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ радости проникнутъ канонъ Пасхи и Рождества Христова. Тутъ оглянемся и увидимъ, какъ отзывается каждое слово пѣсни въ народномъ собраніи, какъ блеститъ оно въ поднятыхъ взорахъ, носится надъ склоненными головами, отражается въ припѣвахъ, несущихся отовсюду, потому что всякому церковному человѣку знакомы съ дѣтства и слова, и напѣвы, и во всякомъ душа поетъ, когда онъ ихъ слышитъ. Богослуженіе стройное, истовое—дѣйствительно праздникъ русскому человѣку, и внѣ церкви душа хранитъ глубокое ощущеніе, которое отражается въ ней, даже при воспоминаніи о томъ или другомъ моментѣ,—русская душа, привыкшая къ церкви и во всякую минуту готовая воспрянуть, когда внутри ея послышится пѣснь пасхальнаго или рождественскаго канона, съ мыслью о свѣтлой заутренѣ, или любимый напѣвъ праздничнаго ирмоса, или „Всемірная слава“ съ ея потрясающимъ: „Дерзайте“... подлинно, это тѣ звуки, о которыхъ сказалъ поэтъ, что имъ — безъ волненья

Внимать невозможно..
Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірского,
Изъ пламя и свѣта

Рожденное слово,
Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ его, я
Узнаю повсюду..

Во-истину—„наша Церковь искони имѣла и до нынѣ сохраняетъ значеніе всенародной Церкви и духа любви и безграничнаго общенія!“ (Московскій сборникъ, 220—213. Изданіе К. П. Побѣдоносцева).

Пусть въ иные дни и у насъ молятся каждый за себя и отъ себя. Но, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторые дни, особенные, исключительные дни, люди сумѣютъ подъ вліяніемъ храма забывать о своемъ разъединеніи. Въ эти дни чувствуется, что та любовь, которая создала двадцать вѣковъ тому назадъ литургію, какъ общее дѣло, и вечерю любви, еще не совсѣмъ погасла, еще жива подъ обрядами и молитвами православнаго богослуженія, живетъ въ стѣнахъ православнаго храма. Не даромъ у Толстого пасхальныя пѣснопѣнія удерживаютъ мужиковъ отъ убійства. Это потому, что въ этихъ пѣснопѣніяхъ жива идея любви Христовой.

Однажды — давно — я еще плоховѣрующій, безъ умѣнья молиться—зашелъ въ одинъ русскій храмъ: далеко на востокѣ. И вотъ—я былъ раздавленъ огромной силой русской молитвы,—поднятъ, подхваченъ какой-то волной. И это при предубѣжденіи противъ молитвы, при общей холодности духа.

Можетъ быть, это самообманъ? Нѣтъ, о такомъ значеніи православнаго богослуженія, о стихіи единства, живущей въ этомъ богослуженіи, говорятъ всѣ иностранцы, которымъ приходилось писать о православномъ богослуженіи и православномъ храмѣ.

Да вотъ для насъ въ данномъ случаѣ самый авторитетный свидѣтель.

...Бѣдная церковь,—вокругъ разсѣянные, около нея группирующіеся домики.

Войдите въ нее и прислушайтесь къ нестройному пѣнію дьячка и какого то мальчика, Богъ знаетъ, откуда приходящаго помогать ему. Сѣдой высокій священникъ служитъ всенощную. Посреди Церкви на аналоѣ лежитъ образъ, и неторопливо тянутся къ нему изъ своихъ угловъ нѣсколько стариковъ и старухъ. Всмотритесь въ лица всѣхъ этихъ людей, прислушайтесь къ голосу ихъ. Вы увидите, что то, что уже утеряно всюду, что не приходитъ на помощь любви и не укрѣпляетъ надежду—вѣра—живетъ въ этихъ людяхъ. То сокровище, безъ котораго неудержимо изсякаетъ жизнь, котораго не находятъ мудрые, которое убѣгаетъ отъ безсильно жаждущихъ и гибнущихъ—оно свѣтится въ этихъ простыхъ сердцахъ, и тѣ страшныя мысли, которыя смущаютъ насъ и тяготятъ міръ, очевидно, никогда не тревожатъ ихъ умъ и совѣсть.

Они имѣютъ вѣру, и съ нею надѣются, при ея помощи любятъ. Что въ томъ, что дьячекъ невнятно читаетъ на клиросѣ молитвы, но онъ вѣритъ смыслу ихъ, и тѣ, которые слушаютъ его, нисколько не сомнѣваются, что за этотъ смыслъ онъ умретъ, если будетъ нужно, и внидетъ въ царствіе небесное; какъ и всѣ они умруть и по дѣламъ своимъ примутъ мзду, къ которой готовятся.

„Съ этимъ покоемъ сердца, съ этой твердостью жизни могутъ ли — спрашиваетъ этотъ свидѣтель—сравниться экзальтація протестантизма и всемірные замыслы великой и гибнущей церкви? Уныніе въ первомъ, тоскующее желаніе во второй, не есть-ли симптомы утраты чего-то, безъ чего храмъ остается только зданіемъ, и толпа молящихся—только собравшеюся толпою? И весь блескъ искусствъ, которымъ они окружаютъ

себя, эта несравненная живопись, эта влекущая музыка, эти величественные каѳедралы, не вытекаетъ ли все это изъ желанія пробудить въ себѣ то, что въ бѣдныхъ молящихся никогда не засыпало, найти утерянное, что въ той невидной Церкви не было потеряно. Весь необъятный порывъ желанія, которымъ полна и трепещетъ Европа, не есть ли только желаніе залить великую грусть, которую она хочетъ и не можетъ пересплить, и вся красота, величіе и разнообразіе не напоминаютъ ли великолѣпную ризу, въ которую никогда *болѣе не облечется священникъ*.

Кто это пишетъ?

В. В. Розановъ, авторъ „Тревожной ночи“.

„Поэтому то,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—когда намъ будутъ указывать на неизъяснимое величіе католицизма, на безбрежность мысли, заложенной въ немъ, которою онъ увитъ и обоснованъ съ сѣдой схоластики и до нашихъ дней,—мы согласимся со всѣмъ этимъ и признаемъ также, что ничего подобнаго нѣтъ въ нашей Церкви и ея исторіи. Если намъ будутъ указывать на всѣ плоды протестантизма: на эту богобоязненность жизни, на свободу критики въ немъ и высокое просвѣщеніе, которое отсюда вытекло,—мы скажемъ, что все это видимъ и никогда не закрывали на это глаза. Мы спросимъ только: но христіанство, но духъ Евангельскій, но то, чему училъ насъ словомъ и жизнью Спаситель? Ничего нѣтъ у насъ, ни высокихъ подвиговъ, ни блеска завоеваній умственныхъ, ни замысловъ направить пути исторіи,—но зачѣмъ намъ эта сила, за которую приходится платить святой „истиной“, живущей въ Церкви, Духомъ Божіимъ, Который обитаетъ въ Церкви? Не нужно намъ красоты декоративной, потому что въ Церкви живетъ истинная, настоящая, подлинная красота, сама жизнь Христова“.

Исторія и жизнь Церкви православной,—пишетъ В. В. Розановъ—повидимому, скудна и убога, здѣсь нечего разсказывать, нечѣмъ заполнить огромные томы. Такъ что же?

„Быть разсказаннымъ—это не цѣль человѣка; для него цѣль—быть правымъ; и быть разсказаннымъ значитъ всегда почти эту правоту потерять, о ней мучиться и возстановлять. Какъ обильна въ исторіи фактами реформація, и, между тѣмъ, она только срубила то, что нужно было срубить; какъ стучалъ топоръ, сколько вѣтвей падало, и шумъ и крики кругомъ,—и, однако, это хуже, чѣмъ когда, не зная топора, дерево растетъ въ тиши, видимое Богомъ, нужное человѣку. О нашей, въ частности, исторіи было сказано, что она бѣднѣе событіями, чѣмъ всякая плита на римскомъ форумѣ, и это ея гордость; православіе скудно фактами, это милость къ нему Божія; оно не искажалось, какъ это разсказать? не каялось, не пыталось возстановить истину утвержденія своего, какая тутъ повѣсть? Оно молилось, молитва его у Бога, что нужно отъ него людямъ“ [1]).

Неужели В. В. забылъ эти свои слова—или храмы опустѣли *за послѣднія девять лѣтъ*?

Но, однако, не молится только въ вѣрѣ—русскій человѣкъ: *онъ любитъ*. Въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій мы говорили, что сущность христіанскаго идеала это настроеніе Голгоѳы, сострадающей любви. Гдѣ найти—воплотителя этого начала?—Есть ли онъ? Носитель этого настроенія—русскій народъ Достоевскій называетъ русскій народъ богоносцемъ Много издѣвались надъ этимъ прозваніемъ, потому что *надъ всѣмъ издѣваются*. Но русскій народъ дѣйствительно и несомнѣнно бого-

[1]) „Русск Вѣстникъ“, 1894 г. Іюль.

носецъ. Онъ живетъ духомъ Божіимъ даже тогда, когда въ немъ, повидимому, совершенно затерялся образъ и подобіе Божіе. Еще Гоголь отмѣтилъ, что русскій человѣкъ больше всего живетъ любовію всепрощающею: если обидятъ его, то онъ больше страдаетъ за обидчика, чѣмъ за самого себя, и какъ только онъ почувствуетъ, что обидчикъ хочетъ идти къ примиренію, самъ первый къ нему наклоняется и готовъ прощенія у него просить. Смиреніе — сила, которою силенъ, по Гоголю, русскій народъ. Онъ жаждетъ подвига спасенія, полонъ исканія правды. Некрасовскій Власъ не типъ, а „символъ“ русскаго народа, его настроенія. И русскій народъ всегда вѣренъ правдѣ. Жить по правдѣ, по Божьи—первая его заповѣдь. Пусть иногда онъ падаетъ и грѣшитъ, но никогда не любитъ грѣха и грѣха не назоветъ правдою. (Достоевскій). Русскій живетъ не о хлѣбѣ единомъ, онъ больше жаждетъ хлѣба духовнаго. Мнѣ опять могутъ сказать, что это сантиментальная достоевщина, что все это отзываетъ отжившимъ народничествомъ. Что же дѣлать? я думаю, оно отошло раньше времени и должно воскреснуть, уже какъ церковное движеніе. Вотъ голоса чужихъ, и даже болѣе чѣмъ чужихъ — *враждебныхъ* Церкви авторитетовъ: я разумѣю Леруа Болье, Леметра и особенно ученаго Гарнака.

„Русскій народъ, не признаваемый многими и за христіанскій,—говоритъ напр. Леруа-Борье,—одинъ изъ немногихъ на самомъ дѣлѣ сохранилъ въ своей душѣ идею святости, теперь мало понятную народамъ запада. Пострадать за правду, за истину, сдѣлаться мученикомъ, потерпѣть преслѣдованіе—вотъ его идеалъ. У *русскихъ есть еще грѣхъ*“.

„Русскіе, можетъ быть, единственный народъ въ Европѣ, сохранившій еще въ своей душѣ чувство о

невидимомъ, о соединеніи съ Богомъ и съ неземнымъ міромъ. У другихъ народовъ этого уже нѣтъ въ такой степени. Русскій остается и теперь христіаниномъ по уму и по сердцу, человѣкомъ съ религіознымъ чувствомъ, такимъ, которому доступны благотворительность, аскетизмъ, отреченіе, любовь къ бѣднымъ; онъ слушаетъ съ особеннымъ вниманіемъ о нравственныхъ правилахъ христіанской религіи, и это потому, что все доброе вытекаетъ у него изъ *вѣры православной*. Евангельское сѣмя упало здѣсь, какъ видно, не на безплодную почву. Русскій любитъ крестъ—онъ носитъ его не только на груди, по обычаю, но и въ своемъ сердцѣ, онъ знаетъ и цѣну добродѣтели и сумѣетъ постоять за правду". Леметръ и Леруа-Болье находятъ въ русскомъ народѣ сердце чувствующее вліяніе Евангельскаго духа,—золотое, чистое и святое сердце,—они удивляются этому чудному сліянію природы русскаго человѣка съ ученіемъ Христовымъ и т. д. Но откуда же взялись эти свойства? Не Церковь ли воспитала и воспитываетъ это настроеніе духа, это сердце? Вѣдь нельзя отрицать *что другихъ учителей не было у русскаго народа.*

А еще.. Вотъ что пишетъ рѣзко враждебно настроенный по отношенію къ русской Церкви, хорошо знающій Россію, проф. Гарнакъ. „Въ запустѣломъ зданіи русской церковности еще сохранилась возможность внутренней жизни; здѣсь также раздаются еще Христовы изреченія, *достигая слуха посѣтителей храма* Познаніе Евангелія, Слова Божія, хотя его только бормочатъ священники, поставляется въ этой Церкви на самомъ высокомъ мѣстѣ и тихое вліяніе, какое онъ производитъ, не подорвано. Между христіанами, будутъ ли то священники или міряне, встрѣчаются такіе, которые исповѣдуютъ Бога Отцемъ милосердія и признаютъ Его руководителемъ въ ихъ жизни, а Іисуса Христа любятъ,

не потому, что Онъ исполненное таинственности Лицо, но потому, что сіяніе Его сущности отъ Евангелія проникаетъ въ ихъ сердце и это сіяніе сообщаетъ свѣтъ и теплоту собственной ихъ жизни. Я могу здѣсь сослаться на свои собственныя наблюденія и опытъ. Среди русскихъ крестьянъ и низшаго духовенства, не взирая на иконопочитаніе и поклоненіе мощамъ, замѣчается, однакожъ, сила искренней преданности Богу, тонкость нравственнаго чувства и дѣятельная братская любовь, происхожденіе каковыхъ слѣдуетъ относить къ Евангелію". (Гарнакъ, „Сущность христіанства").

Неужели это все усвоено не въ храмѣ? Прислушайтесь—„этическій языкъ" нашего народа—языкъ Церкви и богослуженія. „Я знаю—что съ дѣтьми лучше бы съ благодатью",—говоритъ крестьянка.

А изъ другого мѣста слышится другой голосъ о духѣ и настроеніи русской литературы. Извѣстный Родъ свидѣтельствуетъ, что русская литература производитъ на иностранца впечатлѣніе чего-то совершенно новаго, какого-то новаго Христова откровенія. Это благовѣстіе, звукъ колокола съ особымъ глубокимъ, призывающимъ къ правдѣ звономъ. Западъ, окончательно потерявшій правду, проникновеніе въ чужія страданія, борьбу за чужое счастье, въ этихъ понятіяхъ русской литературы, по словамъ Рода, какъ бы находитъ *новое Евангеліе, или вѣрнѣе вспоминаетъ старое вѣчное.*

Живемъ мы вдали отъ Бога и правды, безъ проблеска свѣта, и вотъ неожиданно загорается новый свѣтъ на сѣверѣ Юные, издалека доносящіеся до насъ голоса, объясняютъ намъ болѣзнь, которой мы страдаемъ, и указываютъ средство для нашего излеченія. Совершенно чуждый намъ языкъ произноситъ предъ нами такъ давно забытое наставленіе Христа: возлюбимъ другъ друга! Поневолѣ, оторвавшись отъ нашего равно-

душія, мы читаемъ книги, въ которыхъ сочатся кровью сердца, тронутыя горемъ человѣческимъ, въ которыхъ льются слезы горючія, искреннія слезы, проливаемыя несчастными надъ горестями еще болѣе несчастныхъ,— святыя слезы жалости. И оказывается, что это чувство, которое мы могли бы презирать, какъ слабость, если бы оно выражалось умами мелкими, составляетъ для великихъ людей, которые признаютъ себя его апостолами, средство дѣйствія гораздо болѣе надежное, чѣмъ всѣ наши ухищренія, жезлъ гораздо болѣе могущественный, чѣмъ нашъ. Эта искренность торжествуетъ надъ всѣми нашими неправдами, самые закоренѣлые скептики поражены, самые равнодушные люди плачутъ, и вдругъ опять вспыхиваетъ благородная потребность разрѣшенія задачъ, отъ которыхъ такъ унизительно уклонились. Это чудо почти подобное тѣмъ, которое совершили древніе отцы, когда они заставляли сіять крестъ надъ городами язычниковъ, когда изъ толпы, еще опьяненной играми въ циркахъ и пирами императоровъ, они внезапно извлекали божественныя искры любви и обращали во вдохновенныхъ мучениковъ развратниковъ, прелестницъ и рабопромышленниковъ. Забытое нами „тамъ“ воскресаетъ, тайна раскрывается снова и люди снова восчувствовали, что превыше сомнительныхъ и пустыхъ хитросплетеній мудрецовъ и ученыхъ, превыше обѣщаемыхъ политиканами прелестей справедливости и счастія, превыше всѣхъ наслажденій, которыя предлагаютъ нашимъ глазамъ, умамъ артисты, открываются области, въ которыхъ хорошо истомить свои силы, безконечныя области мечты, осуществленной въ дѣйствіяхъ, область Вѣры и Милосердія“.

„Это больше, чѣмъ открытіе новаго доселѣ невѣдомаго міра, это голосъ, взывающій къ нашей задрѣмавшей совѣсти. Мнѣ невольно приходятъ на память гро-

моподобныя рѣчи проповѣдниковъ первыхъ вѣковъ, гремѣвшія въ базиликахъ и проклятіемъ падавшія на головы послѣднихъ языческихъ жрецовъ". (Родъ Вопросы жизни).

Но откуда—спросимъ—взялся такой тонъ русской литературы, гдѣ корень такого настроенія и духовнаго склада ея? Нѣтъ сомнѣнія, что вся русская литература, которую имѣетъ въ виду Родъ, вышла цѣликомъ изъ настроенія Церкви. Это тотъ самый духъ евангельской любви и вѣры, который писатели русскіе всасывали вмѣстѣ съ молокомъ своихъ вѣрующихъ матерей. Больше того,—всѣ писатели, на которыхъ указываетъ Родъ, не въ идеяхъ только, но въ самомъ складѣ своихъ произведеній явно стоятъ подъ вліяніемъ Церкви, говорятъ почти отъ ея имени и уже несомнѣнно повторяютъ ея идеи. *Эта литература ея созданіе.*

Леруа-Болье совершенно вѣрно смотритъ на нашъ романъ, объясняя, что христіанскія чувства все болѣе и болѣе стали преобладать въ немъ, именно съ того времени, какъ русская литература стала приближаться къ народу, то-есть—Церкви... Пусть новая русская литература руководится писателями со скептическимъ настроеніемъ, свободными мыслителями; она все же остается одною изъ самыхъ религіозныхъ литературъ во всей Европѣ, именно потому, что въ концѣ-то концовъ—это отраженіе внутренняго духа народа, созданнаго, воспитаннаго Церковью

Подобно тому, какъ драгоцѣнный сосудъ сохраняетъ еще надолго благоуханіе содержавшихся въ немъ духовъ, и русская литература, какъ и драгоцѣнная душа русскаго писателя, — справедливо пишетъ Леметръ, остаются еще благоуханными отъ полуиспарившейся уже церковной вѣры. И въ этомъ — ихъ цѣна и достоинство.

Но если въ народѣ живо то настроеніе, какого желаетъ и какое хочетъ создать Церковь, если литература въ новой формѣ до сихъ поръ проповѣдуетъ идеи Евангелія въ освѣщеніи прологовъ и церковныхъ книгъ, то можно ли считать, что не жива Церковь, которая во власти своего вліянія еще держитъ и жизнь и духъ литературы народа?

Возьмите предпослѣднюю книжку Вопросовъ философіи и психологіи. Она почти вся составлена церковнымъ русскимъ „духомъ".

Вы увидите здѣсь, что даже Герценъ, великій Герценъ, тоскуя по вѣрѣ, отчаявшись въ западномъ идеалѣ, подъ другими именами проповѣдуетъ культурные идеалы Церкви.

И когда онъ, Герценъ, останавливаетъ одного кощунника, ругавшаго Иверскую икону, то не выражалась ли въ этомъ протестѣ подавленная тоска по вѣрѣ церковной?

Но... Не думайте—что я сантиментальничаю Я вовсе не забываю рядомъ съ отзывомъ Достоевскаго „Мужиковъ" Чехова. свидѣтельствующихъ о полной потерѣ мужикомъ образа и подобія человѣческаго. Не считаю я и эту повѣсть каррикатурой. Не забываю и новой литературы, въ которой нѣкіе прихвостни великаго Ницше — проповѣдуютъ погоню за ощущеніями. Это такъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Одинъ выводъ— Церковь вложила въ мужика и литературу душу; если эта душа хочетъ уйти изъ народа—то ясно, что виноватъ не тотъ, кто вложилъ. А еще яснѣе, что спасать нужно—помогать тому, кто создалъ „душу, а не обвинять, стоя далеко, далеко отъ Церкви и того дѣла, которое она должна дѣлать.

II.

„Хорошо“—говорятъ намъ—„народъ вѣруетъ но мы говоримъ о церкви той, которая хочетъ руководить народомъ, взять въ свои руки „благодать Христову“ и Его благовѣстіе, о церкви—организаціи. Священники „слуги счастья“—что они дѣлаютъ для тѣхъ, кто припадаетъ къ ногамъ ихъ, прося Христова — земного счастья?“ (Авилова). Вѣдь—небесное даетъ „тамъ“ Онъ Самъ. Интеллигенція давно ищетъ устроенія человѣческой жизни: „она думаетъ и о здоровьѣ народа, и о правосудіи для народа, о гибели общественной нравственности черезъ пороки пьянства и проституціи, да и рѣшительно обо всемъ думаетъ. Богъ у ней не на языкѣ, а въ дѣлахъ. Духовный міръ—и къ міру безжалостенъ и даже у себя въ собственной сферѣ—раздѣленный на клѣтки, не чувствуетъ боли въ другой клѣткѣ“. (Розановъ „Новый Путь“, Январь, Прилож. 55). Церковь приняла лишь первую половину заповѣди, на которой законъ и пророки висятъ и отвергла вторую (Философовъ). „Пристанище жизни для нея небо, а земли она не хочетъ и знать. Вы говорите объ идеяхъ... но покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ твоихъ. Покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ. Въ заботахъ о небесномъ хлѣбѣ, Церковь перестала думать о землѣ и о томъ, что „смѣшно призывать голодныхъ къ надмірному идеалу, впередъ не накормивъ, т. е. такъ или иначе не рѣшивъ смущающихъ его совѣсть мыслей въ вопросахъ земной жизни, не позаботившись и о простомъ вещественномъ хлѣбѣ“. Церковь должна заботиться не только о будущемъ спасеніи, но и спасеніи здѣсь на землѣ,—а она

не дѣлаетъ это; священницы Божіи только собираютъ волну съ овецъ своихъ".

Вотъ—второе обвиненіе, на которомъ намъ должно остановиться. Будемъ говорить sine ira et studio. Мы не станемъ отрицать, что интеллегенція искала хлѣба небеснаго не эгоистически только для себя, но и для другихъ. А Церковь? Она тоже не забывала о хлѣбѣ. Она только смотрѣла на эти поиски немножко шире и глубже.

У Ибсена, въ извѣстной драмѣ „Строитель Сольнесъ" мы читаемъ такой діалогъ. Гильда спрашиваетъ Сольнеса: „а строишь ли ты церкви?" —„Нѣтъ, я не строю церквей. Я строю только жилые дома". Гильда: „Но, можетъ быть ты строишь дома съ башнями, съ тѣми высокими башнями, чтобы оттуда можно было видѣть небо?"—Нѣтъ, я строю обыкновенные дома для жилья. Зачѣмъ башни?" [1]). И вотъ интеллигенція строила и строитъ жилые дома. А Церковь рѣшила, что нужно строить и церкви, а если строить дома, то обязательно нужно строить дома съ башнями, для того, чтобы люди могли иногда съ вершины этихъ башенъ посмотрѣть на небо. Когда нѣтъ этого просвѣта вверхъ на небо, то и жилые дома покрываются плѣсенью, въ этихъ домахъ даже святые *семейные очаги*, по словамъ того же Сольнеса, становятся постоялыми дворами, гдѣ сходятся незнакомые, не нужные другъ другу люди. А главное дѣло—въ жилыхъ домахъ, если не холодно, то во всякомъ случаѣ темно,—солнца нѣтъ. Поэтому-то Церковь старалась строить дома съ башнями или пристраивать башни къ домамъ, у которыхъ этихъ башенъ не было. Если ея дѣятельности въ этомъ направленіи не замѣчали, то только потому, что „имѣющіе уши не слышатъ

---

[1]) Цитируется на память—безъ особенной точности.

и имущіе глаза не видятъ". Но вотъ что писалъ напр. проф. Ключевскій о прошломъ русской Церкви. „Воспитывая вѣрующаго для грядущаго града, Церковь постепенно обновляла градъ *здѣ пребывающій*. Эта перестройка гражданскаго общежитія подъ вліяніемъ православной Церкви совершилась, главнымъ образомъ путемъ воспитанія и ученія, которое было въ рукахъ Церкви, но и посредствомъ законовъ, на созданіе которыхъ вліяла Церковь. Читаете вы древніе акты и вотъ неожиданно въ ветхомъ и пыльномъ свиткѣ самаго сухого содержанія, въ купчей, закладной, заемной мѣновой или духовной, подъ юридическими формальностями прозвучитъ иногда нравственный мотивъ, изъ-подъ хозяйственной мелочи блеснетъ искра религіознаго чувства, и вы видите, какъ темная хозяйственная сдѣлка озаряется теплымъ свѣтомъ, мертвая норма права оживаетъ и перерождается въ доброе житейское отношеніе, не соотвѣтствующее ея первоначальной природѣ. Вотъ передъ нами духовная одной древне-русской завѣщательницы, именитой и богатой госпожи. Все она припомнила и записала въ завѣщаніи, кому сколько должна кто ей сколько долженъ, и кому что должно достаться изъ ея имущества. Это, очевидно, заботливая и памятливая хозяйка, и предчувствіе смерти не помутило ея скопидомной памяти. Угасающимъ взглядомъ окинула она весь свой житейскій багажъ, припомнила и свои сундуки съ платьемъ, и свою кухню и дошла до своей многолюдной дворни. Юридически это для нея такія же вещи, какъ ея тѣлогрѣйка, съ тою развѣ разницей что послѣдняя ближе къ сердцу и потому дороже, бережнѣе хранилась. Читаешь духовную, ждешь, кому она отказала своихъ „рабовъ и холоповъ". „А людей моихъ,—пишетъ завѣщательница, послѣ моего живота всѣхъ отпустить на свободу, всѣ Божіи и царевы—го-

сударевы люди, и изъ остаточныхъ денегъ дать моимъ людямъ, мужичкамъ и женочкамъ, по чему пригоже дати, а не оскорбити, чтобы людцы мои послѣ меня не пошли съ моего двора и не заплакали". Или, вотъ, бѣдный человѣкъ занялъ деньги у капиталиста отъ Николина дня вешняго такого-то года, до такого же Николина дня слѣдующаго года и въ заемной кабалѣ пишетъ, что занялъ ихъ безъ росту, что заимодавецъ, помня евангельскую заповѣдь и имѣя въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, росту съ него не взялъ ничего. Чье культурное вліяніе дѣлало изъ предсмертнаго завѣщанія владѣлицы крѣпостныхъ душъ трактатъ о равенствѣ людей передъ Богомъ и государемъ и долговое обязательство превращало въ благотворительный актъ, заставляя ростовщика отказаться отъ своихъ узаконенныхъ тогда 20% годовыхъ? Это „бисеръ" Владиміра Св. какъ называли у насъ въ пѣснопѣніяхъ нашу православную вѣру, это наша вѣра и Церковь дѣлали смерть строительницей человѣколюбиваго людского общежитія и нотаріальную контору превращали въ притворъ храма Божія".

Это прошлое, но суть въ томъ, что эту невидимую перестройку жизни, — по словамъ профессора, рѣдко кто замѣчаетъ, хотя бы изъ историковъ настоящаго времени.

Люди наблюдаютъ ходъ жизни, видятъ кругомъ эгоизмъ, зло, борьбу изъ за хлѣба, но вотъ среди стука этого механизма ихъ слухъ поразитъ звукъ иного порядка, запавшій въ житейскую разноголосицу откуда-то сверху, точно звукъ колокола среди рыночной суматохи: на „базарѣ житейской суеты" вдругъ мелькнетъ богатая Христова мысль и создаетъ себѣ Христову форму— пройдетъ въ жизнь какъ доброе дѣло; среди „поисковъ хлѣба" вдругъ обнаруживается теченіе противъ теченія

въ сторону неба, попытка—внести начала настоящей жизни въ „области смерти“, и попытки эти иногда разростаются въ большое всему міру извѣстное дѣло.

Откуда эти звуки съ неба? Они рождены Церковью, но Церковь родила ихъ черезъ души, ею преобразованныя, создала мысль и дѣло незамѣтно, и когда у ней отнимаютъ честь совершеннаго ею, она не предъявляетъ иска. „Ей не нужно быть разсказанною“. И много творитъ она, но этого не видятъ, потому что ей не къ лицу рекламировать себя.

Въ Византіи она пересоздала почти всю культуру; дала цѣлый рядъ огромныхъ культурныхъ идей. Въ Россіи тоже—*она* создала Русь. Тоже дѣлаетъ она и теперь, но если В. С. Соловьевъ оклеветалъ Византію, не зная ея; если Чаадаевъ и многіе его ученики оклеветали Русь, то не будетъ-ли и Церковь нашего времени пить изъ той же чаши?

Будетъ творить жизнь, и выслушивать клеветы; а ея храмы будутъ горѣть молитвою „о *нихъ*, о *клеветникахъ* молитвою“ (слова В. В. Розанова).

Возьмите дѣло благотворительности. Авилова въ своей сказкѣ „Слуги Счастья“ назвала „слугъ Церкви“, священниковъ Господа Христа,—недостойными слугами Того, Кого имя „Господинъ Счастья“. они, по ея мнѣнію, крадутъ счастье у тѣхъ, кому его нужно, потому что обманно обѣщаютъ дать то, чего у нихъ нѣтъ.

Хорошо, что-же *какое* счастье даетъ міру попечительная интеллигенція? Она заботится о хлѣбѣ, но какъ?

Вотъ благотворительный балъ, Цвѣточныя бесѣдки. Продавщицы въ костюмахъ снѣгурочекъ, старо-нѣмецкихъ, стиля рококо и т. д. Въ верхнемъ залѣ для дѣтей игры, а вечеромъ концертъ. Шумно, эффектно. Но вотъ мелькнуло, среди блеска, шелка и бархата,

что-то иное, знакомое. Да. Это объявленіе: „Сборъ кусочковъ хлѣба“. Все перемѣшалось — кусочки хлѣба, цвѣты, все это съ благой цѣлью помочь тому, кого захлестнула „горя рѣченька бездонная“. Чѣмъ запрудить эту рѣку... Но остановитесь мысли, дайте полюбоваться на это волшебное убранство, на добрыхъ фей, сошедшихъ изъ тумана всѣхъ столѣтій. Спасибо вамъ, феи, въ пользу бѣдныхъ осталось отъ вечера нѣсколько тысячъ рублей“. (Ср. СПБ. Вѣд. № 18, 1903 г.).

Вотъ что приноситъ въ „тьму бѣдности“ интеллигенція. Она несетъ въ эту тьму хлѣбъ, но что скрывать и это дѣло иногда (пусть не часто) облекаетъ, по недостатку чуткости что-ли, въ формы почти издѣвательства надъ тѣми, кому благотворитъ.

Церковь призываетъ *всюду, всѣми силами призываетъ къ организаціи „фабрикъ счастья“*. Помните разсказъ Мамина Сибиряка: Ошибка доктора Осокина. Докторъ Осокинъ (поредаемъ по памяти), жилъ и прожилъ свою жизнь. Онъ не считалъ себя несчастнымъ, но не имѣлъ основаній считать себя и счастливымъ. Жилъ изо-дня въ день и, можетъ быть, такъ бы и умеръ, не задумываясь надъ вопросомъ, жилъ ли онъ, если бы не навела его на этотъ вопросъ одна его знакомая старуха. Она указала ему, что онъ *собственно не жилъ*. „Вотъ—говоритъ она ему—квартира у тебя большая, здѣсь должна была бы быть спальня твоей старшей дочери, здѣсь кабинетъ твоего сына“. Эти слова, совершенно, повидимому, нелѣпыя, заставили задуматься доктора Осокина. Въ самомъ дѣлѣ, пропала жизнь; а могло бы быть совсѣмъ иначе. И, задумавшись надъ этимъ вопросомъ, онъ создалъ цѣлую теорію „жизни въ возможности“. Счастья, рѣшилъ онъ, мало потому на землѣ, что большая часть счастья остается не проявленной, *возможность* не переходитъ въ *дѣйствитель-*

ность; пропадаютъ таланты, способности, пропадаетъ счастіе, которое могла бы дать человѣку жизнь, если бы чуть-чуть онъ самъ или другіе измѣнили условія жизни. И вотъ онъ почти помѣшанный на этой idée fixe, приходитъ къ мысли о созданіи общества, которое задалось бы цѣлію *создавать счастіе*, т. е. жизнь въ возможности обращать въ жизнь въ дѣйствительности, помогать людямъ, которые почти счастливы или вѣрнѣе, могли бы быть счастливы, сдѣлаться счастливыми. И, конечно, это общество, по его планамъ, стало бы разыскивать несчастныхъ не только между голодными: его кліенты вездѣ. Вездѣ много такихъ, которымъ, повидимому, ничего недостаетъ для счастія, кромѣ *самого счастія*. Неправда-ли что эта идея пошире благотворительности посредствомъ „бала и костюмовъ рококо?..“

А идея Осокина—*это та идея, о которой усиленно говоритъ Церковь.—Эти фабрики счастья она хочетъ и только она пыталась организовать и построить. О нихъ и говорятъ наши церковные ораторы; тоже развиваетъ уже 40 лѣтъ русская церковная журналистика.* Нужно давать не хлѣбъ, а счастіе — повторяетъ церковь. Очень часто счастья недостаетъ у тѣхъ, у которыхъ слишкомъ много хлѣба. Отчего же, спрашиваетъ Церковь, они недостойны попеченія о нихъ другого ближняго?

И Церковь предлагаетъ приходъ, какъ лучшую фабрику счастья [1]). Для того, чтобы дать другому то, что ему нужно, кромѣ хлѣба вещественнаго, нужно, говоритъ Церковь, знать его душу, быть близкимъ къ его совѣсти. А это можетъ быть такъ въ Церкви, и должно быть такъ въ томъ церковномъ братствѣ, которое зовется

[1]) Объ этомъ немного подробнѣе въ статейкѣ „Фабрика счастья“. Книжка 1. Михаила: О счастьи и мѣщанствѣ

приходомъ. Здѣсь главѣ прихода открыты совѣсти паствы. И каждый христіанинъ, каждый прихожанинъ не только можетъ, а долженъ знать, чѣмъ живетъ душа его и что ему нужно для *спасенія*, не въ спеціально церковномъ смыслѣ этого слова, а для того, чтобы можно было жить, т. е. что нужно для его христіанскаго счастья. Пусть этотъ сосѣдъ не пускаетъ его въ свою душу, но, вѣдь, *не пускаетъ только потому, что считаетъ его чужимъ человѣкомъ.*

Никто не помѣшаетъ войти въ его душу другому, кто входитъ туда съ любовью и любовною осторожностью. Тамъ, гдѣ было бы настоящее христіанское, т. е. Христово, братство, тамъ душа всѣхъ была бы открыта для всѣхъ, а значитъ, и братство, это общество проявленія жизни изъ возможности въ дѣйствительность, знало бы, что дѣлать по отношенію къ каждому изъ своихъ членовъ. Поэтому, зоветъ Церковь—созидайте приходскія братства, только они могутъ внести счастіе въ общественную жизнь. И, призывая къ созданію приходовъ, Церковь дѣлала многое для дѣйствительной организаціи такихъ „фабрикъ счастья“.

Въ 63-мъ году нѣкто священникъ Гумилевскій первый создалъ братство здѣсь, въ Петербургѣ, на Пескахъ, по оригинальной и свѣжей программѣ.

О. Гумилевскій создалъ *вечери любви.* Это *были братскія трапезы.* Его нищіе чувствовали, что Христосъ между ними, на этой трапезѣ, что даетъ эту трапезу участіе не только *въ ихъ голодѣ*, но вообще *въ ихъ жизни, въ ихъ душѣ.* За братскими обѣдами присутствовали члены братства, сестры, которыя здѣсь были какъ будто христіанскія діакониссы перваго вѣка. Это, конечно, было не сутью дѣла о. Гумилевскаго, а только „символомъ“, указаніемъ будущей программы, но уже и этотъ символъ говоритъ о многомъ.

Братство о. Гумилевскаго быстро организовало на Пескахъ пріютъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, богадѣльню, больницу и библіотеку. Мало того, рядомъ съ своими планами о. Гумилевскій организовалъ и *попечительство* о нравственномъ оздоровленіи прихода; онъ сумѣлъ создать братскій, апостольскій, христіанскій судъ. Братчина судитъ, какъ судьи. — Необычайнѣе всего съ нашей теперешней нехристіанской точки зрѣнія то, что попытка эта,—возобновить старое начало: „братчина судитъ"—не получила при осуществленіи ханжескаго оттѣнка и не внесла въ дѣло разлада, обиды кому-нибудь. „Гдѣ Христосъ, тамъ правда". О. Гумилевскій создалъ далѣе и цѣлое попечительство о душахъ ближнихъ. Діакониссы, или сестры братства, не только служили за трапезами: онѣ обучали дѣтей, ходили за больными, посѣщали бѣдныхъ на квартирахъ; навѣщали женщинъ, содержащихся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ и т. д.

Потомъ—такія братства создавались всюду: многія изъ нихъ умерли отъ равнодушія этой, такъ попечительной о землѣ—интеллигенціи, другія и многія живутъ, даже, какъ увидимъ ниже, въ захолустныхъ, заброшенныхъ поселкахъ. Неужели же, создавая такія организаціи, о. Гумилевскій или Церковь—не показала, что ей не чужда забота о счастьѣ и земномъ".

Словами же проф. Ключевскаго можно бы отмѣтить, какъ много сдѣлала Церковь для бѣдныхъ, добившись того, что русскій человѣкъ заботился о хлѣбѣ для другого не менѣе, чѣмъ о хлѣбѣ для себя.

Пусть ея голосъ теперь слабѣе, фабрики счастья создаются медленно и плохо, но кто виноватъ? Она-ли? Священники-ли?—Впрочемъ объ этомъ послѣ...

И Церковь строитъ очаги счастья—*не только въ видѣ приходовъ*.

Гибнетъ юношество... Оно потеряло всякіе нравственные устои... Молодая жизнь отравляется и гибнетъ ранѣе, чѣмъ успѣваетъ созрѣть. Священнѣйшіе источники загрязняются нечистымъ отношеніемъ къ тайнѣ пола—неуваженіемъ къ женщинѣ и будущей семьѣ. Молодые люди чувствуютъ, что гибнутъ, что ихъ засасываетъ тина, рвутся изъ этого страшнаго убивающаго „тумана“ (см. разсказъ Андреева: „Въ туманѣ“)—и не могутъ вырваться... Не только будто бдящая на стражѣ интеллигенція, но и интеллигентные отцы не могутъ, не умѣютъ спасти, разсѣять „*туманъ*“.

Смѣло и не безъ огня призывалъ къ организаціи „этическихъ союзовъ“ вліятельный и талантливый Меньшиковъ, но его голосъ прозвучалъ въ пустынѣ. Бѣдныя, жалкія погибающія дѣти систематически отравляются культурной литературой (Жипъ, Прево, Мопассанъ), культурной опереткой и открытыми сценами, они бьются, барахтаются, инстинктивно чувствуя, что попали въ „злую яму“: интеллигенція — та самая, которая вопіетъ о томъ, что спитъ Церковь, отвѣчаетъ на эти крики утопающихъ яркимъ и страстнымъ разсказомъ „о Ледѣ и Лебедѣ“ (стих. Мережковскаго).

Англичане въ Петербургѣ организовали такіе кружки „спасанія гибнущей молодежи“. А гдѣ такіе кружки у русскихъ? Ихъ *нѣтъ?—есть они, и ихъ очень много.* Но они дѣйствуютъ безшумно, *подъ покровомъ Церкви и руководимые служителями этой Церкви.* Церковь, именно она—приняла мѣры къ тому, чтобы разсѣять туманъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ существуютъ общества оздоровленія юношества, поставившія своей задачей измѣненіе нравственныхъ устоевъ этого юношества. Общества держатся *священниками*, стоятъ около Церкви и дѣлаютъ съ успѣхомъ свое скромное дѣло, хотя никому неизвѣстное, кромѣ тѣхъ, среди которыхъ дѣйствуютъ,

неизвѣстное потому, что некому ихъ рекламировать, да они и не желаютъ рекламы.

Погибаетъ безъ вѣры въ Бога учащаяся молодежь, заброшенная, одиноко. Она ищетъ вѣры, желаетъ ея, тоскуетъ по ней. „Опустѣвшая душа“ „сегодняшняго дня“ ищетъ Бога, больна „тоской по Богѣ“, какъ выражается Бурже („Этапъ“). Кто же поддерживаетъ эту душу? — Интеллигенція, которая такъ высоко несетъ „знамя идеализма“? Нѣтъ. „Наше юное поколѣніе—писалъ еще Достоевскій—обречено само себѣ отыскивать идеалъ и смыслъ жизни. Отъединеніе его ужасно. Молодежь такъ поставлена, что нигдѣ не находитъ никакихъ указаній на смыслъ жизни. Отъ руководителей своихъ она можетъ заимствовать лишь взглядъ сатирическій, но ничего положительнаго, т. е. во что вѣрить, что обожать, куда стремиться“. „Опустѣвшія“ молодыя души прижимаются къ вождямъ интеллигенціи, а тѣ безсильны что-нибудь дать и, несмотря на это, настолько безжалостны, что намѣренно отводятъ эту голодающую молодежь отъ Церкви, гдѣ хлѣбъ жизни.

А она?—Видя, что къ ней не идутъ, боятся итти, идетъ на встрѣчу. Создается „религіозное христіанское содружество учащейся молодежи“ *всѣхъ христіанскихъ исповѣданій*. (При „Обществѣ распростран. религіозно-нравств. просвѣщенія“) Это костеръ, около котораго дожны отогрѣться сомнѣвающіеся, подавленные своимъ одиночествомъ, тѣ, которые вѣровали, но не знали, есть ли другая *вѣрующая душа* среди своихъ, и потому боялись „вѣровать“. Въ тоже время—это маякъ, призывающій къ Богу всѣхъ тоскующихъ по Немъ.

Великое всероссійское горе... Если юношество, выражаясь словами Бріэ, „испорчено“ до сихъ поръ „ядомъ грѣха противъ плоти ихъ“, то вся Россія от-

равлена другимъ ядомъ—алкоголизма. „Руси веселіе есть пити“.

Противъ этого зла—пишетъ Розановъ—усердно борется интеллигенція.

Гдѣ? Чѣмъ? Мы не видимъ этой борьбы. Борьба чтеніями? Они ведутся (даже свѣтскія) на $^3/_4$—священниками, учащейся духовной молодежью. А плоды церковной работы мы видимъ. Общества трезвости покрыли сѣтью всю Русь. Тысячи, многія тысячи пошли за крестомъ и призывомъ Церкви къ трезвости, къ освобожденію отъ рабства этому сильному у насъ злу.

„Мы погибали — пишутъ рабочіе Нарвской заставы Обществу религіозно-нравственнаго просвѣщенія,—а теперь воскресли, благодаря храму и вамъ“.

Работа нашей Церкви не сверкаетъ „яркими молніями“, не поражаетъ фейерверочной красотой. Среди работниковъ на нивѣ Божіей у насъ нѣтъ Саванаролъ: рѣчи Саванаролы—съ ихъ пламеннымъ негодованіемъ, гремящимъ какъ громъ,—не въ нашемъ духѣ, не въ духѣ православной Церкви. Слово нашихъ пастырей зоветъ и ведетъ, но не яркое по окраскѣ, спокойное и вдумчивое, какъ византійская живопись—по выраженію одного талантливато русскаго церковнаго оратора,—проникающее внутрь, не поражающее огнемъ, а бережно, тихо касающееся больной души,—оно, естественно, не приноситъ и декоративныхъ плодовъ.

Что же? Мѣшаетъ ли это работѣ? За этимъ словомъ все-таки идутъ въ дѣйствительности очень многіе ко Христу и Его евангелію. Зайдите въ церковные аудиторіи, онѣ полны. Многія тысячи рабочихъ смѣнили трактиръ на церковныя бесѣды. Движеніе въ сторону Церкви въ этой средѣ огромно, необычайно. „Армія спасенія“ и у насъ многочисленна, только въ нашей

арміи спасенія, впереди, можетъ быть, милліоновъ спасаемыхъ, нѣтъ трубачей и барабанщиковъ.

Школы... Нельзя отрицать огромнаго значенія земствъ и, вообще, интеллигенціи въ народномъ русскомъ просвѣщеніи. Да благословитъ ихъ Богъ! Много свѣта внесли ихъ школы въ русскую землю. Но нужно сознаться, что въ самыхъ планахъ этихъ школъ все же мало удѣлялось мѣста „башнямъ", просвѣта на небо не было, или онъ былъ очень ужъ узкій. Вотъ какъ на это жалуется мальчикъ у Глѣба Успенскаго. Мальчикъ этотъ идетъ въ школу за рѣшеніемъ вопроса, чѣмъ ему быть: „въ пустыню идти или въ разбойники", т. е. хочетъ рѣшить, какъ ему жить, какимъ путемъ итти, ищетъ спасенія, только формулируетъ эту мысль въ странной по-дѣтски формѣ. И вотъ приходитъ онъ въ школу, слышитъ — разсказываютъ о страданіяхъ Христа. Все—говоритъ—въ три слова свернули: Іуда продалъ Христа, Пилатъ распялъ, и радости мнѣ никакой не вышло. Мальчикъ не нашелъ въ школѣ того, чего искалъ: просвѣта въ ту сторону, на востокъ, куда ему смотрѣть хотѣлось—и вотъ ему больно,—онъ Богу жалуется, что голоденъ, что его оставили голоднымъ. Церковь поставила своей задачей сдѣлать, что она должна и могла въ этомъ направленіи. И трудно сказать, едва ли это можетъ сказать и враждующій противъ Церкви, что она сдѣлала мало. Тысячи школъ тамъ, гдѣ почти не было никакихъ школъ, внесли свѣтъ по самымъ темнымъ мѣстамъ Россіи. А такія темныя мѣста оказались у насъ не гдѣ-нибудь на Сибирской окраинѣ, а около самаго запада, тамъ, гдѣ Россія ближе всего подходитъ къ культурному міру. (Въ неземскихъ губерніяхъ Волынской, Подольской и т. д.). Маленькіе огоньки свѣта загорѣлись и тамъ, гдѣ безъ работы церковной они не появились бы еще, можетъ

быть, десятки лѣтъ. Вотъ въ степяхъ Астраханской губерніи народъ совершенно невѣжественный, почти никогда не слыхавшій и о существованіи школъ, ставитъ въ церкви свѣчки черной бородѣ „карасакалъ“ (Христосъ на иконѣ съ черной бородой), потому что безъ школы онъ не знаетъ еще и Христа: онъ теменъ—безъ свѣта школы. И вотъ въ этомъ захолустьи появляются школы, и въ глазенкахъ киргизскаго ребенка загорается свѣтъ разума, который принесенъ ему отъ имени Церкви и ея служителями.

„Разъ утромъ—вижу разсказываетъ одинъ учитель—мальчуганъ 9 лѣтъ ведетъ другого крошечнаго киргизенка, еще меньше. „Вотъ Асанъ учиться хочетъ“. И учится Асанъ, а если бы не Церковь съ ея школой, долго еще онъ ждалъ бы школы и подросши ставилъ бы свѣчи „кара-сакалъ“. Въ Забайкальѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ трудомъ можно было проѣхать зимою и совсѣмъ невозможно проѣхать лѣтомъ, гдѣ какую-нибудь казенную бумагу везли, для того чтобы прочитать, за 40 верстъ, сразу появляется нѣсколько церковныхъ школокъ, и вотъ загорается свѣтъ, гдѣ была одна тьма. Можетъ быть, не блестящи эти очаги просвѣщенія и не ярко горятъ они. Но трудно намъ еще ждать и долго бы пришлось дожидаться дворцовъ просвѣщенія, освѣщенныхъ электрическимъ свѣтомъ.

„Питаются отъ плодовъ и поносятъ,—отъ него же питаются“. Такова судьба русской церковной дѣятельности, что ее не только не хотятъ замѣчать, а намѣренно затушевываютъ или больше — оплевываютъ. Сколько страницъ было посвящено фокусамъ Роберта Ленца, но какія газеты остановились хотя бы на посланіи Самарскаго епископа о переустройствѣ семьи и отношеніи къ семьѣ, по поводу покушенія на самоубійство одной женщины, преслѣдуемой мужемъ. Эту

женщину хотѣли предать суду, но владыка заявилъ, что суда и гражданскаго и церковнаго заслуживаетъ онъ, а не *она*. Кто обратилъ вниманіе на другія — не одно—пастырскія посланія, посвященныя тѣмъ же вопросамъ переустройства быта семьи.

„Ни одинъ священникъ не пожалѣлъ косую вдову“ съ ея убитымъ ребенкомъ, которую пожалѣлъ Л. Толстой. Какая неправда! Еще древняя Церковь, болѣе суровая ко грѣху, имѣла въ каждомъ приходѣ — „божедомки“, гдѣ принимались подкинутыя дѣти, а на дняхъ именно въ *епископскихъ покояхъ* (Парѳенія еп. Можайскаго) организовалось общество, которое считаетъ возможнымъ вывѣсить на своихъ дверяхъ: „здѣсь не будетъ отказано ни одному брошенному ребенку“ [1]).

Да, Церковь дѣлаетъ свое дѣло. Она живетъ и творитъ жизнь отъ одного конца міра до другого. Вотъ на сѣверѣ, въ Новой Землѣ, среди почти вѣчнаго мрака затеплился огонекъ благовѣстія. Это трудъ одного изъ многихъ апостоловъ Церкви—о. Іоны. На югѣ другой Іона, батюшка надъ „каторжниками“. Онъ отдалъ свою душу дѣлу возрожденія павшихъ подонковъ общества, воскрешая ихъ живой силой живой Церкви. Далеко, на другомъ концѣ міра, въ Японіи трудится новый апостолъ. И плодъ сѣянія его обиленъ. Онъ „ангелъ“ цѣлой Церкви, которая видитъ въ немъ святого. И это въ самомъ дѣлѣ святой носитель свѣта живого. И такіе носители свѣта есть и на западѣ, и на востокѣ. Люди, по словамъ поэта, любить умѣютъ только мертвыхъ. И поэтому назовемъ

---

[1]) Вѣдь и В. В. Розановъ недавно отмѣтилъ трогательную любовь Амвросія Оптинскаго къ ребенку, рожденному незамужней женщиной, — и любовную осторожность его къ самой этой женщинѣ

только мертвыхъ послѣднихъ дней. Антонинъ Псковскій, Филиппъ Новгородъ-Сѣверскій, Петръ Пермскій, Амвросій Харьковскій — это все люди живого духа, не по оффиціальнымъ только некрологамъ, люди не аскетическаго только подвига, но хранители живой церковной правды. А вотъ какъ описываютъ шествіе одного изъ корчемниковъ Церкви, среди паствы ея: „При въѣздѣ въ каждую деревню святитель, разсказывали мнѣ, выходилъ изъ экипажа, всю деревню до церкви онъ идетъ въ сопровожденіи народа. Поютъ. Владыка бесѣдуетъ. Бесѣдуетъ онъ въ церкви, потомъ продолжаетъ бесѣдовать со всякимъ желающимъ съ нимъ бесѣдовать. Народъ окружаетъ его такъ, какъ, навѣрно, когда-то давно окружали Поликарпа или Іоанна. Въ немъ совсѣмъ не видятъ пріѣзжей власти. Это только учитель“. (Макарій Томскій).

И такихъ много, очень много. А Алексѣй Колоколовъ и его Успенскій островокъ, который представляетъ маленькое царство Божіе среди эгоистическаго міра! Не опустѣли храмы. И они полны не равнодушными и случайными посѣтителями, а людьми живой вѣры. Въ тысячѣ мѣстъ всенародное пѣніе оглашаетъ храмъ. Въ тысячѣ мѣстъ раздается живое слово. Въ тысячѣ мѣстъ храмъ становится школой не въ одни только часы богослуженія.

Придите — говорилъ я въ рѣчи въ Кронштадтѣ — вы, которые объявляете Церковь мертвою, сюда въ Кронштадтъ и... видите... Здѣсь вы увидите пастыря, котораго воспитала и родила Церковь, пастыря, говорящаго духомъ предъ престоломъ Вышняго. И въ его взорѣ въ минуту, когда онъ видитъ небеса отверзтыми и Агнца, „сходяща датися въ снѣдь вѣрнымъ“, когда онъ видитъ то, что желали видѣть цари и пророки, вы прочтете отвѣтъ: *жива ли Церковь наша?* Здѣсь вы увидите

народъ нашъ, молящійся съ своимъ пастыремъ съ такою силою покаянія и вѣры, что вѣра эта можетъ сжечь всякаго, кто нечистыми руками касается ковчега Господня. Здѣсь живое доказательство жизненности вѣры нашей. Идите и увидите, потому что не видѣть здѣсь могутъ только слѣпорожденные.

Дѣятелей на нивѣ Божіей много, даже и кромѣ тѣхъ крѣпкихъ, стоящихъ вверху горы. Священники тихо дѣлаютъ свое великое дѣло. Зашелъ я въ одно село, въ моей родной епархіи. Вижу: мужики дѣлаютъ кирпичи, — совершенно необычайное занятіе. Притомъ день былъ праздничный. Я и спросилъ: что значитъ эта работа? „Да вотъ батюшка заставилъ. Зачѣмъ намъ, говоритъ, на нашъ храмъ деньги собирать по міру? Что дадутъ и пришлютъ — спасибо. А храмъ нуженъ, и выстроить его должны мы. Давайте, дескать, сами всю нашу церковь построимъ своими трудами. Тогда и она для насъ будетъ и святѣе, и дороже. И молитва въ ней будетъ до Бога доходчивѣе“. И мужики, дѣйствительно, выстроили храмъ собственными руками. И, конечно, этотъ храмъ не будетъ пустымъ. Рабы Господни будутъ въ этомъ храмѣ. И молитва ихъ будетъ настоящей горячей молитвой. Въ другомъ поселкѣ той же епархіи священникъ рѣшилъ, что въ ихъ селѣ не должно быть нищихъ. Стыдно, дескать, христіанамъ, когда ихъ-же сосѣди у нихъ подъ окномъ собираютъ милостыню. И вотъ ради его, проникнутаго Христовою любовью, слова въ маленькомъ селѣ созидается братство, которое дѣйствительно не позволяетъ нищенствовать, да, пожалуй, не однимъ только одно сельчанамъ. А помните „попа Елисея“ въ поэмѣ Случевскаго, который заразился, ухаживая за оспенными?

„Въ сѣрый потертый подрясникъ одѣтая,
Всюду виднѣлась фигура его,

Слышалась рѣчь теплотою согрѣтая,
Близилось въ ликѣ попа торжество.
Въ самую глубь, въ самыи смрадъ зараженія
Попъ Елисеи глубоко проникалъ;
Ядомъ дыша, совершалъ причащеніе,
Раны заразныя самъ обмывалъ".

Недавно въ Семипалатинскѣ умеръ священникъ, извѣстный именно тѣмъ, что ухаживалъ, одѣвалъ и т. п. холерныхъ больныхъ (О. Евфимій Владиміровъ). Эти факты не крупные и не кричащіе о собѣ. Но, вѣдь, и В. В. Розановъ заявилъ: „быть разсказаннымъ не цѣль для человѣка, для него цѣль быть правымъ". И среди нашихъ селъ найдутся тысячи такихъ тружениковъ, которые, какъ и Елисей, не желаютъ быть разсказанными, но которые правы предъ Богомъ за дѣло, данное имъ. Недавно одинъ святитель обратился съ посланіемъ къ своей паствѣ, въ которой съ огненной силой упрекаетъ пастырей за то, что они забыли о нуждахъ паствы своей. Я знаю, что не безъ большихъ колебаній подписалъ святитель свое посланіе. Но онъ, наконецъ, рѣшился его послать. И это было выраженіемъ огромнаго довѣрія къ своей паствѣ и увѣренности, что пастыри, къ которымъ онъ обращается, живые дѣятели духа. Онъ зналъ, что это посланіе будетъ для нихъ „раскаленныхъ желѣзомъ", будетъ принято съ болью, но не какъ оскорбленіе. Онъ зналъ, что говоритъ „мудрымъ" людямъ, которые живутъ для Бога и духа, и поэтому станутъ премудрѣйшими оттого, что имъ „говорятъ ихъ вину". Онъ зналъ, что касается огнемъ къ живой душѣ, и душѣ не заснувшей, которая сумѣетъ понять, отъ какого духа вышло огненное слово.

Авилова бросаетъ въ лицо Церкви обвиненіе въ томъ, что „Слуги Господина"—смѣняли на власть и блескъ

дѣло Господина своего. Пусть посмотритъ она на русскаго священника — когда онъ, какъ нищій собираетъ „хлѣбъ свой“ по деревнѣ Еще Некрасовъ отмѣтилъ, съ какой болью приходится принимать эти — одинъ, два пятака — отъ голодной семьи. Вѣрю я, только наслѣдственная, даже мало сознанная, скрытая на днѣ сознанія—любовь къ народу, къ его жизни заставляетъ, послѣ 11—13 лѣтъ школы, отдать себя деревнѣ и *нищенству*.

Именно потому намъ и вѣрится, что Церковь оклеветанная, но вѣчно живая, съ каждымъ днемъ будетъ яснѣе для міра проявлять свою скрытую жизнь Правда, несомнѣнная правда, что „великъ свитокъ нашихъ священническихъ грѣховъ“, „много въ немъ написано и рыданія, и жалости, и горя“. (Моск. Сбор. 138).

И паства не вся на стражѣ и овцы блуждаютъ. „Есть храмы — свѣтильники народные — оставленные посреди селъ и деревень безъ службы и пѣнія, есть и такіе, изъ коихъ за крайнимъ безчиніемъ службы — не выноситъ народъ ничего, кромѣ хаоса, невѣдѣнія и раздраженія“. Есть и много священниковъ косныхъ и спящихъ. И недостаточно плодоносна нива церковная. Но на одномъ ли священникѣ лежитъ вся вина этого?

Нельзя ли видѣть вину „оскудѣнія нивы“ въ томъ, что изъ Церкви вышли, покинули долгъ церковнаго дѣланія тѣ, которые могли бы много сдѣлать для созиданія тѣла Церкви. Уже давно въ избылыхъ русская интеллигенція, которая давно отправилась на страну далече—искать другого культурнаго идеала, внѣ церковнаго идеала русскаго народа. А съ уходомъ избылыхъ, конечно, должна была оскудѣть церковная нива, а еще больше должна была показаться оскудѣвшей, потому что вниманіе рѣдко спускается внизъ въ на-

родъ, а скользитъ по поверхности, наблюдая церковную жизнь только тамъ, гдѣ проявленіе ея пока по необходимости слабо или менѣе интенсивно, т. е. среди той же ищущей иного идеала интеллигенціи. Розановъ жалуется, что онъ только пассажиръ и не можетъ помочь спастись гибнущему судну. „Храмы пусты—пишетъ онъ. Почему? Почему я не иду въ храмъ?—Потому, что храмъ чужое мѣсто и чужое дѣло — дѣло клириковъ и какой-то тамъ администраціи. Я чужой для храма, и онъ для меня. Отдайте храмъ міру, и вы получите церковный народъ. Гостю и положеніе гостя и психологія гостя „взялъ шляпу и вонъ“. Правда-ли? Не потому ли мы и притворились гостями, что быть хозяевами и работниками — не по намъ. Быть гостями—покойнѣе: отвѣтственности меньше. Думается, въ томъ и бѣда, что сдѣлались пассажирами и тѣ, которымъ должно быть дѣлателями. На Валаамскихъ и Соловецкихъ корабляхъ, если онъ хочетъ знать, матросы большею частью не послушники монастыря, а міряне трудники, пришедшіе сюда хоть на годъ или на два, ради спасенія. И Церковь хочетъ, чтобы такіе-же трудники пришли помочь ей раздавать свѣтъ міру, устроить царство небесное среди этого міра. Церковь православная тѣмъ и отличается отъ католичества или протестантства, что считаетъ каждаго вѣрующаго созидателемъ жизни церковной, творцомъ этой жизни. И давно она усиленно зоветъ съ болью въ сердцѣ интеллигенцію вернуться къ этому идеалу строенія народнаго, которое предлагаетъ Церковь, быть помощниками Церкви въ этомъ строеніи, вступить въ тѣло Церкви въ качествѣ живыхъ членовъ, восполняющихъ полноту жизни церковной.

Давно уже только народъ, какъ огромный балластъ, лежащій въ глубинѣ нашего корабля, и духовенство,

съ его робкой, никѣмъ неподдерживаемой любовью къ народу, даютъ этому кораблю его ожидаемое и могучее движеніе, несмотря ни на какіе внѣшніе вѣтры и бури, но для того, чтобы ширилась и богатилась жизнь, нужно, чтобы и здоровыя силы народныхъ верховъ — интеллигенты пошли въ помощь народу и духовенству. Нужно помнить, пишетъ Рачинскій, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ. ни за что неотвѣтственныхъ мірянъ, отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь Церковь—это также и мы... Будемъ откровенны, будемъ искренни. Для многихъ-ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Легко ссылаться на петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, будто облекшихъ нашу Церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства... Зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ Церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго. Дивиться-ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ обставленное всѣми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полуобразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или глупымъ лицемѣріемъ? Дивиться-ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства? Дивиться скорѣе нужно тому, что у насъ встрѣчаются священники и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо (Сельская школа, С. А. Рачинскаго, 40).

Родись живая жизнь въ этихъ „гостяхъ—пассажирахъ“, пойди они за зовомъ отцовъ Гумилевскихъ, и эта жизнь сама создастъ себѣ формы, оттолкнетъ то,

что можетъ помѣшать росту церковно-православнаго живого сознанія. „Говорятъ, что Церковь наша безжизненна,—пишетъ Гоголь, это ложь“.

Церковь — это послѣдняя инстанція въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка, — это среди насъ единое здоровое тѣло. „Церковь наша это и есть сама жизнь. Мы трупы, а не Церковь наша“. Но, можетъ быть, кто спроситъ насъ: сдѣлала-ли ваша Церковь васъ лучшими? Можетъ быть, и не сдѣлала, но она ли виновата, что „мы шли все время мимо нашей Церкви и едва знаемъ ее теперь?“

„Мы владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. Нѣтъ, эта Церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась, однако, отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта Церковь, вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными, какъ бы снесенная прямо съ неба для русскаго народа, въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши“, и только одна она въ силахъ. Свѣтъ христіанской мудрости, которая одна только можетъ освѣтить мракъ и внести порядокъ въ хаосъ и нестроеніе современной жизни, сохраняется невредимо въ православной восточной Церкви. „Какъ евангельская Марія, эта Церковь смиренно сѣла при стопахъ Спасителя и внимала словамъ Его, отложивъ всѣ попеченія о земномъ“ въ то время, какъ западная, подобно хлопотливой Маѳѣ, „хлопотала около людей“, примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духа и привычекъ.

„Въ нашей церкви сохранилось все, что нужно для общества просыпающагося“ отъ оргіи Strugle for life'a. Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно

русской, Христовой жизни во всѣхъ ея отношеніяхъ... „Въ ней дорога и путь, она одна можетъ и дать программу жизни и силы выполнить эту программу. Въ ней и путь къ просвѣщенію, къ цѣлости всесторонней культуры. „Нѣтъ, Церковь не трупъ“, — повторяетъ Н. В. Гоголь,—она жива и, какъ вѣчно живая, она совершитъ дѣло свое, подниметъ высоко надъ суетой міра свѣточъ вѣры, огненными буквами на облакахъ напишетъ заповѣди любви. „Уже готовится она,—говоритъ еще Гоголь,—вдругъ вступить въ полныя права свои и засіять свѣтомъ на всю землю... Уже какимъ-то невѣдомымъ чутьемъ наши свѣтскіе люди начинаютъ слышать, что есть какое-то сокровище, отъ котораго спасеніе, которое среди насъ и котораго не видимъ. Блеснетъ сокровище, и на всемъ освѣтится блескъ его“. И при помощи Церкви,—вѣритъ Гоголь,—воскреснетъ для новой, свѣтлой человѣческой, разумной жизни уставшее отъ сомнѣній человѣчество: „Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русскаго, и что освящено самимъ Христомъ. Разнесется звонкими струнами поэтовъ развозвѣстится благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшій свѣтъ любви смиренной и возсіяетъ свѣтъ Христовъ“.

Положеніе нашей Церкви опасно, но опасно оно не для самой Церкви,—ея побѣдоносная жизненность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы слышать. Оно опасно для тѣхъ, которые отъ нея отпали (Рачинскій). До сихъ поръ интеллигенція въ избылыхъ, но долго-ли это будетъ? Такимъ образомъ мы вернулись къ вопросу, поставленному въ началѣ. Какой долженъ быть отвѣтъ? Читатель навѣрно думаетъ, что нашъ отвѣтъ будетъ отрицательнымъ. „Тревожная ночь“, характеризуя отношеніе интеллигентовъ

къ Церкви, повидимому, показываетъ, что „избылые“ дальше отъ Церкви, чѣмъ когда-либо. Я думаю, что это не такъ. Что значитъ эта вакханалія на мѣстѣ святомъ? Я такъ понимаю ея смыслъ. Интеллигенція, уставшая въ поискахъ подлинной жизни, поняла, что тотъ путь, которымъ хотѣла она создать народно-культурный идеалъ безъ народа, не вѣдая души его, не сливаясь съ этой душой въ одномъ духовномъ созданіи, не истинный путь Они увидѣли, что наги, и убоялись. И вотъ передъ ними теперь встала необходимость поклониться тому Богу, алтарь Котораго они сожигали,—Церкви, какъ единой носительницѣ народнаго сознанія и истинно-народнаго культурнаго идеала.

Бывшіе избылые уже сознаютъ силу и властность этого церковнаго идеала. И мысль о необходимости поклониться ему пугаетъ ихъ. Колѣна подгибаются насильно, но поклониться не хочется... И ужасъ передъ необходимостью поклониться вызываетъ богохульство. „Іисусе, Сыне Давидовъ, зачѣмъ ты мучаешь меня!“— это крикъ бѣснующаго передъ тѣмъ, какъ изыти бѣсу. Я думаю, что простятъ мнѣ это сравненіе..

Пусть пока они поклоняются предъ розовымъ прошлымъ языческой литературы и падаютъ ницъ предъ Астартой лицомъ. Но, вѣдь, это наркозъ, намѣренное одурманиваніе себя, опьяненіе, выдуманное язычествомъ. Это пройдетъ, и язычникъ поклонится предъ истиной.

Теперь эта толпа слѣпорожденныхъ еще проходитъ мимо Церкви, которой не видитъ и не можетъ увидѣть; въ искусственно-вызванномъ опьяненіи минуты она безумствуетъ, закрывъ глаза, слишкомъ пока еще довольная, слишкомъ слѣпая толпа. Пройдутъ эти минуты безумнаго, пьянаго, самовнушеннаго веселья, почувствуется низменность и полная искусственность

этого языческаго счастья, „когда люди сами увидятъ, гдѣ имъ должно быть:—въ храмъ, горящій свѣчами, теплящійся молитвами—о нихъ молитвами,—они войдутъ и возьмутъ предуготовленныя для нихъ свѣчи и поклонятся всѣ Единому Богу“. И когда это будетъ, когда ищущая интеллигенція вступитъ въ качествѣ трудниковъ на церковное судно, то это судно смѣло и прямо пойдетъ къ тому идеалу, къ какому ведетъ его великій Его Кормчій.

Сіе и буди, буди! Да поможетъ ищущимъ Тотъ Кормчій Христосъ, и подастъ имъ „свѣтъ разума“! А Церковь, полная упованія, будетъ молиться за нихъ. Она не боится за себя. „Спокойнымъ окомъ зритъ она, какъ вѣкъ за вѣкомъ, волна за волной, гроза историческихъ треволненій, потоки страстей и мыслей человѣческихъ клубятся и мечутся вокругъ камня, на которомъ она утверждается; зритъ и несмущается, ибо вѣритъ въ его несокрушимость. Камень этотъ — Христосъ“. (Хомяковъ).

Новое христіанство Мережковскаго.

(Христіанство какъ культъ Діониса).

(*Публичная лекція*).

Ваше Высокопреосвященство, досточтимое собраніе! Уже не одинъ разъ мнѣ предлагали вопросъ, почему я избралъ предметомъ чтенія такое не крупное, повидимому, литературное явленіе, какъ Мережковскій.

Я вполнѣ признаю законность этого вопроса. Да, конечно, христіанство новаго ученика Діониса—явленіе не жизненное, не сильное. Говоря словами Гетберга, „язычество, воскреснувъ на недѣлю, здѣсь празднуетъ веселый карнавалъ".

Я вѣрю и знаю, что „новое" будто бы движеніе проживетъ только недѣлю, и всетаки считаю необходимымъ посвятить ему отдѣльную лекцію въ своихъ чтеніяхъ: „О Ликѣ Христовомъ". Слѣдующія соображенія понуждаютъ меня говорить о новомъ Христіанствѣ Мережковскаго. За Мережковскимъ стоятъ два общественныхъ теченія, несомнѣнно характерныхъ и интересныхъ для Церкви.

Одно—это „эготизмъ"—проповѣдь погони за опьяненіемъ и ощущеніями,—который непрочь позанять у Дмитрія Сергѣевича, какъ и у Ницше, мишуру метафизическаго оправданія.

Другое теченіе еще болѣе интересное и новое—движеніе „носителей новаго пути“, новыхъ христіанъ, „возвращающихся“, какъ называетъ ихъ Минскій. Первое теченіе, несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, какъ дѣйствительно опасная проповѣдь распущенности; второе—дѣлаетъ необходимымъ откликъ со стороны представителей церковнаго сознанія своимъ очень своеобразнымъ отношеніемъ къ Церкви.

„Возвращающіеся“ считаютъ себя носителями церковной правды. „Они возвращаются въ Церковь не для того, „чтобы разрушить, а чтобы исполнить“. Они хотятъ „искать истину въ не совсѣмъ промытомъ пескѣ“ Евангелія. Въ частности Мережковскій увѣренъ въ томъ, что онъ христіанинъ и исповѣдуетъ свою вѣру.

„Я вѣрю,—говоритъ Д. С.—вмѣстѣ съ Гоголемъ въ необходимость нашего возврата къ Церкви. Я вѣрю, что „священный ужасъ“ Пушкина предъ „арфою серафима“, смиреніе Гоголя, Достоевскаго передъ русскою Церковью, хотя и предъ „убогимъ храмомъ“ простого народа, не есть плодъ общественной и умственной незрѣлости, „необразованности“, а плодъ высшей культурной свободы и высшаго культурнаго сознанія истиннаго русскаго „свѣта просвѣщенія“. Какъ человѣкъ, ищущій Церковь, церковную истину, онъ ей отдаетъ на судъ свою книгу. „Я человѣкъ, стоящій лишь въ притворѣ храма, мало знаю Церковь и можетъ быть во многомъ о ней ошибаюсь. Пусть же она оправдаетъ или обличитъ меня. Я никого не обличаю, никого не учу: азъ есмь въ чинѣ учимыхъ и учащихъ мя требую“.

Пусть это неискренно, *но какъ бы то ни было, онъ желаетъ услышать голосъ Церкви о своей „истинѣ“.*

Могутъ ли при этихъ условіяхъ молчать представители „стараго пути“? Мережковскій отъ лица цѣлой

группы несетъ въ Церковь, ей предлагаетъ „новое прозрѣніе прежнихъ таинствъ и догматовъ“. Можно-ли не отвѣтить, какъ можетъ смотрѣть Церковь на откровеніе перваго изъ пророковъ „Новаго Пути“.

Вотъ это-то и побуждаетъ насъ поставить въ нашей лекціи на разрѣшеніе вопросъ, христіанинъ - ли авторъ соединеннаго культа Христа и Діониса? Мы считаемъ себя обязанными давать отчетъ о словеси упованія нашего, предъ всякимъ вопрошающимъ.

* * *

Д. С. Мережковскій не считаетъ ложью „историческое“, наше христіанство. По его мнѣнію оно истина, только отжившая свое время. Христосъ далъ христіанству наличную его аскетическую форму, чтобы сильнѣе „оттолкнуться“ отъ апоѳеоза плоти въ язычествѣ, но это только до времени.

Теперь наступило время обратнаго движенія — „къ синтезу плоти и духа,“—время созданія Новаго Іерусалима.

„Въ переживаемое нами мгновеніе,—пишетъ Мережковскій,—христіанство,—иначе человѣчество и достигло этой именно точки поворота. Точка эта страшная, потому что кажется мертвою: почти кончилась сила отталкиванія, отрицанія, отвлеченія отъ язычества, заключенная въ первомъ пришествіи Христа, а противоположная сила притяженія, заключенная во второмъ пришествіи, еще почти не началась. И вотъ намъ кажется, что движеніе совсѣмъ прекратилось, что мы остановились на вѣки въ этой срединной мертвой точкѣ, что уже всѣ силы христіанства перестали въ насъ дѣйствовать, и что оно, вообще, не удалось. Но это не такъ. Расчетъ силъ сдѣланъ съ математической точностью Тѣмъ, Кто никогда не ошибается въ своихъ расчетахъ: еще мгновеніе полета, и начинается сила противоположнаго

притяженія и будетъ увеличиваться въ непрерывно, безконечно возрождающейся прогрессіи. Кончится отрицаніе, умираніе, начнется оживленіе, воскресеніе. Отъ перваго скорбнаго, темнаго, постнаго Лика Господня христіанство обратится ко второму—радостному, свѣтлому, славному".

Времена новаго царства Христова близки. Д. С. въ пророческомъ видѣніи созерцаетъ этотъ Новый Іерусалимъ, открытый имъ. Онъ видитъ солнце будущаго, освѣщающее міръ своимъ яркимъ свѣтомъ.

Контуры Новаго Іерусалима уже намѣчаются, по его мнѣнію, въ туманѣ будущаго, а для его двойного зрѣнія, которое видитъ, чего никто не видитъ, уже открыто „неимовѣрное видѣніе будущаго царства". Что же это за царство? „Христіанство будущаго или Христово христіанство будетъ новымъ царствомъ совершеннѣйшей свободы. Здѣсь соединится расколотый Христовъ Ликъ,—бездна вверху соединится съ бездной внизу. Человѣчество, впавшее въ рабство, скоро отказавшееся исторически отъ свободы, снова просвѣщенное „благовѣстіемъ", будетъ пить изъ соединенной чаши божественной радости. Двѣ чаши: чаша наслажденія жизни, полная земного счастія, и чаша небеснаго служенія Богу соединятся въ одно, и люди не будутъ бояться пить изъ той и другой чаши. Небо и земля соединятся въ одной пѣснн Богу, понятіе грѣха, понятіе зла, созданныя рабскою мыслью удалившагося отъ Христа человѣка, отойдутъ въ даль. Человѣчество станетъ по ту сторону добра и зла, взглянетъ на добро и зло сверху, съ той высоты, для которой нѣтъ темнаго и свѣтлаго, все сольется въ одинъ яркій Христовъ свѣтъ будущаго". *Какъ ярко и сильно*... Мы уже готовы кричать осанна'. Но „буржуазный" разумъ, который такъ презираетъ Д. С., останавливаетъ насъ и мы проспимъ

сначала указать путь къ этому сіяющему вдали Іерусалиму.

Такъ какъ Новый Іерусалимъ есть подлинное царство Христово, то, конечно, и путь туда, утверждаетъ Д. С. Мережковскій, указанъ самимъ Христомъ. Этотъ путь весь въ словѣ свобода, „освобожденіе“.

„Благая вѣсть, принесенная Христомъ, вся въ откровеніи свободы, и нельзя пройти къ новому Іерусалиму, оставаясь рабомъ“. Свобода, какъ отличіе новой морали отъ морали христіанской, — это мысль Ницше... „Освободитесь отъ предразсудковъ... сбросьте съ себя ярмо закона и рабской морали... Станьте по ту сторону добра и зла“.

Только у Ницше большого и сильнаго, именно потому, что онъ силенъ, несмотря на его протестъ противъ имени Христа и закона Христова,—сквозитъ мысль дѣйствительно близкая къ христіанству.

Онъ требуетъ свободы „человѣку“ отъ того маленькаго „мигающаго“ существа, которое живетъ въ немъ,—требуя „немного яду, чтобы жить и немного яду, чтобы умереть“. Немного искаженный, очень мало понятый (особенно Мережковскимъ), Ницше требуетъ побѣды надъ собой, свободы отъ „голодныхъ псовъ“—въ душѣ, которые тоже рвутся на свободу и дѣлаютъ человѣка изъ слуги общаго блага рабомъ своихъ нищенскихъ желаній.—Какъ поэтъ, свои мысли Ницше иногда выражалъ въ гиперболическихъ и непріемлемыхъ формахъ, но во всякомъ случаѣ онъ проповѣдуетъ и ищетъ не свободы его мнимыхъ учениковъ.

А какое „освобожденіе“ предлагаетъ Мережковскій?—Онъ проповѣдуетъ свою свободу, первый этапъ которой Раскольниковъ въ „Преступленіи и наказаніи“. Раскольниковъ убійца. Преступленіе это? Нѣтъ;—въ убійствѣ для него начало пути ко спасенію „и новое благовѣ-

стіе". Въ своемъ преступленіи Ракольниковъ почти около Христовой истины. Помните, какъ разсуждаетъ Раскольниковъ послѣ преступленія. Онъ не чувствуетъ себя виновнымъ; ему, по мнѣнію Мережковскаго, кажется, что онъ всетаки былъ правъ и имѣлъ право перейти черезъ чужую жизнь и чужую личность.

И онъ *дѣйствительно* правъ. Здѣсь, въ этомъ пониманіи Раскольникова, мы несомнѣнно—думается г. Мережковскому—имѣемъ огромное нравственное откровеніе. Здѣсь Раскольниковъ докопался до самаго корня нравственности, и его нравственное сознаніе дошло до высотъ совершенно необычайныхъ. Въ этой области онъ совершенно близокъ къ прозрѣнію истиннаго закона Христова. Опустившись до конца бездны, онъ понялъ, съ страшною силою понялъ, что онъ свободенъ, почувствовалъ именно свободу отъ грѣха,—иначе сказать, почувствовалъ, что нѣтъ грѣха и нѣтъ зла, созналъ себя стоящимъ выше грѣха, *надъ* грѣхомъ и свободнымъ. Правда, Раскольниковъ страдаетъ, но это только потому, что огромная свобода, которую онъ пріобрѣлъ, въ немъ еще слѣпая свобода; въ немъ нѣтъ еще пониманія этой свободы—ея смысла и цѣлей...

Вотъ путь, который ведетъ къ новому Іерусалиму. Нужно опуститься до глубины грѣха и стать въ своемъ сознаніи свободнымъ, внѣ всякихъ узъ закона, освободиться отъ совѣсти. Едва-ли мы стали бы что-нибудь говорить по поводу этой теоріи, еслибы въ подкрѣпленіе ея не призывались великія и святыя имена. Дмитрій Сергѣевичъ заявляетъ, что его мысль есть вмѣстѣ и невысказанная мысль Достоевскаго—*больше*, это мысль и *Самого Христа*.—Конечно, второе имя—слишкомъ велико, чтобы его могли затронуть покушенія „маленькаго Ницше"—но осквернепіе святого для меня *второго человѣческаго* имени, „эта пляска на свя-

тыхъ могилахъ заставляетъ сказать: нѣтъ". Клеветы не нужно. Я утверждаю, что пониманіе преступленія Раскольникова Достоевскимъ, т. е. христіанское пониманіе, совершенно и діаметрально противоположно тому пониманію, которое навязываетъ ему Дмитрій Сергѣевичъ.

Вотъ что, увѣренъ я, хотѣлъ сказать и несомнѣнно сказалъ своимъ Раскольниковымъ намъ Достоевскій.

Въ его пониманіи „Преступленія и наказанія" цѣлая символическая повѣсть, гдѣ вынесенъ *христіанскій* приговоръ надъ тѣмъ самымъ построеніемъ жизни, какое предлагаетъ Мережковскій. Люди созданы для единства. Единство лика Божія, лежащаго въ душѣ всѣхъ, основаніе мистической связи между ними. Поэтому-то основной законъ жизни единеніе, отрицаніе эгоизма и обособленія. Обособленіе было первымъ грѣхомъ человѣка, оно есть главная форма зла и паденія и теперь. Послѣдній конецъ грѣха, верхъ зла, когда человѣкъ исковеркавшій грѣхомъ своимъ душу, сознательно отстаиваетъ право обособленія, ставитъ свое „я" выше всякаго другого „я", отрицаетъ чужую жизнь—права чужой души во имя своихъ сверхчеловѣческихъ правъ.

Это и было преступленіемъ Раскольникова. Раскольниковъ захотѣлъ поставить свое „я" на такую высоту, съ которой онъ считалъ себя въ правѣ отрицать другую личность и другое „я". И вотъ, во имя этого возвеличеннаго выше звѣздъ „я", онъ совершаетъ преступленіе. Но въ эту самую минуту онъ и понимаетъ, въ какой степени невозможно, противоестественно это покушеніе на чужую личность Онъ почувствовалъ, что въ сущности не старуху убилъ, *а себя самого убилъ* (его собственныя слова), совершилъ самоубійство, потому что нарушилъ основной законъ своей душевной жизни, законъ связи своей со всѣмъ человѣчествомъ, разор-

вавъ ту нить, которая связываетъ человѣка съ человѣчествомъ, какъ пуповина связываетъ ребенка съ матерью. Въ то же время онъ созналъ, что его самоубійство было *богоубійствомъ*: онъ разбилъ, „раскололъ на двое“ нераздѣляемый ликъ Божій, живущій въ *каждомъ и во всѣхъ*. Именно это сознаніе совершеннаго самоубійства и богоубійства есть, по мысли Достоевскаго, „наказаніе“, осужденіе его за „преступленіе“. Мысль Достоевскаго *именно такая, настолько ясна*, что только посредствомъ передержки можно заставить его говорить что-то странное въ Ницшеанско-Мережковскомъ смыслѣ.

Правда, что Раскольниковъ, по совершеніи преступленія совсѣмъ не чувствуетъ себя виновнымъ, чувствуетъ себя правымъ, но здѣсь только и продолженіе и развитіе той же чисто христіанской идеи, мысли, что попытка встать *надъ* чужой личностью есть „самоубійство“.

Дѣло, совершенное Раскольниковымъ, было слишкомъ страшно. Если простое убійство разрушаетъ жизнь, гармонію душевной жизни убійцы, то это убійство, построенное на цѣлой теоріи, разрѣшающей кровь по совѣсти, должно было быть бурею, разрушившею совѣсть Раскольникова до конца. Ударъ, нанесенный душѣ въ ея сокровеннѣйшихъ человѣческихъ глубинахъ, былъ настолько силенъ, что обязательно долженъ былъ вызвать атрофію души, временную ея смерть, и это омертвѣніе естественно должно было длиться для Раскольникова долгіе годы, до его воскресенія на каторгѣ. Такимъ образомъ, отмѣчая сознаніе Раскольниковымъ его правоты, Достоевскій лишь сильнѣе *подчеркивалъ* мысль, какъ преступно и противоестественно и потому разрушительно всякое стремленіе не только выдѣлить свое „я“ изъ жизни человѣческой, какъ отдѣльное, обособленное, но и поставить его вверху, какъ *высшее сверхче-*

ловѣческое. И потому вполнѣ послѣдовательно вытекаетъ изъ всего романа его заключеніе, гдѣ Раскольниковъ, просвѣтленный любовнымъ прикосновеніемъ души Сони, окончательно осуждаетъ свое дѣло.

„Въ ихъ (Сони и Раскольникова) больныхъ и блѣдныхъ лицахъ"—читаемъ мы въ эпилогѣ романа—„сіяла заря обновленнаго будущаго, полнаго вѣры въ воскресеніе, въ будущую жизнь. Ихъ воскресила любовь. Раскольниковъ воскресъ и зналъ это всѣмъ обновленнымъ существомъ своимъ". „Что-то подхватило Раскольникова и бросило его къ ногамъ Сони"... въ покаянномъ порывѣ, осуждающемъ прошлую ошибку отъединенія.

Собственно и въ омертвѣніи души послѣ убійства уже дано было это сознаніе грѣха, мучительной ошибки, но это сознаніе было слишкомъ еще тяжело, чтобы его могла принять *воля.* Воля силой пока „отталкивала" свидѣтельство духа.

Эта мысль въ высшей степени христіанская. Здѣсь высокая нравственная антитеза. „Человѣкъ долженъ прежде всего искать утвержденія своего „я", онъ смѣетъ перейти и черезъ кровь во имя своего „я", говоритъ Мережковскій.—„Человѣкъ—часть человѣческаго цѣлаго, онъ не можетъ оторваться отъ единства съ другимъ; это будетъ самоубійствомъ; онъ долженъ жить для другого и попытка отособиться—грѣхъ"—это Достоевскій. И съ точки зрѣнія Достоевскаго дѣло Раскольникова первый этапъ въ нравственной жизни, но уже, конечно, здѣсь не моментъ нравственнаго подъема, а только мгновеніе паденія—это провалъ внизъ... а отсюда для жизни нужно идти, „карабкаться" *назадъ* къ искупленію, къ покаянному умерщвленію грѣховной лжи. Потому то и самыя послѣднія страницы романа описываютъ покаяніе какъ „спасеніе".

Мережковскому очень не нравится покаяніе Раскольникова;—тотъ моментъ, когда Раскольниковъ цѣлуетъ землю въ первомъ покаянномъ порывѣ, кажется ему оскорбленіемъ въ Раскольниковѣ человѣкобога. „Единственную святыню свою, въ которую онъ всетаки вѣритъ, которую даже почти сознаетъ, какъ вѣру, святыню послѣдней свободы“,—пишетъ Мережковскій, „пророка и властелина“, ликъ дельфійскаго демона, воплощеннаго Бога—солнце, человѣкобога, „Раскольниковъ предалъ здѣсь *на поруганіе черни, сбросилъ въ уличную грязь*“. Раскаяніе—это мораль рабства духовнаго... Христосъ, говоритъ Д. С., принесъ не слезы *раскаянія*, а свободу совѣсти и сознанія.

Но какъ-же дѣло Самого Христа? Мы привыкли считать Его смерть Божественной жертвой за грѣхъ, видѣть въ покаяніи Раскольникова слѣдованіе по стопамъ нашего Христа, Христа Голгоѳы.—*Здѣсь переходъ къ ученію о Христѣ,—какъ конечномъ пунктѣ пути въ Новый Іерусалимъ.*

Раскольниковъ начало, Христосъ (или Кирилловъ, что для Д. С. почти одно и то же) послѣдній этапъ. Я съ смущеніемъ останавливаюсь передъ этими страницами книги Мережковскаго. Ихъ кощунственный смыслъ несомнѣненъ, но не это смущаетъ меня. Я боюсь сдѣлать больно моимъ слушателямъ. Только мысль, что новое ученіе о дѣлѣ Христовомъ слишкомъ опять-таки близко примыкаетъ къ очень распространеннымъ ницшенскому и эготическому движенію, не дозволяетъ поставить точку передъ обвиненіемъ не умно-кощунственнымъ, оскорбительнымъ, хотя и очень не глубокимъ.

Что сдѣлалъ Господь Іисусъ Христосъ въ фактѣ страданія? въ чемъ метафизическая идея Голгоѳы?—Христіанское пониманіе выражено въ видѣ намековъ,

по мнѣнію Мережковскаго, у Достоевскаго... въ *Кириллові*. Дѣло Христа—говоритъ историческое т. е. церковное христіанство—искупить страданіями человѣчество отъ грѣха. Конечно, Мережковскому кажется убогимъ такое пониманіе... Такъ какъ для просвѣтленнаго сознанія нѣтъ зла и грѣха, то не нужно было его и искупать. Такъ тогда для чего-же Голгоѳа?—страданія Христа? Для того, чтобы утвердить истину Его ученія?—Оказывается, что цѣль страданій Іисуса Христа только побѣдить воспитанное въ человѣкѣ сознаніе себя, какъ раба и утвердить безусловность своего „я“, своей воли. Здѣсь вся психологія Голгоѳы: Христосъ отдалъ Себя смерти и страданію, дабы доказать Себѣ, что Онъ выше смерти, Своей волей можетъ *встать надъ ней и этимъ усиліемъ воли ее побѣдить*. Онъ созналъ Себя Богомъ и именно потому, что созналъ, *сталъ Богомъ, потому что Богъ тотъ, кто смѣло сочтетъ себя Богомъ*. И эту Свою вѣру въ Свою Божественность, въ то, что „я“ стоитъ выше всякихъ законовъ, даже выше инстинкта сомоохраненія,—Онъ выразилъ въ рѣшительности умереть. „Христосъ опустился, бросился въ бездну, по словамъ Мережковскаго, въ бездну уничтоженія и *смерти и полетѣлъ надъ бездною, побѣдилъ смерть*“.

Итакъ дѣло Христово то же, съ точки зрѣнія Мережковскаго, что и преступленіе Раскольникова. Раскольниковъ совершилъ убійство, чтобы сознать свою свободу отъ грѣха, равную свободу на зло и добро. Христосъ отдалъ Себя смерти, чтобы, побѣдивъ страхъ смерти, сознать Себя *надъ* смертью. Дѣло Христа сводится къ рѣшимости на самоубійство. Голгоѳская жертва ничѣмъ не отличается отъ того, что вздумалъ сдѣлать Кириллов, когда рѣшился убить себя въ доказательство своей божественности.

Да, Христосъ—тотъ же Кириллов съ своимъ „кри-

комъ", о томъ, что нужно *объявить своеволіе*. „Я начну и кончу и дверь отворю—кричитъ Кирилловъ. И спасу, Своеволіе! Это все, чѣмъ могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою. Если нѣтъ Бога, то я Богъ. Вѣрую, вѣрую!"

Въ эту минуту Кирилловъ, разсуждаетъ Мережковскій, почти на границѣ истины; небо готово открыться и просіять свѣтъ. Кирилловъ почти Богъ, и если не сталъ Богомъ, то потому, что въ послѣднія минуты усумнился въ себѣ, не выдержалъ. Онъ думалъ, что первый вступаетъ на этотъ путь, а между тѣмъ путь этотъ былъ уже нѣкогда пройденъ. Былъ такой Человѣкъ на землѣ, Который, принявъ на Себя эту муку—сознанія величія, сознанія Своей свободы и божественности,—выдержалъ ее до конца и тѣмъ уже на вѣки избавилъ насъ отъ нея. Этотъ человѣкъ Богъ, ибо кто первый изъ людей сказалъ: „я Богъ"—и до конца вынесъ это, тотъ воистину Богъ.

Христосъ, проповѣдующій тенденціи новаго эготизма, новыхъ ученій о власти и силѣ „я"—это, несомнѣнно, что-то новое. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пятымъ евангеліемъ—безспорно, но что оно не имѣетъ ничего общаго съ четырьмя каноническими Евангеліями, тоже безспорно.

Допустимъ на время, что съ Д. С. можно говорить серьезно. Такъ какъ Д. С. постоянно ссылается на Евангелія, то просмотримъ ихъ еще разъ *вмѣстѣ съ нимъ*.

Вотъ прощальная бесѣда Христа съ учениками. Здѣсь десятки разъ на трехъ страницахъ подчеркивается мысль, что дѣло Христа имѣетъ цѣлью именно уничтоженіе искусственно вложенной человѣкомъ въ

свою душу идеи „я“, оторваннаго отъ цѣлаго, „лжи“ извращеннаго обособленія. „Да всѣ будутъ одно, какъ Ты, Отецъ, во Мнѣ и Я въ Тебѣ. Пусть будутъ совершенны во единствѣ“. „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“.

Все сводится къ одной мысли: человѣкъ есть незаконно оторвавшаяся частица цѣлаго и жизнь въ сліяніи, а не отдѣленіи.

И искупленіе Христомъ міра имѣетъ въ Евангеліяхъ только этотъ смыслъ—уничтожить раздѣленіе. Иначе говоря, здѣсь вездѣ мысль та, *что не Кириллов, а Раскольников кающійся идетъ по стопамъ Христа.* Апостолъ Павелъ, котораго г. Мережковскій цитуетъ постоянно, какъ авторитетъ, отмѣчаетъ ту же мысль, что христіанство есть уничтоженіе раздѣленія между людьми черезъ послушаніе Христа. „*Преслушаніемъ* одного всѣ стали смертны и *послушаніемъ* одного всѣ стали живы“. Христосъ сошелъ съ неба для подвига умерщвленія оторвавшейся отъ Бога воли. Онъ принялъ на себя видъ раба, „послушливъ бывъ даже до смерти крестной“. За насъ всѣхъ предалъ Его даже не Самъ Онъ, а Богъ (Отецъ), Онъ поселился среди мытарей и грѣшниковъ, проповѣдуя *покаяніе*. Онъ „*грѣхи наши пригвоздилъ на древѣ*“.

Нашъ Христосъ страдаетъ. Онъ, Богъ всевѣдующій и всемогущій въ своей всезнающей совѣсти, обнялъ все человѣчество, связалъ Себя съ нимъ въ законѣ состраданія. Любя человѣчество до конца, Онъ все это зло, весь грѣхъ міра пережилъ въ Себѣ, какъ Свой грѣхъ, и, изнемогая подъ тяжестью всечеловѣческаго грѣха, Онъ страданіемъ побѣдилъ грѣхъ. Онъ пережилъ чувство виновности за грѣхи человѣчества съ такой страшной силой, что уничтожилъ грѣхъ, начало эгоизма, до

конца и поставилъ на *мѣсто его законъ сострадательноiи любви.*

И такъ какъ въ Его волѣ, въ Его сострадающемъ сознаніи—были объединены всѣ и каждый человѣкъ; то и мы чувствуемъ себя вмѣстѣ съ Нимъ на Голгоѳѣ, въ Немъ переживаемъ то же чувство боли за то, что оторвались, разъединились, стали жить по закону звѣрей, борьбы за себя... и въ чувствѣ этой боли побѣждаемъ себя и принимаемъ новый законъ. Мы жмемся ко Христу, потому что Онъ Богъ съ нами, съ неба Онъ снизошелъ путемъ глубины состраданія, до психологіи грѣшнаго человѣка, и мы путемъ соединенія съ Нимъ искупаемъ и воспринимаемъ Его силы, Его чистоту и *живемъ*. Теперь намъ говорятъ, что Христосъ не есть этотъ всесильный снисходящій до нашей слабости ради отрицанія „я“, грѣховнаго и самообольщеннаго. Нашего Христа намъ подмѣняютъ другимъ, который умеръ только для утвержденія эгоизма, личной воли. Онъ человѣкъ, одинъ изъ великихъ, который смотритъ на насъ слабыхъ сверху внизъ, если не „какъ на дрожащую тварь“, то только потому, что мы слишкомъ малы для Него, такъ малы, что *Онъ и презирать насъ уже не можетъ.*

Оставимъ Мережковскаго съ его Христомъ; если бы не думали, что онъ просто *фиглярствуетъ*, мы бы сказали „спаси его Богъ“.

Нѣтъ, у насъ останется нашъ Христосъ и, вѣруя въ такого Христа, мы вѣруемъ, что путь ко спасенію одинъ: путь Раскольникова кающагося, законъ сліянія—черезъ покаяніе, а не путь Раскольникова убійцы.

И къ вамъ, „бдящіе на стражѣ“, такъ усиленно охраняющіе имя Л. Н. Толстого, Некрасова, Успенскаго отъ всякой клеветы — хотимъ сказать призывающее слово. Если для васъ не интересно, не дорого имя

Христа-Бога—то почему вы не заступитесь за имя, хотя бы Достоевскаго, который, думаю, всѣмъ дорогъ. А онъ конечно уже проповѣдуетъ не *Кириллова*. „Мы всѣ за всѣхъ виноваты". „Каждый за всѣхъ виноватъ", въ этой мысли весь Достоевскій! По мнѣнію Мережковскаго, въ высшей степени усвоилъ свободу Христову Дмитрій Карамазовъ, который не знаетъ покаяннаго унынія, потому что оно въ христіанствѣ смертный грѣхъ.

Онъ хочетъ радоваться даже среди страданій. Мережковскій забылъ маленькую частность: это настроеніе явилось у Дмитрія послѣ того, какъ онъ рѣшилъ, что нужно *отстрадать за дитя*, созналъ, что онъ за страдающее дитя *виновенъ* и рѣшилъ покаяться. Тотъ же крестъ покаянія, отреченія отъ себя во имя Церкви, какъ союза всѣхъ соединенныхъ взаимнымъ отреченіемъ, проповѣдуетъ и *Иванъ Карамазовъ*. Мережковскому кажется, что христіанство есть висѣлица и оторвавшійся отъ закона порабощенія.

Раскольниковъ именно „сорвался", по его словамъ, *съ этой висѣлицы*. А вотъ Ивану Карамазову, *который* проникъ въ глубины добра и зла гораздо глубже, чѣмъ Дмитрій Сергѣевичъ, *котораго* и самъ Мережковскій считаетъ главнымъ выразителемъ святого бунта, кажется наоборотъ, что *покаяніе* въ совершенномъ имъ преступленіи отцеубійства, есть крестъ и подъемъ, а не паденіе, не висѣлица, какой было его прежнее состояніе „сверхчеловѣческой замкнутости въ своемъ личномъ величіи". „Выбираю лучше крестъ, чѣмъ висѣлицу" говоритъ Иванъ —т. е. пойду, *покаюсь*. Думаю, что Иванъ Карамазовъ ближе къ Достоевскому и ко Христу.

Но вѣдь Раскольниковъ и Кирилловъ идеалъ не окончательный---по мнѣнію Мережковскаго. Раскольниковъ до конца достигъ нравственнаго пониманія, но онъ еще не *религіозенъ*, онъ не осмыслилъ своего дѣла идеей царства Божія, которая конецъ цѣли.

Кирилловъ и Раскольниковъ—только начало этого пути—нельзя судить о нихъ, не заглянувъ за ограду того царства, къ которому ведутъ эти пути?!

Конечно, мы пойдемъ, обязаны идти туда, въ самый Новый Іерусалимъ, *пока спрячемъ пальмовыя вѣтви*. Мережковскій характеризуетъ свое будущее царство Христово чертами, напоминающими Церковь.

Въ новомъ царствѣ, говоритъ онъ,—Раскольниковъ, ставшій надъ грѣхомъ, не будетъ смотрѣть на толпу, которая будетъ ниже его, какъ на дрожащую тварь.

Здѣсь будетъ единство и стоящіе вверху будутъ считать себя не выше народа, который будетъ составлять тѣло этого Новаго Іерусалима, Церкви мистической. И здѣсь будутъ жить всѣ въ законѣ свободы.

Здѣсь свобода будетъ соединяться и съ огромною радостью, потому что вездѣ, гдѣ свобода, тамъ и радость. Люди не будутъ бояться грѣха и почувствуютъ себя сынами Божіими. Это *черты христіанской Церкви*. Но здѣсь смущаетъ одна мысль. Вотъ какой репликой встрѣчаетъ насъ Д. С. при дверяхъ его царства. Ошибочно, по Мережковскому думать, что Христосъ проповѣдуетъ какое то равенство всѣхъ.

Въ томъ то и дѣло, пишетъ Мережковскій, что ученіе Христово не есть, какъ думаетъ Л. Толстой и Ницше только упраздненіе всѣхъ старыхъ благородныхъ „аристократическихъ“ цѣнностей, а есть „переоцѣнка этихъ цѣнностей“, неизмѣримо болѣе дерзновенная и окончательная, кажущаяся до нынѣ болѣе „антихристовой“, чѣмъ переоцѣнка „антихристова“ Ницше.

Уничтоживъ полярность въ ученіи Христа, чрезмѣрно усиливъ одинъ изъ двухъ полюсовъ—неземное, мистическое равенство, равноцѣнность на счетъ другого полюса земного и столь же мистическаго *неравенства*, равноцѣнность человѣческихъ личностей, мы тѣмъ самымъ уничтожили всю живую силу ученія Христова, вырѣзали жало у мудрой змѣи, оскопили христіанство. Но равенство, равноцѣнность человѣческихъ личностей въ Богѣ есть только одинъ изъ двухъ полюсовъ ученія Христова; всѣ равны въ Богѣ, потому что всѣ могутъ и должны быть равны, когда нибудь будутъ равны, но пока еще не равны. „Много званныхъ“ — равенство; „мало избранныхъ“—неравенство: мы приняли только часть этого слова, дѣйственнаго, какъ всѣ слова Христа мы приняли, что „много званныхъ“ и рѣшили, что всѣ званные суть избранные, а отсюда ужъ сдѣлали выводъ, будто бы вовсе нѣтъ, да и не надо избранныхъ. И слово Христа оказалось тщетнымъ. Въ царствѣ Божіемъ первые будутъ послѣдними, послѣдніе первыми.

Царство Божіе не изъ равныхъ; здѣсь будутъ жить, съ одной стороны, познавшіе истину до конца, ставшіе по ту сторону добра и зла, затѣмъ не познавшіе этой истины, поклоняющіеся только познавшимъ. Тѣ которые соединили въ себѣ сознаніе двухъ ликовъ Христовыхъ земнаго и свѣтлаго, *будутъ богами, царями,* „divi“ *этого царства.* Счастье другихъ будетъ состоять въ поклоненіи. И жалкая роль дается этой счастливой толпѣ, которую Раскольниковъ, богъ, divus не будетъ считать „дрожащей тварью“. Это роль Ростовыхъ. Слабые, но непрезираемые, по Мережковскому — плебеи „Новаго Іерусалима“ тяготѣютъ къ герою; чувствуя его божественность, отдаютъ себя ему и живутъ радостью служенія „богамъ“ новаго царства Христова. Въ этомъ ихъ счастье—и ихъ дѣло“.

Итакъ вотъ въ какой Іерусалимъ открыты двери, вотъ куда приглашаютъ насъ съ „бѣлыми пальмами“. Идти-ли?

Я не знаю къ чему г. Мережковскій въ данномъ случаѣ удостоиваетъ своихъ читателей повтореніемъ стараго, очень стараго взгляда, рѣзко отвергнутаго *тѣмъ, кто его создалъ*. О царствѣ мудрости говоритъ и Ницше—но еще ранѣе совершенно также идеалъ царства Божія начерталъ *Шигалевъ* („Бѣсы“ Достоевскаго). Правда Мережковскій предусматриваетъ такое обвиненіе и старательно подчеркиваетъ, что онъ не хочетъ шигалевщины. Въ дѣйствительности это тотъ же идеалъ, *несомнѣнно* тотъ же.

„Конечное разрѣшеніе вопроса (объ устройствѣ человѣка на землѣ) это—разсуждаетъ Шигалевъ, раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнутъ родомъ перерожденія первобытной невинности въ родѣ, какъ бы, первобытнаго рая“.

Подробнѣе и острѣе тотъ же взглядъ раскрываетъ „Великій инквизиторъ“. И этотъ („Великій инквизиторъ“) хочетъ создать свое царство, въ которомъ одни будутъ обладать совершенной свободой и совершеннымъ знаніемъ, а другіе будутъ въ подчиненіи у этихъ владѣющихъ совершеннымъ знаніемъ. Первые, божественные и великіе, ставшіе на вершинѣ, обладающіе свободой грѣха и страсти, будутъ страдать за милліоны сознаніемъ этого грѣха и страсти, а тѣ милліоны будутъ счастливы своимъ невѣдѣніемъ и *счастьемъ поклоняться передъ кѣмъ нибудь*. „У насъ всѣ будутъ счастливы, увѣряетъ инквизиторъ Христа и не будутъ бо-

лѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей т. е. Христовой. Когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся, стадо вновь соберется и на этотъ разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы". „О, мы убѣдимъ ихъ не гордиться, докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ мощны, такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ раболѣпно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ они переходить по нашему мановенію, къ веселью и смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской пѣсенкѣ. О, мы разрѣшимъ имъ грѣхъ они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти за то, что мы имъ позволимъ грѣшить; наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя, а они насъ будутъ обожать, какъ благодѣтелей понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи передъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ; мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти, все, все понесутъ они намъ, а мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостью, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго".

И царство Христово у Мережковскаго именно это царство великаго инквизитора. Но тотъ хорошо сознаетъ что его царство есть рабство, что онъ проповѣдуетъ

именно рабство, а не свободу, и въ придачу онъ все же обрекаетъ на страданіе тѣхъ, которые будутъ владычествовать надъ чужими душами ради счастія ихъ. Дмитрій Сергѣевичъ хочетъ дать своимъ владыкамъ и царямъ рядомъ съ радостью обладанія и радость оргійнаго счастья И Д. С. снова подчеркиваетъ, что такое пониманіе царства Божія—есть христіанство.

Я думаю, что въ этомъ царствѣ нѣтъ свободныхъ—здѣсь будутъ рабами не только тѣ, которые подчиняются и поклоняются, но и тѣ, которые повелѣваютъ потому что царство рабовъ можетъ создать только психологія рабовладѣльца, а рабовладѣльцы сами живутъ психологіей рабовъ.

И, конечно, тутъ нѣтъ и слѣдовъ Евангелія II Христу жалки слабые и сильные, но потому то его царство и не похоже на царство Великаго Инквизитора, или Шигалева, или Мережковскаго.

Вотъ черты Іерусалима Христова. „Да еси едино будутъ, якоже Ты Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ“. Человѣчество въ Іерусалимѣ Христовомъ составляетъ единство мысли и чувства. Здѣсь нѣтъ ни господъ, ни рабовъ. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ, которые живутъ по другому своему созданному для нихъ закону.

Царство Христово знаетъ только одного Богочеловѣка Христа, Который стоитъ не надъ Церковью, а живетъ въ Церкви—вмѣстѣ съ нею. А потомъ, сама Церковь, Имъ созданная, есть организмъ *Богочеловѣческій*. Церковь это стихія, атмосфера, все захватывающая—это волна.

Идеалъ царства Божія—Церкви прямая противоположность Шигалевскому идеалу.

Здѣсь сила побѣдоносная, побѣждающая идетъ *изъ организма, изъ общаго духа*... Церковь — тѣ смиренные,

слабосильные мытари, грѣшники и соромники, которые у Мережковскаго, должны цѣловать ноги сильныхъ. Они—эти убогіе—чудотворцы-создатели, апостолы... Изъ искорокъ, какія теплятся въ нихъ вмѣстѣ съ болѣе сильными искрами свѣта *въ сильныхъ* тѣмъ же смиреніемъ и отреченіемъ, создается солнце „церковной правды“.

Изъ *ихъ* христіанскаго настроенія, изъ затаенной среди грязи правды растетъ царство Божіе. Не къ Наполеонамъ и преступающимъ черезъ кровь „богамъ и сверхчеловѣкамъ ведетъ Церковь нашу мысль, а къ Власамъ, кающимся мытарямъ, изъ которыхъ родятся и *Евангелисты*, призывающіе къ покаянію.

Въ царствѣ Христовомъ одно тѣло, въ которомъ каждый христіанинъ есть отдѣльный, тѣсно связанный съ тѣломъ, членъ. Всѣ проникнуты Христомъ и не смотрятъ съ высоты разрѣшенной крови сверху внизъ. Здѣсь есть, пожалуй, высшіе и низшіе, но высшіе живутъ духомъ и силою, наполняющими все церковное тѣло. Они все свое получаютъ отъ того же организма Христова Въ сильныхъ т. е. болѣе, чѣмъ другіе принявшихъ истину христіанскаго духа и любви, проявляется жизнь *только Церкви*. Изъ Церкви они получили эту силу и въ нее возвращаютъ. Они живутъ Богомъ Христомъ, а Христосъ во всѣхъ.

Здѣсь каждый живетъ *по закону* Христову, но въ то же время каждый совершенно свободенъ, потому что этотъ законъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ законъ внутренней его жизни. Человѣкъ, подчиняясь дѣлу любви, осуществляетъ основное требованіе своей души, таинственно, по самой природѣ, по самому своему происхожденію тяготѣющей ко всему человѣчеству, къ жизни для него.

Законъ Христовъ, законъ „царскій“ есть законъ без-

корыстной любви къ ближнему, а гдѣ любовь, тамъ и свобода. Это свобода чистая, совершеннѣйшая, непринужденное всегдашнее „хожденіе“ по волѣ Божіей любви, чуждое всякихъ грѣховныхъ поползновеній эгоистической и страстной жизни. Въ этомъ смыслѣ І. Христосъ сказалъ нѣкоторымъ іудеямъ изъ увѣровавшихъ въ Него: „если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“. (Іоан. VIII, 31—32 и слѣд.). Объ этой свободѣ говоритъ и ап. Петръ: „такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи“. (1 Петр. II, 15 — 19). Въ этомъ же смыслѣ и ап. Павелъ говоритъ, что новый завѣтъ есть завѣтъ не буквы (какъ ветхій), а духа. Буква убиваетъ, подавляетъ и стѣсняетъ, а духъ животворитъ, возбуждаетъ къ широкой и плодотворной дѣятельности, потому что въ сынахъ благодати законъ написанъ не чернилами, а Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, а на плотяныхъ скрижаляхъ сердца. Если сыны израилевы обращаются ко Христу, то Онъ снимаетъ ослѣпленіе съ ума ихъ, изъ состоящихъ въ духовномъ рабствѣ и осужденіи они вступаютъ въ Его царство свѣта и свободы, ибо гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (2 Кор. III, 3—18). „Вышній Іерусалимъ свободенъ: онъ матерь всѣмъ намъ“. Это—царство новаго завѣта (Гал. IV, 22—31). Итакъ,—внушаетъ апостолъ христіанамъ, — стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства. *Къ свободѣ призваны вы, братія: только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти: но любовію служите другъ другу. Ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя*“ (Гал. V, I, 13 — 14). *Плодъ раб-*

ства Богу—святость, а конецъ жизнь вѣчная во Христѣ Іисусѣ (Рим. VI, 22—23). (Борисовскій).

Вотъ свобода Евангелія, по которой живетъ подлинное Христово царство Церкви Христовой, не Наполеонъ, не Раскольниковъ, не Ларра, который ставитъ себя надъ человѣчествомъ, кровь себѣ по совѣсти разрѣшаетъ, даже не Данко [1]), который въ мысли всетаки выдѣляетъ себя изъ человѣчества, а Христосъ, или христіане въ духѣ Христовѣ, которые силою своей любви способны двигать горы, которые отдаютъ человѣчеству душу и тѣло, но совсѣмъ не думаютъ, что это дѣлаютъ они, хорошо чувствуютъ, что они только проявленіе силы духовной, живущей въ тѣлѣ Христовѣ. Это единеніе полное, совершенное единеніе по образу Троицы.

Но оно, по христіанскому воззрѣнію, не есть уничтоженіе личности. Точно такъ же, какъ и лица Троицы не уничтожаются въ Тріединомъ, а живутъ какъ лица, каждый христіанинъ, живущій по закону любви въ единствѣ съ другими людьми въ каждомъ актѣ своей любви не сливаетъ своей личности до безраздѣльнаго сліянія со всѣми, до такого сліянія, какимъ сливается капля съ остальной массой воды. Наоборотъ, въ каждомъ актѣ любви личность повышается, *проявляется въ своемъ единствѣ, растетъ и увеличивается.* Человѣкъ, сливающійся съ церковнымъ обществомъ, съ людьми, не уничтожается въ этомъ обществѣ, а усвояетъ, воспринимаетъ силы тѣхъ, съ которыми соединяется, увеличиваетъ свои силы этими силами и сознаетъ себя какъ личность съ этой наросшей, увеличенной силой, чувствуетъ себя больше и, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ *обособленнѣе, яснѣе сознаетъ свое личное „я“ и личное счастье.*

Этотъ ростъ личности вмѣстѣ съ ростомъ сліянія съ массой есть законъ, засвидѣтельствованный психоло-

[1]) Герой Горькаго.

гіей. И это единство сліянія можетъ побѣдить зло уничтожить себялюбіе. Именно такое пониманіе царства Божія есть, говоря словами Достоевскаго, *русское рѣшеніе вопроса* о устроеніи жизни. Должна быть Церковь какъ организмъ взаимопомощи, взаимоспасенія и отрицанія и вся остальная приложатся.

Мы сказали, что это христіанство Достоевскаго, но правы ли мы? Можетъ быть правѣе Мережковскій, когда говорилъ, что Достоевскій тоже за мораль „господъ и царство избранныхъ". Вотъ справка.. „Власъ, вотъ,— пишетъ Достоевскій, — „носитель русскаго разумѣнія царства Божія. На западѣ для Власа возможно одно изъ двухъ: онъ долженъ или погибнуть, или будетъ признано—что все позволено—а тогда антропофагія". Достоевскій не принимаетъ ни то, ни другое. Наши Власы не гибнутъ, но и кровь по совѣсти не разрѣшаютъ, покаяннымъ подвигомъ они творятъ царство истиннаго Бога, вопреки проповѣдникамъ новаго Христа и новаго царства Христова. Царство Божіе изъ Власовъ, а гдѣ же Власъ?—спрашиваетъ Достоевскій.— Власовъ мы уже видѣли и видимъ у насъ во всѣхъ сословіяхъ,—отвѣчаетъ онъ.—А фантастическаго „будущаго человѣка" мы не видѣли, и самъ онъ обѣщалъ прійти, *перейдя лишь рѣки крови*". (Дневн. 1877 52—54). Такихъ намъ не нужно.

Не есть ли эти слова въ одно время пророческое предвидѣніе и пророческое осужденіе новаго пророка, спекулирующаго именемъ Достоевскаго.

Я знаю, что никто не приметъ такого царства, гдѣ „боги", сильные будутъ царствовать на крови слабыхъ или, еще хуже, на радости рабовъ, цѣлующихъ ноги ихъ.

Но далѣе допускаете ли вы, читатель, такое изображеніе Христа, гдѣ Онъ съ грустной улыбкой презрѣнія

смотритъ на людей, которые, цѣлуя Его ноги, просятъ немного яду, чтобы жить, *и даетъ эту частицу яду*, раздѣляя съ другими такъ же, какъ Онъ сильными, наслажденіе божественной власти? Конечно, нѣтъ:—во второй разъ билетъ на входъ въ Новый Іерусалимъ придется вернуть обратно.

II.

Но какъ бы то ни было, царство Мережковскаго обѣщаетъ радость?

Не трудно уже и изъ предыдущаго предугадать—что и радость „царства Христова", „церкви" Мережковскаго—такая же *мертвая петля*—какъ и его свобода.

Это радость послѣдняго соединенія двухъ чашъ.

Джіованни открылъ книгу посланій апостола Павла и передѣлалъ въ умѣ своемъ слова Писанія такъ: „*не* можете *не* пить изъ чаши Господней и чаши бѣсовской"... („Воскресшіе боги")

Христа не поняли. Не поняли, что язычество, страстная любовь къ землѣ—не отрицаніе, а первая половина христіанства „Христіанство монашеское, безкровное и безплотное, „невоплотимый отвлеченный духъ—не отвѣтило на призывный голосъ пана—не пристало къ великому празднику Новаго Діониса, не переступило за ту послѣднюю черту, гдѣ небо сходится съ землей". А Христосъ Діонисъ зоветъ къ опьяненію и на вечери Сіонской, на этомъ пирѣ Плоти и Крови и на Голгоѳѣ—гдѣ выразилось съ страшной силой то же начало Діониса—начало оргіи смѣлаго, страшнаго прикосновенія къ двумъ чашамъ".

Робкое прикосновеніе къ чашѣ жизни, „срединность" есть грѣхъ... пить изъ этой чаши до конца—откровеніе.

Доведенное до оргійныхъ глубинъ — „злое“ становится благимъ, ликъ звѣря, „антихриста“, котораго по ошибкѣ считаютъ отрицаніемъ Христа, соединяется съ Христовымъ ликомъ—въ одинъ свѣтлый и радостный ликъ Бога вина и радости.

Два теченія—языческое стремленіе къ землѣ и христіанское—отъ земли къ небу — оба истинны на-половину. Ихъ должно довести до степени свѣченія—и они сольются и дадутъ свѣтъ подлинной истины.

Расколотый теперь ликъ Христовъ будетъ возстановленъ.

Двѣ нити вмѣстѣ свиты
Концы обнажены
То „да“ и „нѣтъ“—не свиты—сплетены
Но ждетъ ихъ воскресенье...
Концы соприкоснутся
Проснутся да и нѣтъ
И да и нѣтъ сольются и смерть ихъ будетъ—свѣтъ.

Мы думаемъ, что Мережковскій взялъ на себя неблагодарный трудъ. Соединять радость небесную съ земной пытались много разъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ, обращаясь къ судьбѣ, року одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ „Гергардъ Гримъ“ Геббера: „Ты мнѣ далъ двѣ жизни — и враждою непримиримою ихъ раздѣлилъ, чтобъ я одну изъ нихъ избравъ, всегда лишь *полужизнью* жилъ. Я принимаю твой даръ, но выбирать не стану, нѣтъ! Обѣими заразъ живу отнынѣ! Обѣими заразъ!.. Отъ этой мысли кружится голова!.. Не устою! Я мыслящая плоть, достигну цѣли, и часъ одинъ, не отрываясь, буду я изъ источника природы пить и отдавать себя вліяніямъ *плоти*, чтобы въ часъ другой — душей освобожденной съ такой же смѣлостью стремиться въ высь, въ тотъ свѣтлый, ясный міръ, гдѣ *мысль* царица!. Лишь свод-

ней, человѣкъ, не будь межъ ними, клади какъ острый мечъ межъ ними *волю*".

Гримъ только не желаетъ соединить духъ и плоть въ одно: „Лишь сводней, человѣкъ, не будь межъ ними", —говоритъ онъ.—Мережковскій захотѣлъ быть сводней, соединяющей духъ и плоть, не плоть въ смыслѣ тѣла—*плоть, какъ отложеніе разлагающагося* духа. Едва ли что-нибудь, кромѣ мертворожденнаго недоноска, вышло отъ этого противоестественнаго союза.

Мы оставимъ на время въ сторонѣ мистическія глубины—оправданія оргіазма у Мережковскаго и займемся вопросомъ, можно ли съ христіанской точки зрѣнія искать откровенія въ оргіазмѣ, хотя бы понимая его не въ смыслѣ свободы всякой страсти — какъ Мережковскій—а какъ религіозное опьяненіе.

Въ Его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ и вдохновенья...

Эти слова Ал. Толстого выражаютъ глубокое и истинное пониманіе не только лика Христова, но и сущности христіанства.

Пусть проходитъ вся жизнь въ опьяненьи!
Въ этомъ все· весь вопросъ и начало:
Сбросьте бремя и жизни теченье,
Что гнело, что къ землѣ пригибало!..
Опьяняйтесь, боясь пробужденья!!
Опьяняйтесь, но чѣмъ?.. Опьяняйтесь виномъ,
И мечтами, и сердца влеченьемъ,
Чистотою... ищите во всемъ
И всегда для себя опьяненья!

Это—въ сущности—мораль кажется и Мережковскаго.

Мы *думаемъ*, что не было болѣе грязной „накипи", болѣе дрянной ржавчины, чѣмъ эта новая проповѣдь. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это „жизнь", а не „плесень", „отложенія разлагающагося духа".

Нѣтъ, не *жизнь*—тысячу разъ нѣтъ.

„Человѣкъ—потому и человѣкъ, что въ немъ ярко горитъ *свѣтъ сознанія*, а потому полагать суть жизни, путь познанія въ отравленіи оргіей, опускаться изъ области свѣта въ темноту жизни инстинкта, это значитъ—напередъ отказаться отъ своего человѣческаго *достоинства*. Человѣкъ, котораго считаютъ творцомъ жизни, здѣсь отрекается отъ того,—что дѣлаетъ его вѣнцомъ и украшеніемъ міра Онъ намѣренно отказывается отъ своего разума и отъ воли, которая могла бы перемѣнить, если бы онъ желалъ, все лицо земли, и отдается во власть „ощущеній“. Отдаться опьяненію,—это значитъ быть въ полу-безсознательномъ состояніи. Всѣ формы опьяненія, какія бы они ни были, ничѣмъ по существу не отличаются отъ наслажденія китайца, курящаго опіумъ, или полусумасшедшаго морфиниста, отравляющаго себя систематически. Правда, человѣкъ можетъ жить и находить наслажденіе въ одуряющей атмосферѣ комнаты, наполненной парами гишиша.Но, конечно, это не настоящая жизнь, а „хлыстовское радѣніе“.

Жизнь, христіанская—не болѣзнь, а здоровье.

— Потому-то-по взгляду церкви — и пророчество напр. было напряженіемъ сознанія—высшей степенью его ясности, а не „пьянымъ экстазомъ“.

И потому-то мы смѣемъ думать, что никогда отравленіе не дастъ откровенія. Мы соглашаемся съ Мережковскимъ, что можетъ быть „священная болѣзнь (падучая) даетъ огромную радость и открываетъ какое то небо, но это только то же самое небо, какое открываетъ и гашишъ. А здѣсь мы искать откровенія не будемъ.

Нельзя трапезѣ Господней причащаться и трапезѣ бѣсовской. Что можно *проповѣдывать* добродѣтель рядомъ съ развратомъ—это мы знаемъ.

Бодлеръ, котораго мы уже цитовали, воспѣвалъ „падаль“ и плотскую *любовь къ трупу*—и рядомъ съ этой поэмой, какъ мы видѣли, проповѣдуетъ опьяненіе добродѣтелью и чистотой, состраданіемъ. Онъ слѣдовательно понимаетъ радость добродѣтели.—Нѣтъ не радость, а опьяненіе... Только какую чистоту и добродѣтель можетъ знать Бодлеръ?

Очевидно такого рода, что она по существу спокойно умѣщается рядомъ съ падалью.

Теперь намъ предлагаютъ царство Божіе, любовь, дѣвство — рядомъ съ Вакханаліей съ разрѣшеніемъ *„крови по совѣсти“*.

Это добродѣтель; отъ нея пахнетъ ароматомъ мускуса—(именно мускуса), но мы прислушиваемся и говоримъ: „четвородневенъ и уже разлагается“.

III.

Мережковскій въ своей теоріи соединенія „двухъ ликовъ“ двухъ правдъ—или „безднъ“—по обыкновенію ищетъ опоры у Достоевскаго. Онъ приводитъ цѣлую галлерею типовъ, въ которыхъ—высказалось это раздвоеніе духа, живутъ „двойныя мысли“.

Галлерея—богатая и дѣйствительно выразительная.

Вотъ Раскольниковъ, спустившійся до глубины грѣха, разрѣшившій себѣ кровь по совѣсти. Рядомъ съ дерзновенностью на грѣхъ въ немъ живетъ и ярко выражается другое стремленіе къ *любви*, къ подвигу, къ служенію другому—страстному до конца.

„Въ немъ точно два противоположные характера сходятся“, опредѣляетъ Размунихинъ Ставрогина.“ Онъ самъ заявляетъ, что „находитъ радость наслажденія въ обоихъ полюсахъ, въ крайности грѣха, доведеннаго до

послѣднихъ глубинъ и въ служеніи человѣчеству, хотя бы до голгоѳы, до жертвоприношенія.

Князь Мышкинъ, въ которомъ „двѣ мысли сошлись“ „иступленный“ дѣвственникъ — и глубокій носитель „любви“, который однако всюду приноситъ атмосферу сладострастія и въ себѣ будто-бы затаенно носитъ бурю—страсти и т. д. и т. д.

Вездѣ во всѣхъ этихъ лицахъ видны черты расколотаго на двѣ части Христова образа. Они не умѣютъ ихъ соединить, но несомнѣнно чувствуется возможность этого соединенія. Чувствуется, что, если бы служеніе обоимъ ликамъ каждое изъ этихъ лицъ довело до конца, то на концѣ и было бы ихъ соединеніе... просіялъ Свѣтъ. Нѣкоторые намеки на это соединеніе уже видны—по Мережковскому въ Димитріи Карамазовѣ, который, служа страсти до послѣднихъ глубинъ, сознаетъ, что онъ служитъ Богу.

Онъ опускается въ самыя крайнія бездны грѣха и „кажется, долетитъ до дна пропасти“. И въ этомъ своемъ „темномъ стремленьи“, начинаетъ онъ „гимнъ“ потому что уже видитъ онъ, на самомъ днѣ, какой-то свѣтъ, какъ будто свѣтъ иного противоположнаго неба.—Дѣйствительно-ли противоположнаго?—онъ еще не понимаетъ, но уже предчувствуетъ, что это „небо внизу“ и „небо сверху“—одно и то-же небо; кажущееся ему „идеаломъ Содомскимъ“ есть тотъ-же „идеалъ мадонны“, только иначе созерцаемый, есть то самое новое „цѣлованіе земли“, новый „союзъ человѣка съ землею“, „Великою матерью“, котораго онъ ищетъ:

„Пусть я проклятъ,—восклицаетъ Димитрій, пусть я низокъ и подлъ, но и я цѣлую край той ризы, въ которую облекся Богъ мой; пусть я иду въ то-же самое время за чертомъ, но я все-таки и Твой сынъ, Господи,

и люблю Тебя и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть".

Здѣсь Димитрій около конца. „Это молитва уже христіанская", это цѣлованіе жизни вмѣстѣ съ стремленіемъ къ небу и есть великая тайна... Но и Димитрій еще не дошелъ.

Еще шагъ—и мы будемъ имѣть... Алешу Карамазова; въ немъ это единеніе состоится въ послѣдней своей формѣ. И въ немъ раздвоеніе, и онъ чувствуетъ въ себѣ того же карамазовскаго демона сладострастія, жажду прикоснуться и не отрываясь пить до конца, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ горитъ духъ служенія Христу Богу. Обѣ половины—въ немъ у точки свѣченія. Онъ христіанинъ будущаго. Алеша уже сознаетъ тайну соединенія. Онъ и долженъ быть носителемъ подлиннаго Лика Христова, однимъ изъ великихъ Новаго Іерусалима.

Въ этой галлереѣ подобранныхъ изъ Достоевскаго типовъ Мережковскимъ, дѣйствительно, можетъ заинтересовать одна частность. Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ этихъ лицахъ, которыя онъ выводитъ, не только до крайности чувствуется раздвоеніе въ разныя стороны, въ сторону остраго желанія служить человѣку до страстной жажды Голгоѳы, и въ сторону *„остраго паденія"* въ пропасть и бездну грѣха, но въ то же время чувствуется, что эти крайности дѣйствительно соединены какою-то таинственною связью. Въ данномъ случаѣ Димитрій Сергѣевичъ правъ, только правда-то эта говоритъ до конца за полное непониманіе и типовъ, на которые онъ указалъ, и смысла внутренняго единства въ ихъ раздвоенности.

Въ дѣйствительности никакой *раздвоенности и нѣтъ въ этихъ лицахъ*. Всѣ эти крайности—страстная любовь къ человѣку и любовь половая, ненависть и страшная

жестокость—составляютъ между собою дѣйствительное единство. Это вовсе не идеалъ содома рядомъ съ идеаломъ мадонны. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ проявленія одного и того же содомскаго идеала.

Есть интересныя работы—по вопросу о эволюціи жестокости [1]). Обсуждая вопросъ съ чисто научной эволюціонной точки зрѣнія, эти работы устанавливаютъ мысль, что жестокость — жажда крови, наслажденіе чужимъ страданіемъ не изначальны въ человѣкѣ. Это не есть наслѣдство прошлаго, „остатки звѣря“, а пріобрѣтеніе человѣка „..Гнусный беззаконникъ,—говорю словами Достоевскаго, такъ авторитетнаго для Д. С.,—человѣкъ усиленно старается внести растлѣніе и муки во всю природу (исказить законы природы) раздвинуть всѣ грани и переступить черезъ нихъ своимъ развратомъ и зломъ. Онъ хватаетъ въ природѣ всякое уродство—и бережетъ его, его увеличиваетъ“. (Рѣчь Ивана Карамазова). Онъ вѣками жестокостей, войнъ, пытокъ,—скопилъ въ себѣ острую любовь къ чужому страданію.

И вотъ этотъ инстинктъ жестокости выражается очень разнообразно. Историческимъ путемъ въ результатѣ постояннаго хронологически одновременнаго совпаденія убійствъ и насилій, съ насиліемъ половымъ, произошло сліяніе двухъ инстинктовъ въ такъ называемый садизмъ.

Въ частности — крайняя напряженность такой содомской жестокости совпадаетъ съ оскудѣніемъ *силы физическаго* творчества. И при этомъ, *что самое страшное—именно эти осадки—разлагающаго духа могутъ принять формы, повидимому, совершенно несовмѣстныя съ жестокостью и развратомъ*. Установлено, что состраданіе, жалость, можетъ имѣть тотъ же самый источникъ, какъ

[1]) Напримѣръ, Энгельгардтъ. Эволюція жестокости.

и жажда крови, чужой муки,—есть иногда перерожденіе того инстинкта жестокости Любятъ-же люди трагедіи, а не культурные люди—„пытки инквизиціи“ въ балаганахъ.

Почему? Они на сторонѣ мучителей?

Нѣтъ, они жалѣютъ и наслаждаются этой жалостью, но не ясно-ли, что ихъ ощущенія одного типа съ наслажденіемъ палачей [1]),

Съ этимъ чувствомъ садическаго состраданія жалѣетъ дѣвочку „смѣшной человѣкъ“.

Этой любовью любитъ дѣтей палачъ-отецъ, который выведенъ у Достоевскаго, любитъ ихъ истязать. Онъ мучая дѣтей дѣйствительно — по своему и „самыхъ дѣтей любитъ“, ихъ беззащитность, ихъ тѣло, маленькое, слабое.

Поэтому и „любовь къ ближнему“ до страсти, до того предѣла, когда человѣкъ подставляетъ свою ланиту подъ ударъ, потому что это нравится „до жгучаго чувства“ (Мережк. 2, 166), есть не что иное, какъ та же „прелесть“ садизма. Здѣсь опять только жажда страданія, психопатическое явленіе того же перерожденія жестокости. На страданіе, на смерть для ближняго, такая любовь можетъ заставить идти, но конечно не ради ближняго, а ради ощущенія — страданія. Ничего не созидаетъ такая любовь и не ее проповѣдывалъ Христосъ. Недаромъ эта любовь и жалѣетъ только дальнихъ, а когда жалѣетъ ближнихъ, то не помогаетъ, а гонитъ и топаетъ ногами. (Сонъ смѣш. человѣка).

Это „содомъ“ а не „небо“.

Но отсюда понятно, почему такъ успѣшно объединяетъ крайность Мережковскій.

---

[1]) Это отмѣчаетъ кстати сказать и Достоевскій въ той же рѣчи Ивана.

Соединяя всѣ эти формы проявленія одного психологическаго настроенія, Мережковскій, какъ мы сказали соединяетъ только *содомскій идеалъ съ содомскимъ.* Не двѣ правды, а двѣ лжи — двѣ формы содома; онъ собираетъ отовсюду только продукты разложенія. Особенно ярко выступаетъ это у него въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ онъ пытается охарактеризовать *религіозное соединеніе* съ Богомъ въ Новомъ Іерусалимѣ. Концомъ религіознаго настроенія, верхомъ его, Дмитрій Сергѣевичъ считаетъ, какъ мы мелькомъ упоминали, св. Терезу. Ея религіозность—оргійная религіозность будущаго, страстная и сладостная. Внимательное изслѣдованіе этого религіознаго типа не оставляетъ никакого сомнѣнія, что дѣйствительно эту религіозность можно соединить съ содомомъ, потому что она и есть вполнѣ „содомъ“ по своему существу. Это религіозно-половая психопатія, отъ которой всегда съ ужасомъ уклонялось православіе.

Здѣсь религіозныя образы—есть просто видѣнія полового характера.

Въ концѣ концовъ я полагаю, что тайну того Новаго Іерусалима, который создалъ Дмитрій Сергѣевичъ, можно охарактеризовать однимъ примѣромъ изъ его книги: „Воскресшіе боги“. Кассандра,—бѣлая дьяволица, какъ она называется,—желая проникнуть въ тайны будущаго единенія бездны вверху съ бездной внизу, намазываетъ себя какимъ то наркотическимъ составомъ и въ этомъ состояніи улетаетъ на гору, опускаясь до конца бездны и видя Новый Іерусалимъ и картину Новаго Іерусалима. Дмитрій Сергѣевичъ, дѣйствительно, видитъ то же, что и Кассандра и совершенно тѣми же средствами.

Христіанство, уже не разъ говорили мы, признаетъ раздвоенность въ человѣческой природѣ. Объ этой раздвоенности говоритъ и Ап. Павелъ.

„Соуслаждаюсь закону ума моего—вижду же инъ законъ—противовоюющъ—закону ума моего сущаго во удѣхъ моихъ".

Этотъ законъ двойственности постоянно отмѣчается во всей христіанской литературѣ, но только тамъ не считаютъ возможнымъ примирять непримиримое. Отцы хорошо, какъ я сказалъ, замѣтили возможность соединенія страсти съ религіозными видѣніями, въ родѣ видѣнія св. Терезы; они не разъ отмѣчали, что мнимая духовность экстатиковъ есть только извращенная больная похоть и, вполнѣ понимая возможность соединенія пьяной радости съ мнимымъ богообщеніемъ, отвергали такое соединеніе во имя Христа, спасенія и истинно христіанскаго здоровья. Они не хотятъ примирять одного двойника съ другимъ, примирять то, что невозможно примирить, а борятся за здоровье духа, стремясь уничтожить неистинное и ложное въ человѣкѣ, всякую обольстительную „прелесть".

Эта борьба за духовное здоровье есть—видѣли мы—долгъ каждаго человѣка.

Итакъ, для того, чтобы человѣкъ не забывалъ о борьбѣ, ему и данъ никогда не меркнущій свѣтъ совѣсти. И никто не станетъ искать и желать этого освобожденія отъ совѣсти. Оно возможно лишь посредствомъ самоубійственной атрофіи своихъ духовныхъ силъ.

Совѣсть понятно не умретъ. Она вѣчно жива и это позволяетъ намъ не бояться новыхъ теченій.

„Звѣрь изъ бездны идетъ", восклицаетъ Мережковскій нужно встрѣчать, чтобы „двойника" Христа не счесть за „антихриста". Кажется, нѣтъ опасности бояться этого звѣря. Если бы ожидаемый нами звѣрь изъ бездны—былъ похожъ на одного изъ боговъ „Новаго Іерусалима", то можно бы встрѣтить безбоязненно,

потому что всѣ эти выродившіеся безсильники самымъ безсиліемъ обречены на смерть.

Христіане смогутъ встрѣтить и истиннаго звѣря изъ бездны. Будущее и явленіе звѣря—отчасти открыто намъ.

Вотъ—видѣніе Св. Іоанна Богослова: жена, облеченная въ порфиру и багряницу, украшена золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостью и нечистотою блудодѣйства ея.

„И на челѣ ея написано имя: тайна, тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ.

„Жена сія упоена кровью святыхъ и кровью свидѣтелей Іисусовыхъ, что это за жена и что есть явленіе ея?

„Жена же, которую Ты видѣлъ,—объясняетъ пророку ангелъ, есть великій городъ (звѣрь), царствующій надъ земными царями... и вотъ участь ея: и разорятъ ее и плоть ея снѣдятъ".

Погибнетъ Вавилонъ — городъ звѣря, гдѣ разрѣшается кровь по совѣсти... и прольется чаша его... полная нечистоты. А за нимъ откроется Новый Іерусалимъ, Сіонъ Святой, отъ Бога нисходящій, какъ чистая невѣста сіяющій... Только Д. С. Мережковскому не построить Вавилона, какъ и Іерусалима.

А мы скажемъ: гряди Господи.

Нѣчто о смерти и памяти смертной.

Въ моихъ публичныхъ чтеніяхъ и въ статьяхъ я не разъ боролся противъ мысли, будто христіанство *мертвенно*, убиваетъ всякую жизнь и окутываетъ эту жизнь

темнымъ флеромъ какой-то тупой безнадежности. Но до сихъ поръ мнѣ не пришлось высказаться по одному пункту. А какъ же въ самомъ дѣлѣ относиться къ несомнѣнному въ Церкви факту нѣкотораго религіозно-благоговѣйнаго отношенія *къ смерти?* Конечно, очень неудачно В. В. Розановъ приписываетъ Церкви „культъ смерти“, но все же, правда, что Церковь *много* говоритъ о смерти, часто о ней напоминаетъ, „память смертную“ считаетъ необходимой для христіанина. Какъ смотрѣть на это? Не отражается ли въ самомъ дѣлѣ это памятованіе смерти убивающимъ образомъ на дѣятельности человѣка? Въ послѣднее время этотъ вопросъ—„злоба дня“. Даже г. Тернавцевъ, сторона „правая“, въ противоположность „лѣвой“, представляемой Розановымъ, Мережковскимъ, въ докладѣ „Церковь и интеллигенція“ усиленно подчеркиваетъ, какъ уже отчасти нами отмѣчалось, мысль, что, постоянно выдвигая впередъ загробный идеалъ, Церковь тѣмъ самымъ стушевываетъ дѣятельный христіанскій идеалъ и уничтожаетъ самую христіанскую жизнь. У „лѣвой“ эта мысль, понятно, выражается ярче и острѣе.

Розановъ, въ спеціальномъ рефератѣ „о памяти смертной“—какъ основномъ мотивѣ Церкви, утверждаетъ, будто интеллигенція именно тѣмъ и отличается отъ Церкви, что интеллигенція проповѣдуетъ жизнь, а Церковь смерть—одну смерть; отречься отъ „догмата смерти“ и значитъ „выпорхнуть“ (?) изъ Церкви и перейти въ интеллигенцію. „Церковь благословляетъ только похороны, а потому совсѣмъ не интересуется жизнью земною, преобразованіемъ и ростомъ этой земной жизни. Церковь умерла и поклоняется только смерти“. А Мережковскій въ туманныхъ фразахъ проповѣдуетъ *„вѣчную жизнь на землѣ“*. Идея смерти и потусторонней жизни, воскресенія, это пыль, которой христіанство

застилаетъ глаза людей и мѣшаетъ имъ жить здѣсь „на землѣ“. Вотъ общая „идея“ цѣлаго религіознаго движенія, которое мы назвали неохристіанствомъ. Я отвѣчу на это обвиненіе, развивающее ранѣе разобранную нами мысль о пассивности христіанства, коротенькимъ анализомъ мыслей одного писателя, котораго называютъ поэтомъ смерти. Разумѣемъ Метерлинка. „Достаточно, говоритъ онъ, двухъ маленькихъ идеаловъ, чтобы совершенно уничтожить всякаго рода дѣятельность. Пусть, продолжаетъ онъ далѣе, несомнѣнно, что идея смерти заключаетъ въ себѣ большую правду, но въ *тѣни великихъ истинъ не слѣдуетъ засыпать* Положимъ, мы знаемъ, что наша жизнь, собственно, ничтожество, что все кончается, все прекращаетъ смерть, пусть и наша планета недостойна своего существованія, и все-таки она для насъ все. Нужно, чтобы истины находились въ подчиненіи одна другой, и великія истины давали свободу жить маленькимъ, положимъ, невѣрнымъ мыслямъ, которыя болѣе приносятъ надежды“. („Погребенный храмъ“).

Какъ видите—у Метерлинка та же мысль, что и у нашихъ оппонентовъ. Мы пойдемъ, однако, за Метерлинкомъ далѣе.

Идея смерти—мертвящая идея—хорошо. Спрашивается, можетъ ли какой-нибудь человѣкъ уйти отъ мысли о смерти. Нѣтъ. У самаго Метерлинка мы найдемъ рѣзкій и категорическій отвѣтъ „нѣтъ“. Во всѣхъ его пьесахъ смерть постоянно фигурируетъ, какъ главное дѣйствующее лицо; всегда чувствуется ея вѣяніе. Всѣ люди, хотя бы далекіе отъ всякой мысли о загробномъ идеалѣ, живутъ только мыслью о смерти, „люди—это маленькія созданьица (его собственныя слова), слабенькія, которыя всегда чувствуютъ, что они на краю гроба“. Конечно, и въ дѣйствительной жизни чело-

вѣкъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли о смерти. Но тогда какой смыслъ въ намѣренныхъ стараніяхъ оттолкнуть идею смерти. Это и искусственно и безплодно: это значитъ въ виду опасности закрывать лице руками. „Нужно давать побѣду идеямъ, какія больше приносятъ надежды“. Правда, но такая то идея и есть идея побѣжденной смерти, какую даетъ христіанство.

Христіанство не старается искусственной завѣсой спрятать отъ человѣка мысль о смерти, наоборотъ, велитъ хранить память смертную. Только это напоминаніе совсѣмъ не способно убивать жизнь: вѣдь христіанство тутъ же напоминаетъ, что за смертью есть опять жизнь“ потустороннее продолженіе жизни.

Очень много думаетъ о смерти Лиза Калитина (Дворянское гнѣздо). Помните бесѣду Лизы съ Лаврецкимъ о религіи. Лаврецкій говорилъ ей о значеніи религіи въ исторіи, о значеніи христіанства. Лизѣ не все понравилось въ его рѣчи. „Христіаниномъ нужно быть,— заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза,—не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того *что каждый человѣкъ долженъ умереть*“. Вотъ гдѣ заповѣдь „памяти смертной“ стала основой жизни. Что же? Стало ли отъ этого христіанство Лизы мертвымъ, самозамкнутымъ и, слѣдовательно, эгоистическимъ христіанствомъ? Нѣтъ! Считая земную жизнь началомъ вѣчности, Лиза, *конечно, любитъ и ее, какъ даръ и подвигъ святой и прекрасный*. Сущность ея души прекрасно выражена музыкой Лемма—въ одной изъ главъ того же „Дворянскаго гнѣзда“.

Въ душѣ Лизы властно и сильно раздаются неземные аккорды религіозныхъ настроеній. Какъ музыка Лемма, эти настроенія проникали во все, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, свѣтлаго. Эти аккорды дышали без-

смертною красотою и уходили умирать въ небеса. Но рядомъ съ ними звучали *иные дополнительные звуки.* И они не были диссонансомъ рядомъ съ тѣми небесными звуками. *Наоборотъ, вмѣстѣ съ ними они составляли сильную пѣснь святому Богу.* Эти звуки говорили про любовь, про чистую радость общенія съ живою душою человѣческою, говорили о красотѣ земли, о счастіи этой земной жизни, дарованной Богомъ, о счастіи *жить вмѣстѣ съ Богомъ и людьми для людей.*

„Земное счастіе, любовь, служба другому всей душей и сердцемъ—это и есть вѣчная жизнь на землѣ; это обязательный долгъ человѣка", думала Лиза.

Лиза часто говоритъ и думаетъ о *смерти.* Да, но это не говоритъ о томъ, будто она не хочетъ жизни, торопится на „ту сторону". Нѣтъ! Въ устахъ Лизы думать о смерти значитъ только смотрѣть на жизнь *сверху, съ высоты идеала, высшихъ задачъ жизни.* Это значитъ выдвигать въ жизни на первый планъ то, что особенно цѣнно въ ней, цѣнить въ этой жизни то, что не умираетъ съ завтрашнимъ днемъ, что *увеличиваетъ самую душу, что дѣлаетъ ее больше,* достойнѣе вѣчности. А слѣдовательно, это значитъ искать *не смерти, а жизни, дѣлать ее богаче и шире* [1]).

„Христіаниномъ нужно быть для того, что каждый долженъ умереть". Какъ видите, эта идея, даже выраженная такъ ультра-опредѣленно, далеко не убила жизни. И такъ должно быть. Христіанство утверждаетъ, что за тридцатью годами этой жизни вѣчность. Но развѣ оно перепрыгиваетъ чрезъ эти тридцать лѣтъ жизни? *Нѣтъ.* Оно учитъ, что и эти тридцать лѣтъ

---

[1]) Изъ статьи о. Михаила „Лиза Калитина, какъ выразительница русскаго религіознаго міросозерцанія". Подробнѣе въ книгѣ: „Въ поискахъ лика Христова".

равны вѣчности, они готовятъ къ вѣчности. Только жившій воскресаетъ. Только тотъ, кто здѣсь собралъ сѣмена жизни, не убилъ оргіей и погоней за своимъ счастьемъ способности любить, тамъ будетъ жить, потому что и будущая жизнь понимается, какъ ростъ, возрожденіе этого сѣмени любви. „Живите здѣсь, радуясь- всегда радуйтесь“,—это христіанская заповѣдь. Здѣсь нужно научиться радоваться, а радоваться—это значитъ имѣть любовь. Срывайте красные цвѣты зла—они и здѣсь для васъ обратятся въ голубые цвѣтки счастья, и тогда вы воскреснете. И не полубогамъ только, познавшимъ истину, Церковь обѣщаетъ воскресеніе, какъ Мережковскій. У Мережковскаго, напр., проповѣдующаго также *вѣчную жизнь, но на землѣ*, этой вѣчной жизни, т. е. собственно, напряженнаго-сверхъчеловѣческаго счастья достойны только познавшіе, проникшіе до глубины двухъ безднъ. Но нужно ли имъ воскресенье? А Соня Мармеладова? Вѣдь „великимъ и сильнымъ“—„богамъ“ (divi) Мережковскаго можно прожить и безъ этой будущей жизни; они счастливы сознаніемъ своего прозрѣнія въ *тайны „Новаго Іерусалима“*.

А Соня только и живетъ надеждой на будущую жизнь. Когда,—разсказываетъ Достоевскій—она сказала Раскольникову, что Богъ не допуститъ сестренку ея быть такою, какъ она, тотъ съ злой усмѣшкой отвѣтилъ: „а если Бога нѣтъ?..“ *Соня вся какъ-то опустилась и испуганно вздрогнула.* Почему? Конечно, потому, что для нея вся надежда, вся жизнь въ справедливости, „оправданіи“ по ту сторону воскресенія. Отнимите у ней эту истину будущей жизни и воскресенія, и ей нечѣмъ будетъ жить, она откажется отъ жизни и покинетъ людей и Бога. И я увѣренъ, что жизнь не только для Сони, но и для всякаго человѣка совершенно невоз-

можна была бы, еслибы у него не было просвѣта въ видѣ христіанской идеи воскресенія. Именно тогда мысль о смерти была бы главнымъ агентомъ жизни, тогда люди, дѣйствительно, никакими усиліями и искусствомъ не могли бы отрѣшиться отъ мысли Метерлинка, что смерть здѣсь около нихъ, что она присутствуетъ, что она близка, что она идетъ. Эта мысль должна бы подавлять всякіе порывы къ дѣятельности, совершенно убивать всякія попытки къ работѣ при отсутствіи надежды на будущее примиреніе всѣхъ—жизнь невозможна была бы потому, что не было бы смысла въ дѣятельности. Эту дѣятельность убивали бы тѣни не примиренныхъ прошедшихъ страданій и мысль о томъ, что на землѣ истинна только настоящая минута и, слѣдовательно, нужно брать изъ нее все: завтра бо умремъ. Если нѣтъ безсмертія—то или антропофагія или самоубійство. Знамъ я—разсказываетъ Лука въ пьесѣ „На днѣ“, одного человѣка, который въ праведную землю вѣрилъ. Должна, говорилъ, быть на свѣтѣ праведная земля. И вотъ человѣкъ все собирался идти.. праведную эту землю искать. Трудно ему, хоть ложись, да помирай—онъ все бывало, усмѣхался только да высказывалъ: ничего! потерплю! Уйду въ праведную землю... Одна у него радость была—земля эта...

И вотъ въ это мѣсто—въ Сибири дѣло-то было,—прислали ссыльнаго, ученаго... Человѣкъ и говоритъ ученому: покажи ты мнѣ, сдѣлай милость, гдѣ лежитъ праведная земля. Сейчасъ это ученый книги раскрылъ, планы разложилъ... глядѣлъ глядѣлъ—нѣтъ нигдѣ праведной земли. Человѣкъ не вѣритъ... должна, говоритъ, быть! А то, говоритъ, книги и планы твои ни къ чему, если праведной земли нѣтъ.

А потомъ—когда повѣрилъ, пошелъ—и удавился.

И онъ правъ: если нѣтъ праведной земли, жить не-

зачѣмъ. Борьба поддерживается только надеждой на побѣду, а какая побѣда возможна, если *все здѣсь на землѣ*?

Только христіанство, утвердивши истину воскресенія и жизни по смерти—дало дѣйствительную увѣренность въ существованіи „праведной земли“—а слѣдовательно—спасло отъ „страха смерти“ и жизненнаго отчаянія.

Потому не темнымъ флеромъ окутываетъ жизнь Церковь, напоминая о воскресеніи, а, наоборотъ, освѣщаетъ жизнь радостнымъ свѣтомъ надежды. Въ христіанствѣ жизнь становится радостной и смерть свѣтлой, потому что тутъ въ сущности отрицается смерть—нѣтъ смерти.

Вотъ чудная сцена изъ пьесы Метерлинка „Аріана“ („Синяя борода“). Аріана освѣщаетъ тьму, гдѣ гибли несчастныя робкія души. Отворивъ запоры ставенъ и найдя тамъ стекло, выходящее невѣдомо куда—не смущаясь криками страха—она хватаетъ камень и восклицаетъ: вотъ ключъ къ вашей зарѣ! Она съ силой ударяетъ въ мутное стекло, оно разбивается,—и широкая, ослѣпительная звѣзда загорается во мракѣ. Женщины испускаютъ почти восторженный крикъ ужаса. Аріана, не владѣя больше собою, вся залитая свѣтомъ, все болѣе и болѣе нестерпимымъ, бьетъ въ стекло сильными и частыми ударами въ какомъ-то торжествующемъ безуміи. „И это! и вотъ это еще!.. и маленькое, и большое, и послѣднее! Все окно разсыпалось, и пламя обливаетъ мои руки, мои волосы! я ничего не вижу, я не могу открыть глазъ! Не приближайтесь пока; лучи точно пьяны! Я не могу выпрямиться, я вижу даже съ закрытыми глазами длинные алмазы, которые бьютъ въ мои вѣки. Не знаю, что падаетъ на меня, море или небо, вѣтеръ или сіяніе. Я покрыта чудесами. Я словно слышу свѣтъ, тысячи лучей врываются въ мои уши. Куда мнѣ спрятать глаза? Мои руки не даютъ больше

тѣни, вѣки меня ослѣпляютъ, я покрываю ихъ руками и руки сами обратились въ свѣтъ.

Смотрите, дверь открыта, голубая даль манитъ! Луна и звѣзды освѣщаютъ всѣ дороги; заря склонилась на лазурномъ сводѣ, что бы показать намъ цѣлый міръ, наводненный надеждою".

Окно Аріаны—просвѣтъ туда, по ту сторону жизни, въ Небесный Іерусалимъ Христовъ — въ праведную землю. Этотъ яркій блистающій свѣтъ—свѣтъ отъ лика Христа Воскресшаго. Христосъ зоветъ къ Себѣ—„братья, не живите, какъ звѣри". И сквозь просвѣтъ этого окна въ вѣчность мы видимъ этотъ ликъ Христовъ радостный, но, конечно, не опьяняющей радостью Діониса, полной не вдохновеніемъ—„въ Его смиренномъ выраженьи восторга нѣтъ и вдохновенья"—а глубокимъ спокойнымъ свѣтомъ Вѣчнаго Его Божества.

Болѣзнь или здоровье.

I.

Маленькая темная комната. Сѣрая и тусклая. Одно или два крошечныхъ окна. Сквозь эти окна свѣтъ чуть-чуть видѣнъ. Да и снаружи мало свѣта. Тамъ сѣренькій, грязный петербургскій осенній день. Дождь идетъ и мелкими каплями стучитъ въ крышу. Тоскливо, скучно. А въ комнатѣ еще скучнѣе. Люди, унылые и тусклые, какъ и эта комната, и этотъ петербургскій день, подсчитываютъ длинныя, длинныя приходо-расходныя книги. А рядомъ на столахъ, темный переплетъ такихъ же книгъ. И тоскливо всматриваются жильцы комнаты въ темныя окна, какъ будто надѣются, что лучъ солнца заглянетъ къ нимъ. Но нѣтъ,—тамъ темно, и нѣтъ надежды, что посвѣтлѣетъ. И на лицѣ жильцовъ та же безнадежность. Видно, что они давно потеряли надежду выбраться изъ этихъ четырехъ стѣнъ, которыя давятъ ихъ, какъ давитъ и свинцовое, тяжелое небо. А понемногу и совсѣмъ надвигается тьма,—ночь темная, беззвѣздная и безнадежная, ночь въ душѣ, смерть...

Такъ изображается *жизнь* въ современной беллетристикѣ. И въ самомъ дѣлѣ, жизнь очень часто похожа на эту сѣрую комнату.

Тускло и сѣро живется. Исчезли изъ міра цвѣта и

краски. Маленькіе люди, маленькія добродѣтели... Душно. Жить нечѣмъ. И люди начинаютъ сознавать это. Слышится тоскливый призывъ пророковъ, которые могли бы разогнать туманную мглу и снова вызвать солнце на небо. Ищущіе находятъ. Явились и пророки. Но свѣтъ той проповѣди, которую они предложили людямъ, непохожъ на разсвѣтъ утренней зари, а скорѣе напоминаетъ отблескъ того свѣта, которымъ сверкалъ Денница, падшій ангелъ Божій,—свѣта, прошедшаго черезъ запыленное и грязное стекло, измельчавшей, искалѣченной *маленькой души*.

Для того, чтобы жизнь была богаче и шире,—говорятъ,—люди должны перестать быть рабами совѣсти, долга, обыденной скучной морали... „Зачѣмъ вѣчно твердить „подвигъ“, „добродѣтель“, „идея“? Отчего не провозгласить слово „жизнь“ во всемъ его объемѣ“?.. (Свѣтловъ. „Гибель кумировъ“). Для человѣка важнѣе быть воспріимчивымъ къ цвѣтамъ и краскамъ, чѣмъ имѣть понятіе о правѣ и безправіи.

Пусть живетъ „ощущеніе“! Вамъ нужны сильныя ощущенія больше всего. Да будетъ свобода страсти!

Въ ощущеніи все. Единственно, чѣмъ можно бы поддерживать жизнь и спасаться отъ тоски жизни, это—увеличивать количество ощущеній изобрѣтать новыя наслажденія и передѣлывать, дѣлать болѣе острыми тѣ наслажденія, которыя уже есть.

Французскій поэтъ Бодлеръ говоритъ, что весь смыслъ жизни только въ опьяненіи себя всѣмъ, что есть на свѣтѣ остраго и трогающаго нервы. Опьяняйте себя пишетъ онъ,—

Опьяняйтесь, боясь пробужденья!!
Опьяняйтесь, но чѣмъ?.. Опьяняйтесь виномъ!
И мечтами, и сердца влеченьемъ
Чистотою... Ищите во всемъ
И всегда для себя опьяненья!

Вотъ новая мораль.

Мы думаемъ, что не было болѣе грязной „накипи“, дряной ржавчины, чѣмъ эта новая. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это „жизнь“.

Нѣтъ, не *жизнь*—тысячу разъ нѣтъ. Возможно, конечно, что опьяненіе даетъ что-то похожее на осмысленую жизнь, дѣйствительно спасаетъ отъ скуки жизни. Человѣкъ не замѣчаетъ, какъ проходитъ жизнь, потому что все время отуманенъ, отравленъ наркозомъ страсти, отравой сильноподнимающаго наслажденія. Но достойно-ли человѣка искать спасенія отъ тоски жизни такимъ путемъ?

Нѣтъ, это не настоящая жизнь. Въ дѣйствительности человѣкъ созданъ для того, чтобы дышать чистымъ воздухомъ горныхъ вершинъ. Не бѣгать отъ жизни долженъ человѣкъ, забывая о самомъ существованіи жизни въ опьяненіи страстью, а развивать свои силы борьбою за жизнь и въ этой борьбѣ находить весь смыслъ.

Вмѣшаться „въ гущу жизну“ и отдаться ей, — не ощущеніями, а дѣлу развитія жизни, обогащенія ея упорнымъ трудомъ, работой, молитвой — вотъ жизнь. А опьяненіе никогда не можетъ дать даже и наслажденія, т. е. хотя бы эгоистическаго *счастья*. Это не только суррогатъ счастья, но вмѣстѣ съ тѣмъ и средство, дѣйствующее только временно и невѣрно. Есть картина одного французскаго художника „Люди и страсти“. Юная женщина, почти обнаженная, идетъ передъ бурно стремящейся въ головокружительномъ вихрѣ толпой. Демонъ потрясаетъ факеломъ, и дымъ этого факела стелется надъ несчастными, ослѣпленными людьми.. Нѣкоторые даже опередили чудовище которое равнодушно давитъ своей ногою истерзанныя тѣла слѣпцовъ... Одна старая мегера дерется съ мо-

лодымъ человѣкомъ изъ-за мѣшка съ золотомъ, а старый скряга ждетъ момента—выхватить этотъ мѣшокъ .. Дикія, озлобленныя, искаженныя страстью лица... И всѣ мчатся по откосу,—не замѣчая, что сейчасъ вотъ всѣ оборвутся въ пропасть, что „демонъ страсти"—эта красивая женщина — блуждающій огонекъ надъ пучиной зла и страданія.

Пока люди, всѣ, которые здѣсь на картинѣ, гонятся за мечтой, называемой наслажденьемъ, они можетъ быть и счастливы, но во-первыхъ, *можно-ли желать этого счастья, которое дѣлаетъ ихъ звѣрьми*, даже уже во внѣшнемъ обликѣ ихъ? „Разумно-ли здравому искать болѣзни?"—пишетъ одинъ св. отецъ. А потомъ, вѣдь, за опьяненіемъ обязательно слѣдуетъ отрезвленіе, и это отрезвленіе всегда и мучительно и страшно. Если это отрезвленіе послѣ короткой и недолгой бури опьяненія, то человѣкъ проклянетъ прошлое, которое, можетъ быть у него навсегда отняло возможность настоящей здоровой жизни.

Если человѣкъ просыпается послѣ долгой жизни въ этомъ наркозѣ и атмосферѣ, отравленной гашишемъ, то тогда онъ проснется только для самоубійства. Наслажденіе перестанетъ имѣть для него смыслъ, потому что утомить его нервы, а ни для чего другого эти нервы не будутъ годны, и онъ будетъ чувствовать себя истлѣвшимъ и заживо похороненнымъ, будетъ чувствовать себя негоднымъ для жизни, но не будетъ имѣть силы даже прекратить эту жизнь.

Путь жизни лежитъ не здѣсь. На этой же самой картинѣ есть одна фигура Стройный, молодой человѣкъ идетъ по узенькой тропинкѣ чрезъ терніи и камни вверхъ на вершину горы. И тамъ, конечно, тамъ настоящая жизнь, тамъ чистый воздухъ и бодрое счастье. Развитіе силъ, здоровая работа, неустанное умерщвленіе

при помощи Божіей элементовъ зла — въ душѣ дастъ постоянное счастье, создастъ „живую жизнь“. Эта жизнь будетъ полной и сильной—сначала потому, что это жизнь, *проходящая въ борьбѣ*, а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ горы, это наслажденіе борьбы замѣнится настоящимъ экстазомъ *побѣды* надъ зломъ *жизни*. Въ здоровомъ развитіи себя, моральномъ усовершенствованіи, увеличеніи внутренней мощи духа, человѣкъ окраситъ яркимъ свѣтомъ все окружающее, обратитъ жизнь въ оазисъ счастья, и это счастье будетъ не уменьшаться, а увеличиваться, *потому что самъ человѣкъ будетъ идти не въ ту сторону сумасшествія или полнаго умерщвленія нервной силы и воли, а въ сторону роста.*

Въ романѣ Бальзака „Шагреневая кожа“ одному человѣку дается кусокъ кожи, который сокращается отъ всякаго его желанія, и когда этотъ кусокъ уменьшается до minimum'а, онъ прекращаетъ жизнь.

Герой Бальзака весь отдалъ себя страсти и наслажденію. И, конечно, скоро, очень скоро, былъ уничтоженъ его маленькій кусокъ жизни, да и счастья настоящаго не было. А тогда, когда человѣкъ идетъ къ счастью посредствомъ расширенія жизни, развитія своихъ силъ, то кусочекъ шагреневой кожи не сжимается, а становится больше. И чѣмъ дальше, тѣмъ радужнѣе и свѣтлѣе становится жизнь.

„Путь ко Христу, за Его идеаломъ, есть „животъ вѣчный“, но это *здоровье*, а не болѣзнь.

Высоко въ поднебесьѣ, на вершинѣ высокой горы, стоитъ путникъ... Онъ дошелъ... Онъ измученъ долгой борьбой съ собою, съ жизнью... Ноги его разбиты и въ крови. Но теперь онъ наверху. Онъ чувствуетъ у себя крылья... И его охватываетъ такой восторгъ, какому

нѣтъ имени на человѣческомъ языкѣ („Побѣда“, пьеса Трахтенберга).

Это—побѣда... Это не опьяненіе, а сильное ощущеніе выросшаго въ борьбѣ, побѣдоноснаго здоровья...

Однако, пока довольно... На эту тему мы будемъ еще говорить и въ будущей бесѣдѣ...

II.

Мѣщане Горькаго сдѣлали моднымъ словомъ „мѣщанство“. И въ самомъ дѣлѣ, давно пора было заговорить о нашихъ русскихъ формахъ мѣщанства.

Мы, русскіе, по своей природѣ—не мѣщане. Извѣстно, что заставило знаменитаго Герцена осудить Западъ и вернуться на „родину“, къ своему берегу. Западъ ему казался олицетвореніемъ буржуазности; „мѣщанство“, это — „мене текелъ“ западной культуры, ея осужденіе и проклятіе. Онъ (Западъ) самодовольно ограниченъ, эгоистически свободенъ отъ всякаго стремленія „въ невѣдомую даль, къ великому святому идеалу“, къ подвигу, жертвѣ, отреченію. На Руси, думалось Герцену, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, этого самодовольнаго омертвенія и онъ... *вернулся.*

Конечно, Герценъ былъ правъ: мы не бѣдны идеалами, и, по крайней мѣрѣ, наши интеллигентные верхи и молодежь не больны мѣщанствомъ этого типа. Но у всякой медали есть своя оборотная сторона. Если мы не больны мѣщанствомъ западнаго типа, то для хода жизни, пожалуй, еще опаснѣе другая болѣзнь—русская *боязнь мѣщанства.*

Мнѣ часто вспоминаются слова Метерлинка: „Достаточно“—говоритъ онъ,—„двухъ маленькихъ идеаловъ, чтобы убить всякую дѣятельность“. Въ этомъ парадоксѣ

ложномъ по существу—есть оттѣнокъ правды, особенно понятный русскому человѣку. Русскіе особенно склонны „засыпать въ тѣни великихъ истинъ“ и „большихъ идеаловъ“. „Или все, или ничего“...

Маленькія дѣла—„мѣщанство“. Помните рѣчь Токарева въ повѣсти Вересаева „На поворотѣ“...

„Бываютъ времена, когда дѣла улитокъ и муравьевъ не могутъ быть оправданы ничѣмъ“,—говоритъ Сергѣй. Отвѣтомъ на его мысль и была рѣчь Токарева.

„Наша прямолинейность, наша ненависть къ компромиссамъ,—говоритъ онъ,—тяжелымъ проклятіемъ лежитъ на всей исторіи нашей интеллигенціи. Это спеціально русская черта, совершенно непонятная европейцу.

„Лежитъ куча кирпичей. Европеецъ беретъ изъ нея столько, сколько въ силахъ поднять, и спокойно несетъ къ мѣсту постройки. Русскій слѣдитъ за нимъ съ презрительной усмѣшкой: смотрите, какой филистеръ несетъ всего дюжину кирпичей. Подходитъ русскій богатырь и взваливаетъ себѣ на плечи всю кучу. Онъ еле идетъ, ноги его подгибаются и онъ, наконецъ, падаетъ,—надорвавшійся, на смерть задавленный нечеловѣческой тяжестью. Подходитъ другой, пробуетъ поднять ношу и конечно опять-таки всю цѣликомъ. Но у него не хватаетъ силъ. Что дѣлать? Онъ въ отчаяніи стоитъ надъ цѣлой грудой: онъ не работникъ,—онъ лишній человѣкъ и пускаетъ себѣ въ лобъ пулю“.

Едва ли слѣдуетъ съ какими бы то ни было цѣлями проповѣдывать *компромиссы*. Трудно совѣтовать точно на вѣсахъ вымѣривать свою силу и потомъ брать ровно столько кирпичей, сколько подъ силу. И въ то же время чувствуется, что Токаревъ въ чемъ то правъ. Онъ констатируетъ „безсиліе и безплодность нашихъ порывовъ“. Въ самомъ дѣлѣ,—крупныя, повидимому силы не гибнутъ, а просто *блекнутъ*, отцвѣтаютъ.

Вотъ симпатичнѣйшая Варвара Васильевна (тамъ же, у Вересаева: „На поворотѣ"),—самоотверженная, готовая отдать себя всю службѣ, святой работѣ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ работы и въ ней *нѣтъ силы жить* Она не жалѣетъ тѣхъ, кто такъ въ ней нуждался, и уходитъ отъ жизни. „Во мнѣ,—говоритъ она,—все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева: все какъ-будто цѣло, а между тѣмъ нѣтъ жизни... духъ отлетаетъ.. Я не люблю людей". „Любовь наша холодная",—добавляетъ Токаревъ...

Токаревъ видитъ причину холодности въ брезгливости къ „западному мѣщанству". Такъ оно и есть, только самая эта брезгливость имѣетъ свои причины: мы служимъ, точнѣе собираемся служить, идеямъ—буквѣ, *а не людямъ*. Любовь наша холодная потому, что мы связываемъ свое дѣло всегда не съ людьми, а съ теоріей, переносимъ цѣль—отъ людей въ даль. Идеалы нашихъ „не мѣщанъ"... — въ Москвѣ. „Въ Москву... Москву"... стонутъ „три сестры" у Чехова и ихъ вопль—общій крикъ „вѣка". Цѣль — далеко за горизонтомъ. Всѣ хотятъ только „великихъ дѣлъ", поднять самую большую кучу кирпичей. При этомъ совсѣмъ забываютъ, что цѣль не „довлѣетъ себѣ", что „цѣль самой цѣли"—люди, ближніе: грандіозная перспектива отвлеченнаго идеала заслоняетъ ближнихъ, сосѣднее горе; ихъ не замѣчаютъ, потому что они слишкомъ малы,—мелочь, рядомъ съ необъятностью великаго и невозможнаго.

Такой строй мысли и создаетъ новое мѣщанство. Люди хорошіе служатъ, борятся, отдаютъ жизнь и руки, но они скоро устаютъ: служба иксу, отвлеченности, для которой наличные люди—только начало безконечности, не даетъ счастья, давитъ своей неосмысленностью. Нуженъ опредѣленный навыкъ любви къ живому чело-

вѣку, способность ощущать не общечеловѣческое, а сосѣднее горе, но этой любви нѣтъ: и литература, и ходъ культуры проповѣдуютъ только любовь къ дальнимъ, къ формуламъ, буквѣ.

И Варвара Васильевна гибнетъ...

Люди которые слабѣе, гибнутъ еще ранѣе, до начала пути. Вотъ Наташа изъ „Волшебной сказки“ Потапенко. Ей снятся волшебныя сны, радужная свѣтлая жизнь... Она понимаетъ только яркую жизнь и... бездѣйствуетъ, брезгливо пользуясь тѣмъ, чтобы сдѣлать жизнь свою или другихъ окрашеннѣе: все равно, дескать, „Волшебной сказки“ —не создать. Или Татьяна изъ „Мѣщанъ“. Она сознаетъ, что закорузлое мѣщанство ея отца, его эгоистическое крохоборство—не жизнь, но что же она поставитъ на мѣсто этого мѣщанства? Она учитъ дѣтей, но несетъ эту работу, какъ каторгу; читаетъ, но не вѣритъ тому, что читаетъ. Ея души не достало для созиданія и, въ концѣ-концовъ, она болѣе нищая, чѣмъ ея отецъ: въ ея жизни еще менѣе движенія, творчества, — т. е. мѣщанства, чѣмъ у него.

„Мнѣ ничто,—говоритъ она,—никогда не казалось достовѣрнымъ, кромѣ развѣ того, что вотъ это я, а это стѣна. Когда я говорю да или нѣтъ... я это говорю не по убѣжденію, а какъ-то такъ, просто отвѣчаю и только. Она, по ея словамъ, не знаетъ—что значитъ жить. Она тоже когда-то хотѣла въ Москву, для нее всякое маленькое дѣло, не освѣщенное бенгальскимъ огнемъ,—мѣщанство, ниже ея, и въ то же время она рѣшила, что ни ей, ни другимъ—всю кучу камней не поднять. Что дѣлать! Казалось—просто... Кругомъ—маленькія кучи кирпичей какія нужно тоже нести на постройку,—*хотя бы ея учительство.* Нѣтъ, эти маленькія дѣла—*внѣ круга ея зрѣнія* Она смотритъ черезъ горизонтъ, она не-

способна жить въ границахъ между ея Калугой и Москвой и не дѣлаетъ ни шага въ сторону Москвы.

Въ результатѣ это,—„не человѣкъ,—по ея собственнымъ словамъ, — а ползучее растеніе, которое никому не нужно и только цѣпляется за ноги".

Конечно, нѣтъ и сомнѣнія, что въ сущности эта тоска по Москвѣ безсильная и убогая — только новая форма мѣщанства. Вѣдь сущность мѣщанства—именно въ неумѣньи, въ безсильи сдѣлать жизнь шире, раздвинуть ее. Для людей этого типа, чающихъ великихъ дѣлъ, возможенъ двойной исходъ. Одни изъ нихъ прячутся за великія слова, изобрѣтаютъ для себя „Волшебную сказку" — идеалъ, чаще заимствуютъ его изъ рѣчей, хотя бы, Заратустры и почиваютъ на лаврахъ, думая, что они выше другихъ, потому что „тоскуютъ", не желаютъ наполнить жизнь сѣрымъ существованіемъ, *мыслью живутъ на вершинахъ*. Такіе (какъ Наташа) даже и не тоскуютъ: наоборотъ, они очень благоденствуютъ подъ чайльдъ-гарольдовымъ плащемъ новаго „мѣщанства". Другіе, какъ Татьяна, не вѣрятъ въ слова, но не имѣютъ силы создать себѣ дѣло, потому что „людей не любятъ". Эти дѣйствительно мучатся, только муки эти носятъ не трагическій, а мѣщанско-жалкій характеръ. И тѣ и другіе тѣмъ болѣе кажутся мѣщанами, чѣмъ болѣе стараются отречься отъ мѣщанства.

III.

Въ предыдущей бесѣдѣ я уже бесѣдовалъ съ моими читателями о новыхъ проповѣдникахъ, провозглашающихъ погоню за ощущеніями, жизнь ради ощущеній и опьяненія... Но вѣдь вотъ вопросъ: на пути къ этой будто бы полной и пьяной жизни могутъ быть пре-

пятствія. Какъ быть съ ними? На дорогѣ къ наслажденію можетъ встать кто-нибудь другой, тоже ищущій наслажденія.

Отвѣты на эти вопросы даетъ „новая философія жизни“, страшные отвѣты!

Вотъ картина Рошгросса: „За наслажденіемъ“...

Высокій голый утесъ; высоко надъ утесомъ туманный призракъ, это—„жизнь“, какъ ее понимаютъ служители наслажденія „убогіе лакеи жизни“, *это наслажденіе—счастье.* А по утесу, обрываясь и падая, ползутъ искатели наслажденія: здѣсь и купецъ, и политическій дѣятель, и опереточная пѣвица... До сихъ поръ мотивъ картины общій съ мотивомъ картины „Люди и страсти“, но вотъ далѣе... Вотъ одинъ изъ искателей оборвался и упалъ, другіе съ торжествомъ *топчутъ его трупъ*, не слушая его стоновъ. Въ сторонѣ другой сильный столкнулъ „слабаго“ съ своей дороги, и онъ съ крикомъ летитъ въ пропасть. „Горе побѣжденнымъ!“

Вотъ путь, какимъ *должны идти* желающіе окрасить жизнь поисками наслажденія! И этотъ путь новые пророки не только предвидятъ, но возводятъ въ обязанность, предписываютъ, какъ заповѣдь.

Для того, чтобы жить полно и сильно,—вѣщаетъ вожакъ новаго движенія къ культу наслажденія, страсти,—нужно освободиться отъ старыхъ идоловъ, отъ рабства небу, которое связало людей своими заповѣдями, и обществу, которое связало своими законами, созданными изъ рабскихъ инстинктовъ животнаго самосохраненія. Нужно свергнуть это невыносимое ярмо небеснаго и земного закона, нужно стать по ту сторону добра и зла и никого и ничего не жалѣть. Человѣкъ прежде всего и раньше всего долженъ отвергнуть иго того будто легкаго закона, который принесъ Христосъ съ его заповѣдью любви и состраданія. Мораль Хри-

стова, это—мораль рабовъ и мертвецовъ. Любовь и состраданіе—созданіе трусливаго и рабскаго духа, котораго не должны знать люди, ищущіе обожествленія и наслажденія „жизни“. Долой состраданіе! Нужно умѣть шагать черезъ людей и кровь ихъ Какъ обезьяна—предметъ поношенія для человѣка, такъ унизительна и рабская добродѣтель состраданія, и человѣкъ будто изъ любви прижимающійся къ другому человѣку,—предметъ поношенія для *человѣка будущаго для сверхъ-человѣка.* Пусть человѣкъ будетъ самъ для себя закономъ, не знаетъ ничего, кромѣ своего я, и, поклоняясь себѣ самому, какъ Богу, свободно идетъ, куда ведетъ его желаніе.

Кверху, по крови и трупамъ, но кверху, къ созданію новой свободной и совершенной природы людей, къ созданію сверхъ-человѣка и счастья, наслажденія,—полной божественной жизни. И горе побѣжденнымъ!

Эта проповѣдь вышла отъ великаго сердца,—сердца, которое болѣло язвами человѣческими и только не сумѣло найти исходъ изъ своего отчаянія, потому что *не знало вѣры, утѣшенія Христова.*

Человѣкъ, который сказалъ это, богохульствовалъ, потому что съ страшною болью переживалъ паденіе и униженіе человѣчества, которое очень любилъ. Поэтому-то, можетъ быть, въ его устахъ и проклятія, богохульство, имѣли нѣкоторое величіе хотя бы того свѣтоноснаго ангела, который возсталъ противъ Бога и былъ низвергнутъ силой Его. Его русскіе ученики сумѣли отнять и это, хотя бы лживое, величіе и взяли изъ проповѣди учителя только то, что нравилось слуху и сердцу ихъ. Они стали возвѣщать, какъ откровеніе, „звѣриную“ истину, что всякій человѣкъ—волкъ другому человѣку, что жизнь есть борьба за существованіе, и стали проповѣдывать на землѣ борьбу шакаловъ изъ-за падали

Если ученіе перваго пророка было богохульствомъ, но все-таки язычески-сильнымъ и красивымъ богохульствомъ, то рѣчи его учениковъ-послѣдователей стали, какъ мы уже говорили, просто грязной накипью, ржавчиной. Эти ученики беззастѣнчиво проповѣдуютъ свободу маленькаго эгоизма, того эгоизма шакаловъ, противъ котораго проповѣдывалъ, и самъ учитель ихъ.

„Нравственность, — говорятъ эти люди, — понятіе условное и растяжимое; сегодня нравственно одно, завтра другое... Порокъ естественъ въ человѣкѣ, добродѣтель искусственна... Служить ближнему?.. Отречься отъ себя во имя меньшей братіи? На какомъ основаніе? Люди, какъ и все въ природѣ, неравны. И низшіе организмы должны служить высшимъ... Личность есть начало и конецъ человѣчества. Поэтому всѣ цѣпи, наложенныя человѣкомъ на самого себя, безсмысленны. (Лѣткова: „Мертвая зыбь“). Его право и обязанность, не думая о другихъ, жить для себя. Онъ въ правѣ убить, чтобы саломъ убитаго мазать сапоги... И думаютъ, что такая мораль тоже вносить въ жизнь цвѣта и краски...

Какой ужасъ разложенія! Ясно, что такая мораль не дѣлаетъ жизни красивой, даже по-язычески. Остается таже сѣрая, скучная, безцвѣтная жизнь, только въ придачу—жизнь злая „злобой нищаго раба“.

Никакого свѣта не могутъ внести эти новые бѣдные духомъ и словомъ лжепророки. Они только больше загрязнили жизнь даже съ языческой точки зрѣнія теперешнихъ выродившихся искателей ощущеній и эстетовъ. Грязь смѣшалась даже не съ кровью, а съ сукровицей...

Нужно было разсѣять эту сѣренькую тьму грязной морали. И вотъ является новый пророкъ, котораго по странному недоразумѣнію называютъ проповѣдникомъ разнузданности, ученикомъ Ницше, но который я думаю,

много сдѣлалъ для него, чтобы развѣнчать новую противочеловѣческую мораль.

Это—Горькій.

И этотъ проповѣдникъ говоритъ о культѣ жизни, о томъ, что надо дѣлать жизнь богаче, шире. И онъ ратуетъ противъ скудости жизни, бѣдной красками, тусклой и ничтожной. Онъ скорбитъ о томъ, что человѣкъ утерялъ свое первородство и поступилъ въ рабство жизни и поискамъ хлѣба. Надъ жизнью,—говоритъ онъ,—носится запахъ тлѣнія. Человѣкъ нагло улыбается, когда произносится слово „идеалъ“. Онъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурою, которою двигаетъ не духъ, а похоти. Проклиная эту скудость жизни, онъ призываетъ къ свѣту, къ новой жизни и истинѣ. И этотъ его *путь не похожъ на тотъ путь, какой указалъ и великій язычникъ, и его прихвостни.* Этотъ человѣкъ объявляетъ, что погоня за счастьемъ, борьба за существованіе въ тѣхъ формахъ въ какихъ стали ее проповѣдовывать маленькіе ученики великаго язычника, есть именно споръ шакаловъ надъ сгнившею падалью.

„Бездушные, безбожные вы люди,—говоритъ онъ этимъ будто сильнымъ людямъ устами одного изъ своихъ героевъ.—Зачѣмъ вы живете? Волки вы! Есть иные люди! Видѣлъ-я ихъ. Къ нимъ пойду. Брошу васъ, волки бездушные! Отъ плоти другъ друга питаетесь вы!“

Отвергнувши тотъ путь, который предлагали эти новые учители, онъ предложилъ свой путь, на ихъ путь непохожій. И указывая свою дорогу—сдѣлать жизнь болѣе окрашенной и свѣтлой, онъ осмѣлился пойти не только противъ паразитовъ, притаившихся въ проповѣди безумнаго, но великаго нѣмецкаго учителя, но и противъ его самого, противъ того, чьимъ ученикомъ его иногда называютъ по какому-то недоразумѣнію. *Не въ*

одиночествѣ и „отъединеніи“ людей счастье,—утверждаетъ Горькій, и въ двухъ образахъ онъ сумѣлъ ярко сопоставитъ два возможныхъ идеала, два различныхъ пути къ оживленію жизни. Былъ человѣкъ Ларра, сынъ орла. И этотъ человѣкъ-полубогъ высоко стоялъ надъ землею. Онъ презиралъ людей, которые, какъ мужики, копались гдѣ-то внизу у подошвы гранитныхъ великановъ, на которыхъ жилъ онъ, Ларра. И гордый своимъ одиночествомъ, Ларра презиралъ законъ, которымъ жили тѣ копающіеся въ грязи люди. Когда одинъ изъ этихъ людей захотѣлъ противиться его желанію, онъ убилъ его съ властнымъ презрѣніемъ, какъ давятъ червяка, случайно попавшаго подъ обувь. Люди не сумѣли казнить его. Они только отодвинулись отъ него еще дальше, оставили его быть одинокимъ съ его величіемъ.

И гордый человѣкобогъ не сумѣлъ вынести своего одиночества. Оно было слишкомъ тяжело и для него. Подавленный тяжестью этого одиночества, съ страшною жаждою быть въ общеніи съ другими людьми и человѣческими душами, онъ пытался придти къ людямъ, но они не приняли его. И въ безсильномъ отчаяніи онъ рыдалъ, палимый, какъ огнемъ, жаждой единенія.

Этотъ образъ и былъ осужденіемъ *выставленнаго проповѣдниками новаго языческаго идеала сильныхъ людей, одиноко живущихъ на вершинахъ*, высоко надъ будничнымъ маленькимъ человѣчествомъ. А рядомъ съ нимъ новый учитель указалъ и другой типъ, другой образъ ищущаго окрашенной жизни. Это образъ знакомаго намъ Данко, который отдалъ человѣчеству сердце свое, чтобы освѣтить имъ жизненный путь. Итакъ, вотъ два пути, и, конечно, не трудно выбрать между ними.

Чтобы освободиться отъ скуки жизни, человѣкъ долженъ отдать свою кровь и свою жизнь. Спасеніе

не въ борьбѣ за свое существованіе, не въ этой дракѣ гіенъ, а въ борьбѣ за чужое существованіе. „За три преступленія Израиля пощажу его; за четвертое не пощажу, за то, что живутъ какъ звѣри“ (Пророкъ Осія), за то, что, забывъ, что они люди, приняли мораль звѣрей. Человѣкъ такъ созданъ, что можетъ быть счастливымъ только вмѣстѣ съ другими, только на службѣ этимъ другимъ. Не „отъединеніе“, а именно сліяніе людей въ единствѣ дѣлаетъ ихъ сильными противъ зла жизни, дастъ имъ побѣду надъ жизнью и поможетъ имъ сорвать красный цвѣтокъ зла. Если люди соединятся хоть въ одну маленькую кучку, проникнутые духомъ единенія, и отдадутъ,—какъ проповѣдуетъ одинъ изъ героевъ романа „Ѳома Гордѣевъ“,— „всѣ соки свои пустынѣ, то эта пустыня сдѣлается оазисомъ“. „Вы хотите жить,—говоритъ учитель,— тогда *идите къ людямъ, слейтесь съ ними страстной и жгучей любовью, и жива будетъ душа ваша*“. „Другъ друга тяготы носите“ (Рим. 15, 1), кажется вамъ сѣрымъ; богиня скуки одѣла его своимъ покрываломъ, тонкимъ, какъ паутина, и крѣпкимъ, какъ шелкъ, и чрезъ эту паутину даже утренняя заря вамъ кажется осеннимъ вечеромъ. Но живите и жертвуйте собою для другого,—и міръ окрасится для васъ лучами свѣтлой радуги послѣ весенняго дождя. Если не скука, а настоящее тяжкое горе дѣлаетъ для васъ тюрьмой эту жизнь, то растворите эту каплю вашего горя въ морѣ общаго горя,— и опять взойдетъ солнце и проглянетъ свѣтъ въ маленькія окна вашей темной комнаты.

Вспоминается мнѣ граціозное стихотвореніе одного маленькаго нѣмецкаго поэта. Молодой человѣкъ, потерявшій идею жизни, хочетъ умереть, но въ послѣдніе часы своей жизни онъ дѣлаетъ счастливой одну случайно подвернувшуюся ему семью.

„Мальчикъ (одинъ изъ семьи),—разсказываетъ молодой человѣкъ,—стоялъ, онѣмѣвъ отъ счастья. Слезинка радости скользнула по его большой щекѣ и лучъ солнца. самый яркій въ моей жизни лучъ, преломился въ этой слезинкѣ, какъ электрическій свѣтъ въ водѣ брилліанта. Но этотъ свѣтъ былъ ничто передъ тѣмъ, какимъ освѣтилось его лицо, какой отразился въ его глазахъ. Въ этихъ глазахъ я увидѣлъ цѣлое море счастья, я увидѣлъ *мое* счастье. И я понялъ, что жизнь въ этомъ радостномъ взглядѣ, что нужно жить, потому что достаточно одного такого подобнаго радостнаго взгляда, чтобы жизнь стала лучезарнымъ свѣтомъ".

Къ этому счастью и зоветъ оклеветанный учитель. Онъ говоритъ не во имя Евангелія и, можетъ быть, не всегда такъ, какъ сказало бы Евангеліе. Но не нужно заслонять и маленькій свѣтъ, какъ это дѣлаютъ люди, не пожелавшіе понять духа и силы нашего писателя. Во всякомъ случаѣ его путь—настоящій путь, — тотъ самый, который указалъ и Христосъ. И его рѣчи особенно нужны теперь, когда съ такою силою раздаются другого рода рѣчи, порождающія разъѣдающую жизнь-ржавчину. Все, что написалъ Горькій, есть, во всякомъ случаѣ, призывъ къ идеалу, призывъ отъ пошлости жизни къ другой, болѣе сильной, осмысленной и человѣческой жизни. „Я за право души,—говоритъ онъ устами одного изъ своихъ героевъ,—за угнетаемую душу. Вѣрно, не живетъ душа-то! О душѣ-то подумать некогда! Для чего готовимъ себя, ежели нашу жизнь-то взять? Для смерти! Для подлинной смерти, не для переселенія въ другую жизнь, въ вѣчность, а смерти, потому что нѣтъ въ насъ сѣмени воскресенія".

Горькій призываетъ насъ къ радости и долгу единенія съ другими и службѣ другимъ. Но нельзя-ли запутаться на этомъ пути? Нѣкоторые ищутъ чего-то,—

говоритъ Горькій,—ощупью, но „часто *идутъ не въ ту сторону, гдѣ хранится все вѣчное, объединяющее людей, гдѣ живетъ Богъ*“. Если можно запутаться, то гдѣ найти путь? Горькій говоритъ, что не стоитъ мѣшать людямъ идти, куда идутъ. Тѣ, которые ошибаются въ путяхъ истины, погибнутъ. Пускай! Не стоитъ ихъ жалѣть. *Ему не жалко. Но намъ будетъ жалко!* Нужны руководители, которые указали бы именно тотъ путь, который ведетъ въ ту сторону, гдѣ живетъ Богъ. Въ какую сторону идутъ эти руководители?

Той стороны, гдѣ живетъ Богъ, Горькій, кажется, не знаетъ.

Но объ этихъ руководителяхъ въ другой разъ.

IV.

Въ какую сторону идти, гдѣ живетъ Богъ и кто будетъ руководителемъ въ этомъ пути?—такими словами закончилъ я прошлую бесѣду. Куда идти, *въ какую сторону*,—этого вопроса не нужно рѣшать намъ. Наши идеалы указаны намъ навсегда въ глаголахъ „вѣчной книги?“ Евангеліе—вотъ путь и истина. Его животворящая сила *одна* можетъ вести насъ къ свѣту. И когда мы идемъ по пути, указанному этой книгой, тогда для насъ нѣтъ опасности сбиться съ дороги. Нужно только слова святой книги читать съ большей внимательностью, чѣмъ газетный фельетонъ. Знаемъ-ли мы Евангеліе—сначала спросите свою совѣсть и отвѣтьте. Спросите себя: читаете-ли вы эту книгу, часто-ли вы ищете въ ней отвѣта на вопросы жизни? Совѣсть ваша скажетъ вамъ, что—нѣтъ. Да и зачѣмъ: все это *давно знакомо, все это старо, извѣстно еще изъ*

уроковъ священной исторіи. Читайте,—и вы увидите, что это совсѣмъ нестаро. Наоборотъ, вы увидите, что именно старое вамъ совсѣмъ невѣдомо Евангеліе, это — книга, которая никогда не можетъ быть *прочитана совсѣмъ*, только углубленнѣе и богаче по мѣрѣ того, какъ всматриваешься, вчитываешься въ строки этой книги.

Знаете стихи Хомякова?..

„Въ часъ полночный, близъ потока, ты взгляни на небеса: совершаются далеко въ горнемъ мірѣ чудеса. Ночи вѣчныя лампады, невидимы въ блескѣ дня, стройно ходятъ тамъ громады негасимаго огня. Но впивайся въ нихъ очами, и увидишь, что вдали, за ближайшими звѣздами, тьмами звѣзды въ ночь ушли Вновь вглядись—и тьмы за тьмами утомятъ твой робкій взглядъ: всѣ звѣздами, всѣ огнями бездны синія горятъ“. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ небесный сводъ, и чѣмъ больше будете всматриваться, тѣмъ больше увидите этихъ свѣтлыхъ мерцающихъ огоньковъ и небо будетъ казаться все глубже, все необъятнѣе, красивѣе и шире.

Евангеліе, по словамъ А. С. Хомякова,—то же глубокое звѣздное море, которое для одного открываетъ только малую частицу своихъ тайнъ, для другого—съ утонченнымъ духовнымъ зрѣніемъ — раскрывается въ глубинахъ своихъ.

А это углубленное зрѣніе создается вниманіемъ. Кто вглядывается — тотъ и видитъ. „Вглядись душой въ писанья галлилейскихъ рыбаковъ, и въ объемѣ книги тѣсной развернется предъ тобой безконечный сводъ небесный“, и этотъ сводъ, раскрывающійся въ объемѣ тѣсной книги будетъ съ каждой новой перечитанной строкой шириться и углубляться, и огнями святого откровенія отъ Божественныхъ словъ освѣтится и разсѣется „сердца дремлющаго мгла“.

Для того, чтобы разрѣшить вопросъ, „чѣмъ жить и какъ жить“ и избавиться отъ томящаго впечатлѣнія сѣрой и неокрашеной жизни, не нужно ничего, рядомъ съ этимъ извѣданнымъ давно средствомъ врачеванія „души больной и совѣсти мятежной“. Всякую мглу сердечную,—туманъ затемняющій дорогу въ даль къ счастію, къ жизни, всякое настроеніе унылое и погибельное разсѣетъ Евангеліе. „Я—разсказываетъ Н. С. Коханская—однажды переживала тяжелое, томительное душевное состояніе—страшной тоски. Жизнь какъ-бы остановилась; осталась одна какая-то бездна пустоты, онѣмѣніе и томленіе духа. Это была „смерть и погребеніе въ живомъ тѣлѣ“. Но вотъ подъ праздникъ Пасхи, читая Библію—сперва только для того, чтобы задремать, а затѣмъ, заинтересовавшись, напротивъ, чтобы не спать, я дошла до Евангелія, и, хотя съ неохотой, стала читать по порядку съ перваго листа. И что-же? Я не могу, я не могу передать вамъ той удивительной новости, свѣжести, которая встрѣтила меня. Все—старое, все—давно знакомое, а все такъ неслыханно шевелитъ сердце. Я не долго читала. Скоро я стала на колѣни; слезы, какъ зерна, падали, сыпались; я не стирала ихъ,—я не произносила ни слова, не крестилась,—я только стояла на колѣняхъ и свѣтъ отъ лика Спасителя лился, лился на мое, поднятое къ Нему, лицо. Этотъ праздникъ воскресенія былъ и моимъ воскресеніемъ. Вокругъ меня существено ничего не измѣнилось; но я была не та и все не то. У меня выросли крылья. Я почувствовала освобожденіе. Помирившись сама съ собою, я примирилась со всѣмъ, съ своею жизнію, съ своею долею“.

И, конечно, не одна Коханская воскресала благодаря осѣненію Духомъ, вѣющимъ отъ св. книги. Попробуйте читать, и вы увидите всемогущаго Духа Бо-

жія: путь жизни будетъ ясенъ и свѣтелъ, вопросъ *куда идти*, будетъ рѣшенъ".

Читайте, но обыкновенному человѣку „*міра*" нужно, чтобы его кто-нибудь *заставилъ* читать, у него нѣтъ силы и пробовать. Кромѣ того по пути, какой указываетъ эта книга, идти не такъ легко. Это во всякомъ случаѣ не „широкій путь"—суеты житейской Нужно найти кого-нибудь сильнаго, чтобы *повелъ*, помогъ проходить этотъ путь, потому что избрать путь и пойти это еще не одно и то же. Кто же поведетъ, поможетъ?—Это долженъ сдѣлать священникъ „Спасеніе народа нашего въ вашихъ рукахъ,—пишетъ Гоголь русскому священнику". Святыя книги вручены на храненіе священнику и долгъ священника помочь людямъ, остановившимися въ смущеніи на распутьи дорогъ и не знающимъ, въ какую сторону повернуть и куда идти, указать дорогу и подать свою руку, чтобы вести по этой дорогѣ. И священникъ, конечно—вѣрю я—всякій хочетъ исполнить этотъ долгъ.

Пастыри создали Русь,—они, какъ пишетъ Гоголь, на своихъ плечахъ вынесли святыню церкви,—мученичествомъ и подвигомъ цѣлыхъ вѣковъ, запечатлѣли истину слова Христова. Отрекутся-ли они и теперь отъ завѣтовъ отцовъ своихъ?

Нѣтъ, конечно, но есть-ли средства, гдѣ средства для того, чтобы пробудить слабую дремлющую духовную совѣсть чадъ вѣка сего? Есть: такое средство—прежде всего, конечно—слово, проповѣдь. Знаю, что перестали вѣрить въ силу этого средство созиданія жизни,—но все-таки смѣю сказать: да, средство — проповѣдь. „Мы говоримъ, но мертво наше слово".—Если мертво, пусть будетъ живымъ... Для этого не нужно ни проповѣдническаго генія, ни огненнаго слова. Нужно

только воскресить въ своей душѣ сердце, наполнить его любовью.

Для того, чтобы слово проникло въ чужую душу, отъ него требуется одно, *всего одно*, это—то, чтобы оно вышло отъ любящаго сердца. Есть разсказъ объ одномъ художникѣ, картины котораго говорили, какъ пророческое слово. Художникъ этотъ не обладалъ секретомъ разнообразія красокъ. Всѣ его картины были написаны въ одномъ красномъ тонѣ. Но, несмотря на это, картины производили огромное, страшное впечатлѣніе. Многіе художники пробовали составить такую же краску и не умѣли. Но, вотъ, художникъ умеръ—и, когда его раздѣвали, на лѣвой сторонѣ его, надъ сердцемъ, нашли глубокую рану. Здѣсь и былъ секретъ его краски. Писать кровью сердца, изводить слова изъ тайника собственной души—вотъ гдѣ тайна побѣждающаго слова. Иначе и не можетъ быть. Дѣйствуетъ на души не только слово, сколько воля, любовь, вложенная въ слово. Слово только символъ мысли и воли. Только тогда, когда въ слово проповѣди вложена молитва, т. е. глубокое чувство желанія спасенія для братіи, оно, дѣйствительно, живо и спасаетъ.

Слово надо выносить, выстрадать въ сердцѣ, какъ мать вынашиваетъ дитя. Надо его зачать отъ источника жизни, отъ того Слова, которое, по Евангелію Іоанна, было Богомъ, „и отъ любви Его“ (о. Петровъ). И оно пробудитъ всякую душу, по крайней мѣрѣ, заставитъ человѣка задуматься надъ тѣмъ, какъ онъ живетъ, остановиться и оглянуться кругомъ.

Но мы не сыны Грома. Намъ не дано того слова, „которое гремитъ громомъ, и молніей сверкаетъ, бьетъ молотомъ и расплавляетъ ледяныя сердца“. Мы косноязычны, какъ Моисей.

Пусть, но вѣдь именнно косноязычный ввелъ Израи-

ля въ пустыню. Для того, чтобы расплавлять ледяныя сердца, и не надо гремящаго слова. Какая книга послѣ Евангелія обладаетъ наибольшей способностью проникать въ душу? Это—посланіе св. апостола Іоанна, но вѣдь нѣтъ книги болѣе чуждой пламеннаго, потрясающаго краснорѣчія. Это слово — тихо, нѣжно, любовно — касается души, проникаетъ въ глубь ея и остается навсегда тамъ въ душѣ, призывая къ дѣтской невинности сердца, къ чистотѣ и любви. Это слово не звучитъ громомъ: какъ тихая мелодія родной пѣсенки, услышанной на чужбинѣ, какъ голосъ небесной родины, заглушенный „скучнымъ шумомъ земли“,—слово св. Іоанна звучитъ въ глубинѣ души, живетъ въ ней, какъ совѣсть зоветъ къ забытой родинѣ.

И это потому, что онъ любилъ. Если бы онъ былъ косноязычнымъ, болѣе—совсѣмъ нѣмымъ, онъ все-таки могъ бы лучше всякаго оратора проповѣдывать о любви однимъ призывающимъ къ любви жестомъ.

Слово живое отъ духа живого. Это прежде всего. А потомъ оно должно быть живымъ и въ своемъ содержаніи, и въ своей формѣ.

Слово мертвое не дѣйствуетъ, — но развѣ можетъ дѣйствовать слово не живое, по самой формѣ—прочитанное по тетрадкѣ, чужая и самому проповѣдника проповѣдь?

Напишутъ или спишутъ—потомъ читаютъ. Гдѣ же тутъ слово: вѣдь гдѣ читаютъ и не говорятъ, тамъ „чтеніе“, а не „слово“.

А нужно именно слово. При чтеніи слушатели бесѣдуютъ не съ читающимъ, а съ чужимъ, для нихъ постороннимъ третьимъ,—съ которымъ у нихъ нѣтъ духовной связи. Пусть священникъ читаетъ свое, — для слушателей это все равно: они не состоятъ съ нимъ въ

духовной бесѣдѣ, а слушаютъ издали чужое слово третьяго.

Слово должно быть *живой рѣчью* по самой формѣ своей, *импровизаціей*. Это вовсе не есть что-то трудное. Намъ вовсе не нужно проповѣдей изящныхъ, какъ рѣчи митрополита Филарета. Говори такъ, какъ ты говоришь въ школѣ, на улицѣ, вездѣ,—въ духѣ и силѣ Христовой церкви, хотя бы несовершенно, грубо, языкомъ не обработаннымъ, не филигранной рѣчью. И не нужно, чтобы послѣ слова вашего сказали: „какая чудная проповѣдь". Если скажутъ такъ, ваше слово пропало, „погибло сѣяніе": нужно, чтобы изъ храма вышли въ молчаніи, въ углубленной задумчивости,—чтобы въ глубинѣ совѣсти говорили: „такъ что же дѣлать?" или: „нужно перемѣнить жизнь—къ Богу идти".

Приходитъ вѣстникъ и говоритъ: „гибель близко.. врагъ рядомъ... идутъ.. близко.. наступаютъ... губятъ... разрушаютъ... спасайтесь!.." Неужели, слушая вѣстника, народъ будетъ думать о томъ, какъ плохо говоритъ вѣстникъ, какъ некрасиво. Всходитъ проповѣдникъ на каѳедру: онъ любитъ слушателей, ему дорого ихъ спасеніе, и онъ скорбитъ, болѣетъ о гибели ихъ... Онъ видитъ язвы души ихъ и начинаетъ говорить—не умѣя косноязычный, какъ Моисей, но развѣ не услышатъ, не почуютъ слушатели съ перваго слова, что имъ говорятъ о наступающемъ врагѣ, о гибели. И развѣ не поймутъ, что не ораторъ на каѳедрѣ, а вѣстникъ, пришедшій зажечь огонь около замка св. Мамонта: „сарацины идутъ"...

Я долженъ закончить, пока мою рѣчь. Итакъ, я утверждаю, что нужно слово и не безсильно оно, если не мертво.

„*Пойми*,—пишетъ Амвросій Харьковскій,—*священникъ свою силу, оставь устарѣлыя формы рѣчи, заговори живымъ*

словомъ любви и убѣжденія—что бы они могли сдѣлать!“ („Живое слово“, стр. 28).

Конечно, слово далеко не единственное орудіе пастырскаго воздѣйствія. Въ будущемъ году мы поговоримъ и о другихъ: о приходѣ, исповѣди; подробнѣе поговоримъ и о проповѣди. Но пора тебѣ и *заговорить*, православный священникъ! „Настой благовременнѣ и безвременнѣ!“

Медлить нельзя... Вѣдь въ самомъ дѣлѣ „сарацины идутъ“, на Христа идутъ походомъ. Пожаръ кругомъ. Нужно бороться, вызвать теченіе противъ теченія.

Возстаните, идемъ!

Идемъ противъ недобрыхъ нехристіанскихъ теченій, возбужденныхъ „слугами земли и боговъ земли“, противопоставимъ имъ Евангеліе—евангельскій идеалъ и евангельское слово.

Пишу наканунѣ дня памяти св. „Спиридона - поворота“, какъ называетъ его народъ. Въ древней Руси въ этотъ день приходилъ къ царю вѣстникъ и объявлялъ ему: „Царь! солнце повернулось съ зимы на лѣто, день прибываетъ на воробьиный шагъ“. И священнику нужно идти къ міру, по крайней мѣрѣ, къ своему приходу и сказать, что пора наступить повороту къ Свѣту и Солнцу—Христу. Слишкомъ теменъ былъ день... Пусть будущіе дни будутъ длиннѣе, пусть будетъ въ жизни больше свѣта и солнца. Священникъ долженъ сказать міру, что пора отъ до-христіанскаго міра идти на встрѣчу раждающемуся Христу, вернуться къ любви Христовой.

Если бы мы приближались ко Христу - Солнцу — тоже хоть *„на воробьиный шагъ“* въ день, жизнь и тогда стала бы свѣтлѣе.